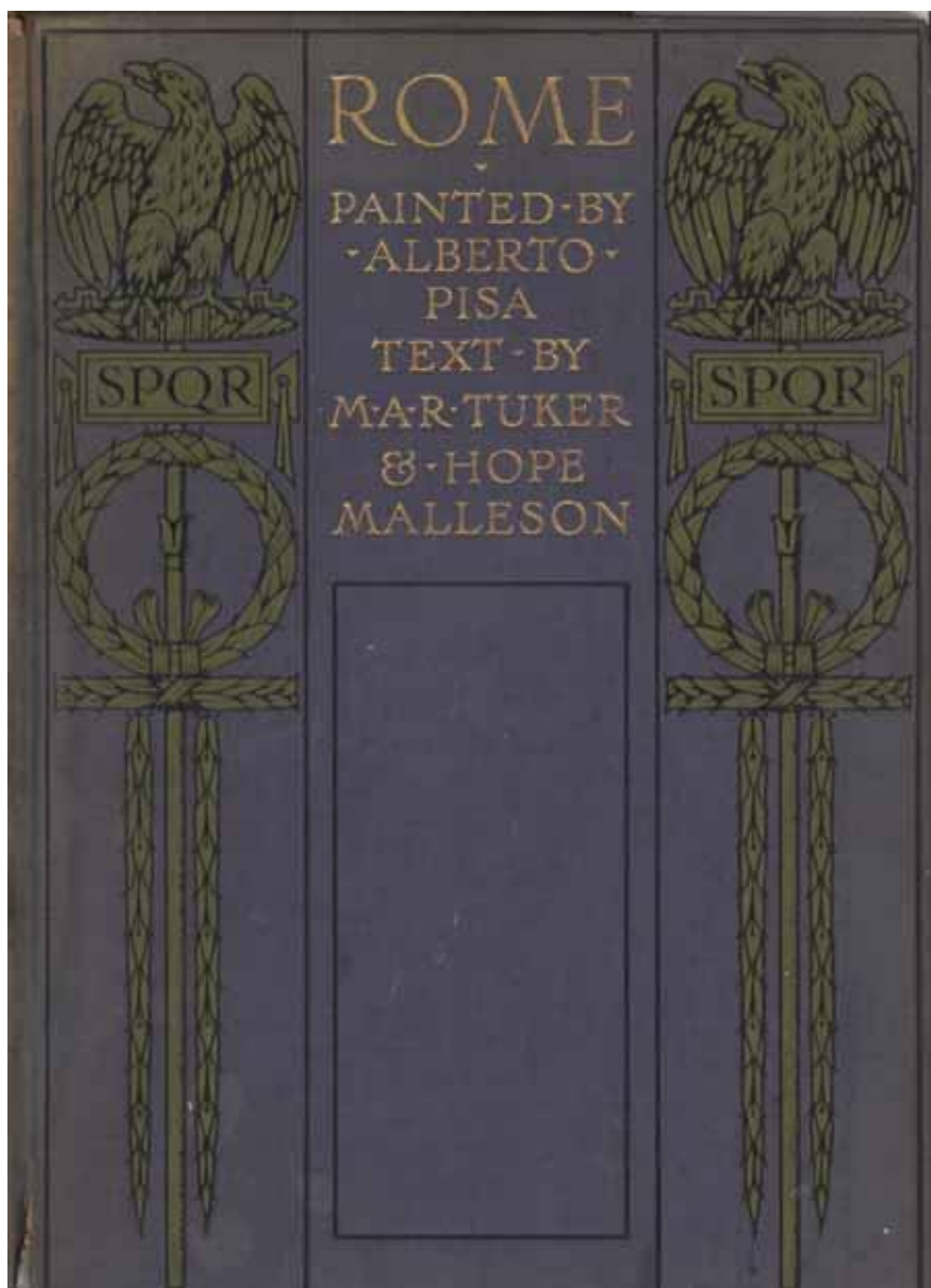

Рим

Хоуп Маллесон

М. А. Р. Тукер

The Project Gutenberg eBook of Rome

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рим

Автор: М. А. Р. Тукер

Хоуп Маллесон

Иллюстратор: Альберто Пиза

Дата выхода: 23 июля 2011 [eBook #36817]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Джульет Сазерленд, Мелисса МакДэниел и
Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ROME ***

Примечание транскриптора:

Несоответствующие дефисы и орфография в оригинальном документе сохранены.
Очевидные опечатки были исправлены.

МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ АМБАРВАЛИИ НА ФОРУМЕ

Жертвоприношение суоветаурилии происходило на границах Рима и Альба-Лонги после перлюстрации римского агера. См. стр. [15](#), [70](#).

РИМ - РИСУНКИ АЛЬБЕРТО ПИЗА - ТЕКСТ М. А. Р. ТУКЕРА И НАДЕЖДЫ МАЛЛЕСОН ИЗДАНО

ADAM & CHARLES BLACK - SOHO SQUARE - LONDON - W.

Опубликовано в апреле 1905 года

Двенадцать глав этой книги были написаны для настоящего тома , но главы III., V., VIII., часть XI. и IX. уже были опубликованы в "*Monthly Review*", "*Broad Views*", "*Macmillan's Magazine*" и "*Hibbert Journal*".

За последнее десятилетие о Риме и римской тематике было написано так много, хорошего, плохого и безразличного, что избежать по возможности заезженных тем - задача не из легких. Мы попытались представить некоторые аспекты Рима такими, какими мы сами их

видели, и опирались на наше долгое знакомство с городом и, прежде всего, с его жителями старой и новой школы.

Каждая глава - работа одного автора.

Рим, 1905 г.

Содержание

	ГЛАВА I	СТРАНИЦА
Рим		1
	ГЛАВА II	
Римское строительство и отделка		17
	ГЛАВА III	
Римские катакомбы		41
	ГЛАВА IV	
Римские регионы и гильдии		52
	ГЛАВА V	
Римская Кампанья		69
	ГЛАВА VI	
Роман-мужчина		93
	ГЛАВА VII	
Римский народ.		
I. Итальянцы		112
II. Римляне		125
	ГЛАВА VIII	
Римские княжеские семьи		159
	ГЛАВА IX	
Римская религия		180
	ГЛАВА X	
Римский кардинал		200
	ГЛАВА XI	
Рим до 1870 года		212
	ГЛАВА XII	
Римский вопрос.		
I. До 1870 года		235
II. С 1870 года		245

Список иллюстраций

1. Мраморный рельеф жертвоприношения Амбарвалия на Форуме

Фронтиспис

	К ЛИЦЕВОЙ СТРАНИЦЕ
2. Форум со стороны арки Септимия Севера	4
3. Форум с видом на Капитолий	8
4. Храм Сатурна со стороны базилики Юлия на Форуме	12
5. Собор Святого Петра и замок Сант-Анджело с Тибра	16
6. Храм Сатурна с портика Дии Консентес	18
7. Уголок Форума от основания храма Сатурна	20
8. Храм Марса Ультора	24
9. Храм Веспасиана с портика Дии Консентес	26
10. Колизей в весенний день	30
11. Колизей на закате	34
12. Арка Тита	38
13. Процессия в катакомбе Каллиста	42
14. Флавианская базилика на Палатине	44
15. Библиотека дома Домициана на Палатине	50
16. Форум Нервы	54
17. Фонтан Треви	56
18. Колонна Марка Аврелия, площадь Колонна	58
19. Пантеон, вид с фланга	62
20. Арка серебряных дел мастеров в Велабруме	64
21. Сад монастыря Сан-Козимато, Виковаро	68
22. Участок акведука Клавдиана за пределами города	72
23. Римская Кампанья, от Тиволи	76
24. Субиако из монастыря С. Бенедикта	78
25. Сад монастыря Санта Сколастика, Субиако	82
26. Святая лестница в Сагро Спеко	86
27. Маленькая уборщица в Кампанье	90
28. Фонтан "Морской конек" на вилле Боргезе	94
29. Декоративная вода, вилла Боргезе	98
30. Деревенская улица в Антиколи, на Сабинских холмах	100
31. Вилла д'Эсте, Тиволи	106
32. На вилле Боргезе	110
33. Испанская лестница, площадь Пьяцца ди Спанья	114
34. У подножия Испанской лестницы, площадь Пьяцца ди Спанья, в дождливый день	118
35. Римский крестьянин несет медный горшок для воды	122
36. Капелла Страстей в церкви Сан-Клементе	126
37. Деревенское жилище в римской Кампанье	128
38. Шествие с хозяином в Субиако	130

39. Девушка, продающая птиц на Виа дель Кампидольо	134
40. Вход в Ара Коэли со стороны Форума	138
41. В церкви Ара Коэли	142
42. Дверной проем монастыря Святого Бенедикта (Сагро Спеко) в Субиако	146
43. Капелла Сан-Лоренцо Лорикато в монастыре Святого Бенедикта в Субиако	150
44. Ступени церкви доминиканских монахинь SS. Доменико и Систо	154
45. Porta Сан Паоло	158
46. Колизей в шторм	162
47. Арка Тита с аркой Константина	166
48. Средневековый дом в Тиволи	170
49. Илексовая аллея и фонтан (<i>Fontana scura</i>) на вилле Боргезе	174
50. "Дом Кола ди Риенцо", Понте Ротто	178
51. Сан-Клементе, хор и трибуна Верхней церкви	182
52. Санта-Мария-ин-Космедин	186
53. Капелла Сан-Дзено (называется <i>Орто дель Парадизо</i>) в Сан-Прасседе	190
54. Клойстеры собора Святого Павла без стен	192
55. Монастыри в Санта-Сколастикe, Субиако	196
56. Санта-Мария-сопра-Минерва	198
57. Собор Святого Петра	200
58. Интерьер собора Святого Петра, бронзовая статуя Святого Петра	204
59. Кардинал на вилле д'Эсте	208
60. Вилла д'Эсте - тропа ста фонтанов	210
61. Театр Марцелла	212
62. Остров Тибра - Изола Сакра	216
63. Ступени Ара Коэли	220
64. Ступени церкви Св. Доменико и Систо	224
65. Санта-Мария-Маджоре	230
66. Арка Константина	234
67. Кагель и Понте Сант-Анджело	238
68. Бронзовая статуя Марка Аврелия на Капитолии	240
69. Собор Святого Петра из Пинцианских садов	244
70. С террасы дома Домициана	252

Иллюстрации в этом томе были выгравированы по технологии Цветной типографский процесс Хентшеля.

РИМ

ГЛАВА I

РИМ

Примерно за семьсот пятьдесят лет до начала христианской эры несколько латинян основали город на берегу Тибра и стали римским народом. Откуда они пришли? Пришли ли они через то, что позже стало известно как *ager romanus*, из латинской крепости Альба-Лонга, или это был смешанный народ, частично состоящий из тех людей из Этрурии, которые уже были расселены по окрестностям? В путаных картинах, дошедших до нас по традиции, мы видим латинян, конфликтующих с этрусками, и Ромула, оттесняющего последних в особый квартал города; Но мы также видим одно из трех племен, на которые он разделил народ, носящее этруское имя, этрусского вождя в качестве своего союзника, и мы знаем, что, хотя два, по крайней мере, из шести ее царей принадлежали к этой расе, религия, искусство и политические институты раннего Рима были заимствованы из той этрусской цивилизации, которая в эту эпоху была самой развитой на латинской земле.

Как бы то ни было, вокруг могущественных основателей Рима витают четыре легенды: латинская, энейская, аркадская и этрусская. Аркадиец Эвандер привел с собой колонию коренных жителей Греции и основал город у подножия Палатина за шестьдесят лет до Троянской войны. Но в Альба-Лонге также правили цари, происходившие от Энея, который пришел в Лаций после взятия Трои, принес с собой *Палладу*, священное изображение Палласа. Его потомок, весталка Рея Сильвия, становится матерью близнецов Ромула и Рема от Марса. Младенцев виновной жрицы бросают в море, но их колыбель переносят вниз по Тибру к подножию Палатина, где их сосет волчица, а воспитывает уже сложившаяся там община пастухов.

В тусклом полумраке истоков мы понимаем, что Ромул - это тип римского народа, который он символизирует и который борется с сабинами, этрусками и даже латинами за существование в качестве нации. В тусклых сумерках мы видим, как все римские вещи спускаются по Тибру к подножию Палатина - первоначальному *Квадрату Ромы* - и видим, что ядром поселения здесь была пещера Луперка, итальянского пастушеского бога, отождествленного позднее с аркадским Паном. Эта пещера находилась прямо над местом, где сейчас стоит церковь Санта-Анастасия; здесь росла дикая смоковница, в корнях которой запуталась колыбель младенцев Реи Сильвии, и здесь же находилась хижина Фаустула, их приемного отца.

Грот Луперка - древнейшее святилище царского Рима. Ибо люди были пастухами. Другие народы поднимались под руководством царей-пастухов, которые вели свой народ на войну, но ни один другой народ не становился мировым завоевателем; ни один другой народ не был одинаково искусен в искусстве войны и искусстве мира, в искусстве плуга и искусстве копья, в самодисциплине, героической преданности, единстве цели людей, которые когда-то несли в своей груди судьбы всего известного мира.

В этой истории хорошо прослеживается личность бога Марса, который был предполагаемым отцом Ромула и Рема. Сначала римский бог был сельскохозяйственным божеством - "копья Марса" были прутьями, которыми хозяин-пастух отмечал свои границы. Когда под влиянием Греции Марс стал богом битв, межевые знаки полей превратились в его боевое оружие. Но если римлянин знал, как превратить лемех в меч, он также знал, как вернуться от меча к

плугу. Одно от другого никогда не отходило - они позволяли ему владеть этими двумя способами наследования земли, умножения и покорения, производства и борьбы. Таким образом, пастушеская легенда никогда не угасала на земле Сатурна, и в самый гордый момент победы, когда реликвии *hastae martis* показывали торжествующим последователям Марса, в душе римлянина возникал образ отца Ромула, покрывающего землю гигантскими шагами, чтобы ударить этими же *hastae* в землю как знак владения, эмблему первобытного закона.

ФОРУМ СО СТОРОНЫ АРКИ СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

В левом углу находится *lapis niger*, традиционная гробница Ромула. Напротив нас - арка Тита, а справа - Палатин.

Два холма в Центральной Италии и болото между ними стали театром, возможно, величайшего тысячелетия в истории человечества. На одном холме жили латиняне - или назовем их римским народом - на месте *Roma Quadrata*, родины Ромула, места рождения Августа, холма, давшего название императорским дворцам земли. С другой стороны находились квириты и Сабинский аркс, так называемый *Капитолий*, по словам Монфокона, "потому что он был главой мира, с которого консулы и сенаторы управляли вселенной". Когда болотистая местность между ними становилась проходимой, латиняне и сабиняне спускались с крутых склонов своих холмов и превращали ее в поле боя. Но даже в те ранние времена они чувствовали необходимость в *комиции*, где соперничающие вожди могли бы встретиться, чтобы решить условия; и в скором времени эта площадка для сражений стала ядром и залогом политического величия Рима.

Ведь Форум символизирует всю человеческую цивилизацию. Это символ общего места встречи - общих чувств и потребностей людей, где вражда откладывается для дела жизни - общего, но самого благородного дела, гражданского, "цивилизованного". Это также символ человеческого величия, ведь римлянин никогда не страдал от того, что общие нужды

принуждали его к благородному миру. Поле битвы стало центром гражданской жизни, но только при условии, что интересы, ради которых люди должны сражаться, никогда не приносились в жертву интересам, ради которых люди должны сотрудничать. Через символический союз Форума две крепости варваров стали ядром города, который правил миром, а их жители - имперским народом истории.

Город на Палатине был расширен до города сабинян или квиритов на соседнем Квиринальском холме, прежде чем первый царь, родившийся в стране сабинян, был призван править римлянами. Капитолий в это время был отрогом Квиринала и оставался таковым до тех пор, пока Траян не срыл часть последнего, чтобы заложить фундамент своего форума. Этруски жили на Келийском и двух рогах Эсквилинского холмов; первый был включен в состав первобытного города, но Эсквилинский и Виминальский не были ограждены до времен Сервия Туллия, когда Рим впервые стал "городом на семи холмах". Авентин, на котором Рем хотел построить город, был колонизирован завоеванными латинскими городами в правление Анкуса Марция, и этот изолированный холм, возвышающийся над Тибром с одной стороны и кампаньей с другой, до сих пор преследует воображение своей меланхоличной красотой, своей историей изгиба, как будто он воплощает в себе неугасающий протест Рема, неустанные требования к римской справедливости. Разнообразные и интересные христианские воспоминания, которые начинаются с *титула* Присциллы и Акилы, продолжаются в Приорате некогда международного Ордена Мальтийских рыцарей, запечатлевшем самые благородные усилия светского мира в средние века - институт рыцарства; и в современном бенедиктинском доме Святого Ансельма - нашего английского Ансельма.

Яникул, место крепости, построенной Анком 1600 Марцием против этрусков, не был обнесен городскими стенами до времен Аврелиана; Ватиканский холм был обнесен только в девятом веке Львом IV. Все эти холмы когда-то были крутой защитой от врагов в окрестностях; теперь, когда врагов больше нет, римляне, похоже, стремятся упразднить холмы, а мания к строганию и срытию доведена до такой степени, что кажется посетителю не более чем ребячеством. С тех пор как была снесена вилла Массимо, Виминал стал почти неразличим, и только название *Via Виминале*, которое заменило более старое *Виа Строщи*, указывает на холм, лежавший между Квириналом и Эсквилине. Некоторое представление о первоначальной крутизне холмов можно получить, если вспомнить, что на памяти римлян дорога мимо дворца Альдобрандини - на склоне Квиринала - находилась на уровне вершины высокой стены, которая сейчас окружает его. К Капитолию можно было подойти только со стороны Форума, и он никогда не был связан с городом с внутренней стороны до строительства исторических ступеней Ара Коэли, одной из редких работ, предпринятых римлянами во время отсутствия пап в Авиньоне.

Сейчас Тибр представляет собой лишь узкий ручеек посреди своего древнего русла. Римляне никогда не делали набережных на этой стремительной реке, что можно объяснить огромными залежами желтого песка, придающего ей традиционный цвет и грозящего полностью запрудить реку у острова Тибр. Наводнения 1900 года фактически достигли того же уровня, что и в 1872 году, как мы можем видеть в соседней церкви Санта-Мария-ин-Космедин. Немногие места в Риме превосходят по разнообразию достопримечательностей *остров Сакра*, который с двумя историческими мостами - *Понс Фабрициус* и *Понс Цестиус* - перекинут через Тибр в самом центре города. Здесь находился храм Эскулапа, чье поклонение было введено в Риме во время моровой язвы, повинувшись сивиллиным оракулам. Сам остров после этого принял форму огромного каменного корабля, облицованного травертином, нос которого со скульптурным посохом и змеей бога все еще хорошо виден;

здесь Греция и Рим встретились с цивилизацией и искусством, еще более древними, чем их собственное, поскольку мачта этого огромного корабля образована египетским обелиском. Неподалеку находится район, где римляне, заимствовавшие у них их богов и культ, заставили жить этрусков "*turba impia*" ("нечестивая толпа"), а к обнесенной стеной ограде, в которой, начиная с XI века, христианский Рим заставлял жить евреев, ведет Фабрицианский мост, как мы можем понять из надписи на иврите и латыни на маленькой церкви Сан-Джованни Калибита, под картиной Распятия, которая гласит: "Я простираю руки Мои весь день к народу неверующему, который ходит путем недобрым".

В начале двенадцатого века Отто III привез, как он считал, тело еврейского апостола Варфоломея на этот остров, как за 1400 лет до этого из Греции сюда был доставлен культ Эскулапия. Однако предполагается, что город Беневентум передал императору тело святого Паулина из Нолы, которое покоится в церкви, посвященной апостолу, рядом с телом святого Адельберта, апостола славян. Францисканцы пришли на *остров Сакра* в XVI веке, и один из монахов монастыря Святого Варфоломея является популярным дантистом для бедных со всех концов.

ФОРУМ, ВИД НА КАПИТОЛИЙ

Палатин находится слева. См. страницы [4](#), [5](#), [61](#).

Здесь, посреди реки, определившей место космополитического города, находится место, в историю которого внесли свой вклад Египет, Греция, Этрурия, Палестина - Эскулапий, "один из двенадцати", христианские славяне, саксонец Отто, Франциск Ассизский. Паулин из Нолы напоминает нам о самых ранних западных монастырях, а францисканские монахи представляют нам возрождение религиозного духа в Италии в тринадцатом веке. Что еще? В красном знаменном братстве острова мы соприкасаемся с институтом, который, кажется, так же стар, как и история человечества, с теми погребальными гильдиями, санкционированными римским правом, под защитой которых первые христиане получили законную основу для себя и своих кладбищ задолго до того, как их религия стала терпимой.

Превратности города сделали некоторые черты его жизни такими же вечными, как он сам. В средние века он был святилищем, а с момента возрождения классического образования - музеем Европы. Задолго до того, как появились какие-либо удобства для путешествий, каждый приезжал в Рим. Шествие людей всех рас под небесами, во всем многообразии, всех излишествах и недостатках костюмов, проходило по улицам под внимательным, но незлобивым взглядом *беззаботного* римлянина; и когда в прошлом году светский паломник в коричневой тунике, увешанный четками и несущий распятие выше себя, вышел из собора Святого Петра среди пасхальной толпы, никто не обратил на него внимания. Современный город, становясь хозяйкой других провинций Италии, приближается по размерам к Риму ранней империи; но Рим римских пап не предусмотрел притока европейцев. Лучшим местом для ночлега была гостиница "Медведь" на одноименной улице, ведущей к Понте Сант-Анджело; здесь, говорят, останавливался сам Данте. Тротуар для пешеходов появился всего сто лет назад, и тогда только одна сторона Корсо могла похвастаться узкой пешеходной дорожкой. Улицы были загромождены лавками торговцев, мусором, грязью и камнями; ночи были темными, как смоль, а о гигиене намекали лишь мраморные *таблички*, которые до сих пор можно увидеть на некоторых старых углах улиц, объявляющие, что *монсиньор*, надзирающий за порядком, будет наказывать штрафом в 25 *скуди* и различными телесными муками за практику выбрасывать всякий мусор на боковые улицы.

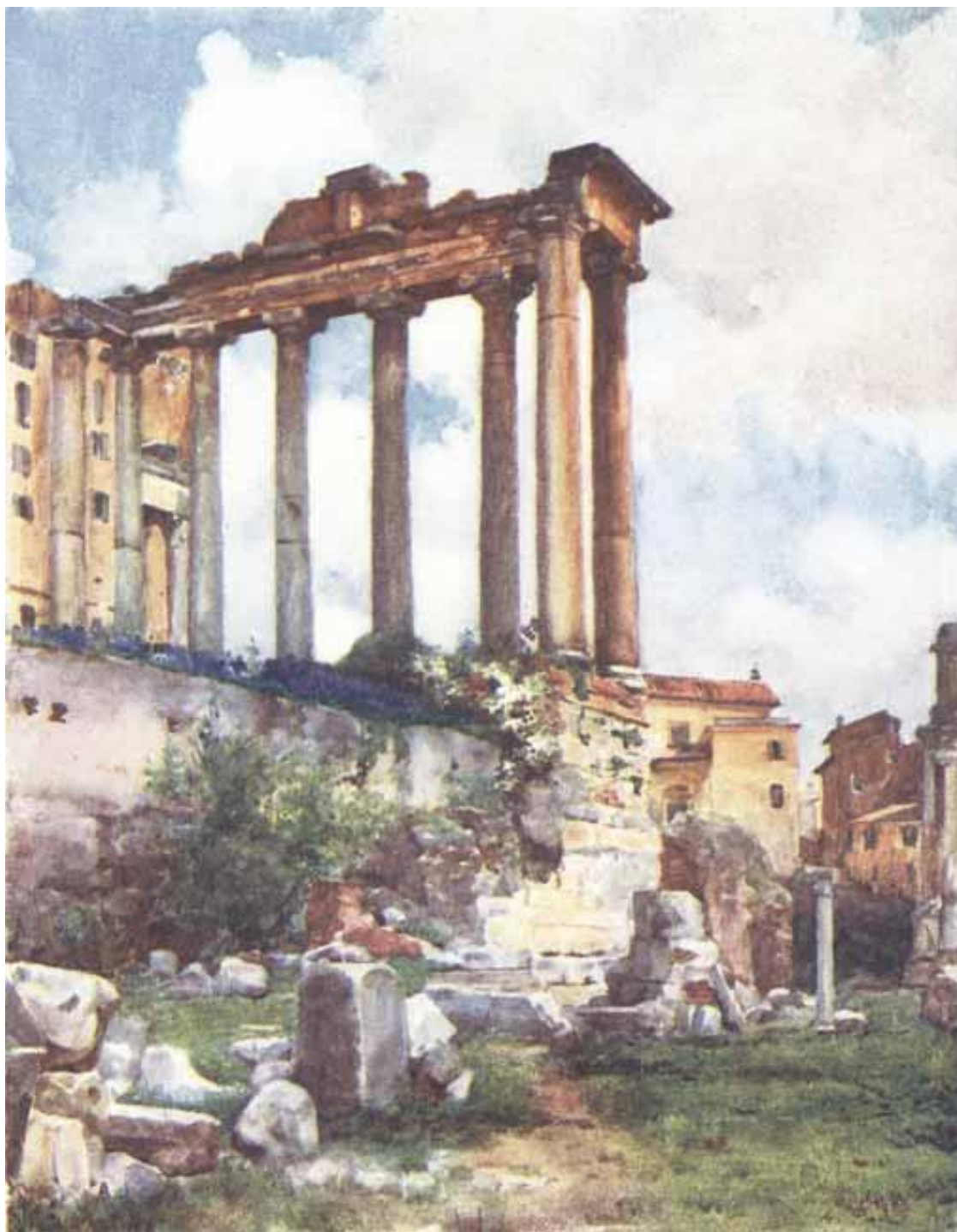
Сейчас, когда город выходит из куколки средневековья, со всех сторон раздается крик "Вандалы!". Но Рим всегда был разрушен. Даже моральные перипетии не дают ему большего права называться "вечным городом", чем выживание в условиях материального разрушения, которому он подвергался снова и снова. О том, что готы и вандалы не причинили большего хаоса, чем императоры, народы и папы, говорится в пасквинаде на Урбана VIII. (Барберини), , который снял бронзу с Пантеона, чтобы украсить балдахином собор Святого Петра: *Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini*. Любопытное совпадение, что надпись в честь побед Клавдия в Британии, в которой наши короли непочтительно названы "варварами", теперь украшает сад дворца Барберини в Риме. *Tempora mutantur nos et mutamur in illis*.

Только один фактор был постоянным в превратностях Рима - варварские захватчики, спасатели пап, иноземные вторженцы, междоусобные драки, бегство и выборы пап, каждый из которых приносил возможность для массового грабежа. К римской любви к разрушению следует добавить любовь к большому и лишнему: со времен императоров и до сегодняшнего дня, когда места и здания обречены на гибель ради того, чтобы колоссальный монумент Виктора Эммануила II мог доминировать в центре римской трамвайной системы, пока дом Августа остается нераскопанным, а его гробница обесчещена, римляне показали себя сыновьями тех, кто убил пророков, строя или оскверняя их гробницы. Но, осуждая "новый Рим", не будем забывать, что он дал нам то, чего так и не смогли достичь знания и богатства самых щедрых пап - раскопанный Форум.

В Риме нет ни Мейфэра, ни Семи циферблатов. Бедные живут, и всегда жили, бок о бок с богатыми: дворец в Гетто и лачуга на Корсо существовали без обид. Это подводит нас к еще одной постоянной черте римской жизни - нищим . Рим всегда жил за счет иностранцев, и на его улицах всегда патрулировали отряды нищих, как во времена Антонинов, так и во времена Григория Великого или последнего из суверенных понтификов, Пия IX; а веселотлицый нищий, которому этот папа разрешил сидеть у статуи Святого Петра, дожил до последних лет века и дал своей дочери на свадьбу приданое в 200 000 франков. Трудности, с которыми столкнулся римлянин эпохи Григория Великого, когда вредительство и переход к сельскохозяйственной системе *coloni* выгнали крепостных на улицы, встретились и с правительством Италии, когда после сентября 1870 года вся пестрая толпа, которая была

получателем христианской системы милостыни, в свою очередь внезапно оказалась выброшенной на улицы города. Те, кто помнит "семидесятые" или "восемидесятые" годы в Риме, помнят, как грозно "просили милостыню", как близко друг к другу стояли благословение и проклятие, как безлюдные дороги и холмы были окружены крепкими нищими, прямыми потомками разбойника, который, положив шляпу на проезжую часть, наводил на вас пистолет, когда предлагал: "Ради Бога, положите что-нибудь в эту шляпу".

Папская благотворительность обездолила целый народ: в дождливые дни на улицах появлялись объявления о бесплатной раздаче хлеба в Колизее; все приходские священники раздавали хлеб практикующим членам своих общин. Мужчины, женщины и дети, которые до сих пор подрабатывали в церквях, следовали за виатиками и похоронными процессиями, обеспечивая церковную толпу на все случаи жизни, вдруг были призваны сделать некоторую уступку современному духу - протянуть букет смятых цветов, Пронося по улицам, в рестораны и обратно коробку спичек или пару шнурков, эти новобранцы коммерческого духа меняли атмосферу ризницы на оживленный торговый вихрь, не переставая быть теми, кем они всегда были, - нищими в чистом виде. Сейчас предпринимаются успешные попытки искоренить попрошайничество. Большое и реальное бедствие, которое существует в городе, в основном связано с чрезмерной арендной платой и ужасной скученностью - в квартале *Сан-Лоренцо* можно встретить современных бедняков Рима, которые живут по пять, шесть и даже семь семей *в одной комнате*. Мания строительства в "восемидесятые" привела к "строительному кризису"; улицы недостроенных домов издеваются над бездомными бедняками, а "благоустройство" города постепенно разрушает самые бедные жилища. Среди этого бедствия наибольшую помощь по-прежнему получает старое римское население; его знают в своих приходах, и оно получает старые установленные субсидии и приданое.

ХРАМ САТУРНА ИЗ БАЗИЛИКИ ЮЛИИ НА ФОРУМЕ

Капитолий находится слева. Храм построен у подножия Капитолийского холма. См. страницы [3](#), [13](#), [30](#), [91](#).

Население Рима менялось так же часто, как и его судьба. Максимум был достигнут во времена императоров Флавиев - 2 миллиона, но даже во времена Августа жители, вероятно, насчитывали 1 300 000 человек. Период в триста пятьдесят лет, который приводит нас к дате "Мира Церкви", достаточно, чтобы уменьшить это число более чем на миллиона (335 г. н.э.). После тысячи лет христианского господства население города сократилось до минимума - 17 000 человек (1377 г. н.э.). Даже в царствование великолепного Льва X. оно не превышало 30 или 40 тысяч. С начала XVII века, когда численность населения превысила 100 000 человек, она неуклонно росла, пока в 1800 году не составила 153 000 человек. Но во время "империи"

1812 года оно упало до 118 000. Через десять лет после того, как "итальянцы" вошли в Рим, оно увеличилось на 79 000 человек и достигло 305 000. Последняя перепись 1900 года показала, что численность населения составляет 450 000 человек - не более трети от классического показателя, а Неаполь по-прежнему остается самым густонаселенным городом Италии.

Греческая традиция в Риме, кажется, суммируется в Палатине, холме Палласа; но Капитолий, холм Сатурна, суммирует саму Италию. Первый представляет Римскую империю, второй - Римскую коммуну - те свободы и то самоуправление, которые начались с вступлением *гентов* и формированием из их числа римского сената, и которые никогда не были отменены. Палатин не был заселен с тех пор, как чиновники экзархата покинули его в восьмом веке; но жизнь Капитолия никогда не прерывалась; он никогда не переставал представлять все моменты жизни римского народа. Сегодня это различие резко очерчено: Палатин - это холм величественных руин, посещаемый только туристами, Капитолий же по-прежнему является резиденцией муниципалитета Рима, на него поднимается каждая пара для празднования бракосочетания, и его реестры сигнализируют о каждой молодой жизни, рожденной в городе.

Муниципальные образования Италии сыграли большую роль в ее истории, и Рим не является исключением. Более того, сенат Рима, главы каждого *рода* из числа первопоселенцев, и *популы*, которые, напомним, были *родами* и никогда не были синонимом *плебса*, представляли собой два постоянных факта и фактора - свободный сенат и свободное муниципальное управление, осуществляемое *римскими популами*. Они процветали в средние века так же, как и в классическом городе, и поэтому Кола ди Риенцо было легко восстановить их, когда папы бросили город на произвол судьбы. Папские письма к предшественникам Карла Великого были написаны от имени сената и народа Рима - обычай, повлиявший на раннее правление самой Римской церкви, ведь ее письма к другим христианским церквям писались от имени "Римской церкви", даже когда, как в случае с посланием Климента, они были делом рук тогдашнего главы христианской общины. Опять же, когда Пипин заставил лангобардского короля уступить экзархат Равенны не императору, а Риму, использовались следующие слова: "Святой Церкви и Римской Республике". Даже во времена гордого Иннокентия III город все еще управлялся "сенатом и народом Рима", а когда римляне снова устали от своего сената - как гласит традиция, когда они сделали Нуму королем - они создали вместо него верховного магистрата, который был назван "сенатором", одной из обязанностей которого было поддерживать понтифика на его престоле и обеспечивать безопасность его и священной коллегии во время путешествий в пределах его юрисдикции. Объем этой юрисдикции - это, пожалуй, все, что сегодня осталось от власти, которой когда-то обладали сенат и римский народ. Муниципалитет Рима - самый большой в мире; он совпадает со всей римской *агломерацией*, так что его история неразрывно связана с историей римских границ, а также с жизнью римского народа.

Внешним и видимым знаком этих первобытных римских свобод является тетраграмма S.P.Q.R.-*Senatus Populus Que Romanus* (Римский сенат и народ), которая заняла место более ранней формулы *Populus Romanus et Quirites*, и именно о сабинах, а не о скромном соединении, напоминает нам эта буква Q. На протяжении веков мы можем узнать эти четыре буквы, которые в императорские времена были увенчаны орлом, венчающим штандарт римлян, который несли далеко и широко не только по улицам города и на край света, но и в религиозной перлюстрации *того времени*, когда обряды амбарвалии проводились у Клулианской траншеи, отделявшей Рим от Альба-Лонги, места битвы между альбанскими

куратами и римскими горатами. Одним из самых прекрасных остатков Форума является мраморный рельеф, изображающий *суовеаурилий* - свиноматку, овцу и быка, приносимых в жертву по этому случаю. Римское величие, которое стало синонимом границ, равных всему известному миру, возросло с признанием этих священных пределов, границ, которые до сих пор определяют римский муниципалитет - символ римских свобод.

Прагматическая санкция и мировая власть Рима! Могут ли две вещи быть более несопоставимыми? И все же версия, которая переводит S.P.Q.R. в *Si Peu Que Rien*, несомненно, должна быть отнесена к "галликанизму" - она указывает на церковное, а не политическое *diminutio capitis*. Участок города, который мы видим с террасы на Пинцианском холме, глядя на Яникул, был назван самым историческим участком земли в мире. Недаром самой дальней точкой этой непревзойденной панорамы является купол, воздвигнутый Михаэлем Анджело над гробницей Святого Петра? Три могущественные цивилизации - этруская, римская, христианская - привели к основанию двух мировых империй. Сейчас Рим вступает в третье существование, существование в качестве столицы Италии, но не *пострадал* ли он от этого? Разве не факт, что классическая и церковная империи представляли собой ее единственные судьбы мирового масштаба, единственную жизнь Рима, которая проникала за пределы города так же искренне, как и в его классические пределы? Разве папство, при всех его недостатках, не было фактическим звеном, соединяющим древний и современный Рим, сохраняя непрерывную традицию, которая давала ему, за его ритуальными границами, власть над миром?

S. ПЕТРА И КАСТЕЛЬ САНТ-АНДЖЕЛО С ТИБРА
См. страницы [16](#), [32](#), [239](#), [242](#).

ГЛАВА II

РИМСКИЕ ЗДАНИЯ И УКРАШЕНИЯ

Пастушьи хижины сгруппировались на вершине холма, основание которого омывает стремительная желтая река, впадающая в море неподалеку. Это первое слабое предвестие существования Рима, которое смутно доносится до нас сквозь века. Эти пастухи-переселенцы выбрали место, благоприятное для основания великого города, который должен был быть воздвигнут на этих холмах умелыми руками их потомков, ведь необходимые строительные материалы лежали рядом в изобилии. Один из соседних холмов, известный впоследствии как Яникул, и часть другого, Пинцианского, давали мелкий желтый песок. Под поверхностью почвы лежала вулканическая порода, которая в доисторическую эпоху, когда Кампанья была морским дном и волны омывали Монте-Каво, изливалась огромными жидкими потоками из вулканов среди Альбанских холмов и в Браччано. Неподалеку на равнине лежали огромные пласты шоколадно-коричневой земли, из которой впоследствии строители должны были изготовить цемент.

Поэтому создателям Рима оставалось только добывать строительный камень на самом месте своего города, и мы все еще можем распознать в немногих дошедших до нас фрагментах прямоугольные блоки из коричневого туфа, использовавшиеся в первый период его истории. Эти самые ранние памятники, стены Сервия Туллия и своды мамертинских тюрем, были прямым результатом периода этрусского владычества, а одна из первых больших работ, предпринятых в растущем городе, - осушение болот Форума, Кампус Мартиус и Велабрум - принадлежит Тарквинию Приску. Огромные *клоаки*, построенные для этой цели, до сих пор используются, а их кладка так же прочна, как и в 603 г. до н. э. Два этрусских царя, Тарквиний Приск и Тарквиний Суперб, построили на Капитолии первое тройное святилище, посвященное трем этрусским богам, Юпитеру, Юноне и Минерве, а примитивные римские храмы, состоявшие из простой *целлы* с перистилем, несомненно, имели этрусский характер и были украшены терракотой и бронзой в этрусской манере.

Римляне были прирожденными строителями и инженерами, и в этих областях они быстро превзошли своих предшественников и учителей. Если им и не хватало художественной оригинальности, то они проявляли готовность к подражанию и способность оценить мастерство и мастерство в искусстве, где бы они ни встречались с ними, а их практический и утилитарный дух учил их перенимать и совершенствовать опыт и направлял их в выборе подходящих материалов.

ХРАМ САТУРНА С ПОРТИКА ДИИ КОНСИСТОРИИ

Один из самых ранних памятников Рима; первоначально был построен в правление последнего из Тарквинов или в первые годы Республики, но дважды перестраивался во времена Империи. Он служил казначейством Рима. Гранитные колонны с мраморными капителями относятся к ионическому ордеру. См. страницы [30](#), [181](#).

Период, когда влияние Греции преобладало, сменил первую эпоху в строительстве Рима, и этому времени следует приписать принятие греческих моделей для общественных зданий, для цирков, бань и базилик. В Рим были завезены ионические, коринфские и дорические колонны, причем последние претерпели некоторые изменения, чтобы соответствовать более

пышному вкусу римлян . Храмы приобрели эллинский стиль. Небольшая *целла* была построена внутри открытого двора, окруженного аркадами, с которых люди помогали совершать жертвоприношения. Алтарь стоял на открытой площадке. Позже в здании появились окна, а проемы заполнялись бронзовой решеткой, подобной той, что до сих пор прекрасно сохранилась над дверью Пантеона, или перфорированным мраморным экраном, в промежутки которого вставлялись осколки цветного стекла. К III веку в Риме насчитывалось 400 храмов, но простая форма ранних зданий была скрыта чрезмерной орнаментацией, а фриз и карниз были украшены резьбой и фигурами.

Базилика, или королевский зал правосудия, представляла собой прямоугольное здание, разделенное на центральную часть или неф и боковые нефы рядами колонн под горизонтальным архитравом. Колонны располагались в два яруса, верхний из которых окружал галерею, куда можно было попасть по лестнице, ведущей изнутри или снаружи здания. Входы располагались по бокам и с одной стороны, а в некоторых случаях оба были расширены и образовывали полукруглую апсиду или трибуну, где находилось место судьи. Мраморная ширма, *cancellum*, отделяла эту часть от остальной части здания, и она представляла собой бар, к которому приводили обвиняемых; чуть дальше стоял алтарь, где горел ладан; здесь во время гонений христиан приводили в суд и предлагали им бросить ладан на огонь в знак отречения.

Эти огромные здания служили судами и для ведения дел, а те, что стояли на *форумах*, в некоторых случаях были настолько велики, что в них можно было вести сразу несколько дел. До Империи неф, вероятно, был без крыши или покрыт только навесом, а верхние галереи были полностью открыты, так что их обитатели могли по желанию присутствовать на заседаниях внутри базилики или наблюдать за играми и событиями снаружи. Аналогичным образом, только одно перило или низкая перегородка отделяла открытые колоннады внизу от Форума. Занавески могли быть задернуты, чтобы отгородиться от любопытных зрителей и заглушить звуки уличного движения, но очевидно, что базилика рассматривалась как место, где *собирались* бездельники на Форуме, о чем свидетельствуют игровые столы, выцарапанные на полу Юлианской базилики.

УГОЛ ФОРУМА ОТ ОСНОВАНИЯ ХРАМА САТУРНА

К нам обращена колонна Фоки, воздвигнутая в честь византийского императора, современника Григория Великого, а справа - колонны храма Антонина Пия и Фаустины, ныне являющегося фасадом церкви Сан-Лоренцо в Миранде. Колонны выполнены из мрамора чипполино. См. страницу [32](#).

Эра *терм*, или общественных бань, началась с Агриппы в 27 году до н. э., и к концу третьего века в Риме их было одиннадцать, не считая небольших бань, или *бальней*, которых было 850. Нерон, Тит, Траян, Септимий Северус, Каракалла, Диоклетиан - все они строили *термы*. Эти огромные сооружения были не просто общественными банями. Они были римской формой *гимназий* греков, и сохранившиеся колоссальные руины могут дать лишь самое скудное представление о том, какими они должны были быть в лучшие времена. Они включали в себя огромные залы и площадки для атлетических состязаний, вестибюли, концертные залы, картинные галереи и библиотеки, прогулочные площадки, украшенные статуями, фонтанами и кустарниками и окруженные открытыми портиками. Здесь устраивались пиры, концерты и развлечения, и в их стенах приятные часы проводила позолоченная молодежь Рима. Бани Диоклетиана, великолепным фрагментом которых является церковь Санта Мария дельи Анджели, вмещали 3600 купальщиков одновременно, бани Каракаллы - 2000. Целая армия рабов и слуг ожидала купальщиков и выполняла их поручения по подземным переходам из одного конца здания в другой. Руины *терм* Каракаллы и Тита сохранились до сих пор. Из колоссальных сводов и стен бань Диоклетиана были построены две церкви, монастырь, большой музей, а также множество магазинов, складов, конюшен и подвалов.

Не менее примечательной была римская система снабжения города, *терм* и 1350 уличных фонтанов чистой водой.

Аппий Клавдий был первым, кто начал собирать воду из источников в горах в окрестностях Рима и проводить ее через кампанию. Это произошло в 313 году до нашей эры, до этого времени жители города зависели от Тибра и затопленных колодцев. После Клавдия в разное время было построено четырнадцать акведуков общей протяженностью 360 миль. Их длина варьировалась от 11 до 59 миль, а их русло пролегалo иногда под землей, а иногда в 100 футах над ней, в то время как объем воды, которую они ежедневно изливали в Рим, был оценен в 54 000 000 кубических футов.

Четыре из этих древних акведуков до сих пор используются. Вирго, построенный Агриппой в 27 году до н.э. и известный сейчас как Треви; Александрина, построенная Александром Севером (222-235), вероятно, для снабжения его собственных бань, и известная сейчас как *Аква Феличе*; древняя Траяна, ныне Паола, и Марциан, восстановленный Пием IX. Марцианский всегда считался лучшим источником питьевой воды, а Треви, будучи более мягкой водой, предпочитали использовать для купания.

Один только амфитеатр был, пожалуй, характерным сооружением чисто римского происхождения. Предназначенные для представлений и боев гладиаторов и диких зверей, они поначалу были временными деревянными сооружениями. Единственным каменным предшественником великого флавианского амфитеатра было меньшее здание в Кампус Мартиус, построенное Статилиусом Тауром в 30 году до н. э. Строительство Колизея было начато Веспасианом в 72 году н. э., восемь лет спустя его посвятил Тит, а завершил Домициан. Он стоит на месте искусственного озера Нерона, имеет треть мили в окружности, занимает около 6 акров земли и 160 футов в высоту. Он вмещает 87 000 зрителей, а его лестницы, галереи и входы так великолепно спланированы, что эта толпа зрителей должна была найти свои места и выйти после окончания представления без особых задержек и трудностей. Над каждой из арок до сих пор можно увидеть вырезанные в камне номера входов. Колизей построен полностью из травертина, блоки подогнаны друг к другу без раствора и усеяны отверстиями, из которых жадные опустошители средневековья вырвали металлические зажимы. Несмотря на то, что на протяжении веков он использовался как крепость и служил каменным карьером, он до сих пор остается одним из самых величественных памятников Рима.

Солидность общественных зданий заметно контрастировала с хлипкостью обычных жилищ, или *insulae*. Во времена Августа их насчитывалось 46 600, а *domui*, или домов богачей, - 1790. Крыши первых были деревянными или соломенными. Поскольку земля была дорогой, они часто были многоэтажными и опасно высокими; многие из них строились из необожженного кирпича с выступающими верхними этажами, а деревянные каркасы заполнялись камышом и штукатуркой, так что при пожаре в городе целые районы за несколько часов превращались в руины. В качестве меры безопасности Август ограничил высоту *инсул* до 70 футов, а Траян снова снизил ее до 60 футов, в то время как расстояние в 5 футов между каждым домом было предписано законом Двенадцати таблиц.

Вулканический туф, который использовали первые римские строители, был постепенно отменен в пользу более качественных материалов. Его место занял *пеперино*, серо-зеленый вулканический камень с Альбанских холмов, который использовался при строительстве Табулярия в 78 году до н. э. и мавзолея Адриана. В республиканский и раннеимператорский периоды его одинаково резали на большие прямоугольные блоки, скрепляя их железом. Раствор стал применяться лишь позднее, и сначала служил только для выравнивания поверхностей камней; для скрепления кирпичей он стал использоваться лишь в более поздний и вырождающийся период архитектуры. Травертин был принят в I веке до н. э. Это кремового цвета камень, твердый и прочный, хотя и легко прокаливается огнем,

образовавшийся в результате осаждения в проточной воде. Его добывали в Тиволи и на берегах реки Анио, где он до сих пор в изобилии. По сей день каменоломни работают в Тиволи, а камень привозят в Рим на повозках, запряженных огромными белыми волами, которые величественно шагают по пыльным дорогам под уздцы своих диких погонщиков.

Шоколадно-коричневая земля, которую привозят из Поццуоли или выкапывают из грядок в Кампанье, известна как *луццолан*, и уже в начале истории Рима его строители обнаружили, что при смешивании с известью получается удивительно прочный цемент. Его использовали для фундаментов, облицовки стен и потолков. Из кусков кирпича и камня получался бетон, который заливался в жидком состоянии между деревянными оболочками, а после застывания оказывался одним из самых твердых и прочных материалов. Именно прочность этого бетона позволила римским строителям придать сводам своих бань и базилик такой огромный пролет, а для перекрытий верхних этажей его можно было использовать без балок и опор. Когда требовалась особая легкость, в бетон добавляли измельченную пемзу.

ХРАМ МАРСА УЛЬТОРА

Храм, возведенный Августом в его Форуме богу войны под названием Марс Мститель. Видна только верхняя часть древней арки Форума, ныне известной как *Арко де Пантани*. Это первое императорское здание в Риме. См. страницы [3](#), [30](#).

После I века до н. э. бетон стал излюбленным строительным материалом. Сделанные из него стены облицовывали штукатуркой и облицовывали без нее в различных вариантах, причем сорт облицовки с большой точностью определяет дату постройки. Самая ранняя облицовка, относящаяся к первому и второму веку до нашей эры, состояла из неровных блоков туфа, уложенных на цемент, и известна как *opus incertum*. В середине I века до н.э. она была заменена туфовыми блоками, разрезанными на квадраты и уложенными по диагонали, что создавало видимость сети, и поэтому известна как *opus reticulatum*. В I веке н. э. или позже эта мода была заменена облицовкой из треугольных кирпичей, уложенных острием внутрь, а к концу III века кирпичи стали смешиваться с *opus reticulatum*, и этот стиль стал называться *opus mixtum*. Случайному наблюдателю кажется, что узкие коричневые кирпичи разрушенных зданий Древнего Рима играют важную роль, но, за редким исключением, это всего лишь кирпичная облицовка на бетоне.

Вплоть до I века до н. э. в зданиях Рима практически не было пышности и декора, и город, доставшийся Августу в наследство, был городом из вулканического камня с трезвыми тонами. Когда мрамор только начали использовать, Ливий осуждал его как слишком показной и экстравагантный. Тем не менее, мода на него быстро распространилась, сначала на украшение общественных зданий, затем и частных домов, пока в первом веке империи он не стал обычным строительным камнем.

На протяжении почти трех столетий его ввозили в город непрерывным потоком из каменоломен Греции и Египта. Местный лунский мрамор, современный каррарский, поначалу не обрабатывался, но тысячи рабов и каторжников трудились в каменоломнях римских провинций. Огромные глыбы нумеровались, на них ставилась печать с именем правящего императора и отправлялись на больших триерах через Средиземное море в Остию. Затем торговые суда буксировались волами вверх по реке до Рима, их медленное продвижение прекращалось с наступлением ночи, когда они вытягивались и пришвартовывались к берегу до следующего утра, а группы *бдительных стражей* следили за сохранностью грузов и удерживали их незаконные экипажи от разбойничьих действий. По окончании путешествия грузы выгружались на мраморной пристани под Авентином; здесь до сих пор лежат неиспользованные блоки на месте некогда оживленного *Марморатума*, а теперь пустынная набережная у безлюдной реки; гавань Остии, построенная королем Анком Марцием в устье реки, теперь находится на четыре мили вглубь острова.

Время от времени из Фив или Гелиополя привозили гранитный обелиск, чтобы украсить имперский цирк. Тот, что сейчас стоит на Латеранской площади, имеет высоту 108 футов и весит 400 тонн. Для этой задачи пришлось специально строить корабли, и один из них был настолько огромен, что после безопасной транспортировки ватиканского обелиска в Рим он был затоплен императором Клавдием, чтобы служить волнорезом для гавани в Порту. Когда груженные корабли прибыли в *Марморатум*, обелиски были вытащены на берег людьми и лошадьми, а затем перетащены на роликах по улицам города бригадами рабочих. Когда-то в Риме было установлено сорок восемь обелисков, из которых тридцать исчезли и не оставили следов.

ХРАМ ВЕСПАСИАНА С ПОРТИКА ДИИ СОГЛАСИЯ

Построен в честь первого императора Флавиев его сыновьями Титом и Домицианом. Три оставшиеся коринфские колонны выполнены из каррарского мрамора. Арка Септимия Севера справа была посвящена императору и его сыновьям Каракалле и Гете в 203 году н.э. в честь их парфянских побед. Она выполнена из пентелийского мрамора. Церковь Санта-Мартина на заднем плане находится недалеко от здания Сената. См. стр. [31](#), [32](#).

Пока длилась мода на мрамор, ни один материал не считался слишком редким или слишком дорогим. Парийский мрамор, самый красивый из всех белых мраморов, с острова Парос; пентелийский мрамор из Пентелика; гиметтанский мрамор с гор Аттики; насыщенный желтый *giallo antico* из Нумидии; *cippolino* с его прекрасными зелеными волнами из Каристоса; пурпурный *porfiro* из Фригии; черный мрамор с мыса Матапан; зеленые и красные порфиры из Египта; алебастр из Фив; серпентин из Спарты; яшма и плавиковый шпат из Малой Азии; *лазурит*, которым Тит вымостил одну из камер в своих банях, из Персии, а также бесчисленные сорта так называемых мраморов *Лумачелла* и редкие и прекрасные *брекчии*.

В Риме появилась целая армия мраморных рабочих, резчиков и пильщиков, полировщиков и чистильщиков, резчиков простых лепных изделий и надписей, а также более искусных скульпторов орнаментов, статуй и бюстов.

Цветной мрамор впервые был использован в виде небольших кусочков для изготовления мозаичных покрытий. Это искусство было завезено из Греции примерно в I веке до н. э. и в своей простейшей форме представляло собой выкладывание гладких камешков в виде грубого узора на цементном слое. По мере развития искусства кубы, ромбы и шестиугольники из травертина и серой лавы вырезались и соединялись в простые узоры. Затем стали использовать кубы из цветного мрамора, а узоры из фигур и цветов стали более сложными. Полы готовились из бетона, покрытого несколькими слоями цемента; последний слой тщательно заглаживался и выравнивался, в него вставлялись кубики в соответствии с рисунком, и, наконец, все заливалось жидким цементом, чтобы заполнить трещины. После высыхания и затвердевания поверхность полировалась песком и водой, натиралась маленькими мраморными блоками.

Тротуары лучших времен можно узнать по размеру кубиков, примерно три на дюйм, а также по аккуратности и законченности работы. Можно выделить две разновидности мозаики: мозаику, в которой мрамор, камни и цветное стекло нарезаются только кубиками, и так называемую *секстильную* мозаику, в которой изображаются сложные сцены и группы фигур, а цветные кусочки распиливаются по форме, чтобы соответствовать дизайну. *Таблинум* в доме весталок и храм Юпитера на Капитолии были вымощены секстильной мозаикой. Самая блестящая мозаика, вошедшая в обиход во времена Империи для украшения стен и сводов, была сделана из осколков цветного мрамора и стекла, последнее специально готовили с помощью кислот, чтобы сделать его непрозрачным и придать ему блестящий вид. Искусство мозаики в Риме никогда не угасало полностью. Римские мозаичные тротуары и мозаичные украшения стен копировали строители средневековых церквей, и даже сейчас в Ватикане работает мозаичная фабрика.

Хотя сначала цветной мрамор использовался именно так, постепенно он стал применяться для внутренней отделки домов, для колонн, дадо и фриз. Первым так украсил свой дом консул Луций Красс (176 г. до н. э.), а Лукулл (151 г. до н. э.) вымостил свой зал черным мрамором. Позже целые комнаты стали облицовывать тонкими плитами, прикрепленными к бетонной стене железом. Иногда такие мраморные стены покрывали тонким слоем штукатурки и расписывали. По мере того как росла страсть к роскошным интерьерам, в ход пошли все декоративные искусства. Стены расписывались фресками, как мы до сих пор видим в Помпеях и в доме Германика на Палатине. Потолки, стены и карнизы украшались лепниной с мелким рельефом. Очень твердая штукатурка изготавливалась из извести и мраморной крошки - она была почти такой же прочной, как мрамор, и могла выдерживать почти такую же высокую полировку. Ее использовали даже для полов; для внутренней отделки к ней примешивали парижский гипс. Лепнина, фигуры, арабески, группы и сцены

были выполнены из этой штукатурки и тонко раскрашены. Образцы сохранились в музее Диоклетиана, их можно увидеть *in situ* в латинских гробницах.

Самые грандиозные планы по строительству Рима были задуманы Юлием Цезарем и Нероном. От построек Нерона не осталось ничего, кроме некоторых руин его Золотого дома под банями Тита, в то время как проекты Цезаря было суждено воплотить в жизнь его великому преемнику Августу. Этот император по праву мог похвастаться тем, что нашел Рим городом из кирпича, а оставил его городом из мрамора. Республиканский период, последовавший за изгнанием Тарквинов и завершившийся его воцарением, не был столь плодотворен на общественные здания, как эпоха, последовавшая непосредственно за ним. Из первого до нас дошли Табуларий, гробницы Бибула и Цецилии Метеллы, храм Фортуны Вирилис и руины Фабрицианского моста, современного Понте Кватро Капи. Однако город начинал приобретать более величественный вид. После воцарения Августа Капитолий был увенчан храмом Юпитера, построенным Тарквинами, который должен был восстановить Домициан. Долину между Палатином и Авентином занимал огромный Цирк Максимус, построенный Тарквинием Приском и украшенный Юлием Цезарем, который настолько полностью исчез, что мы можем проследить его местоположение только по нынешней Виа дей Черчи. Храмы Конкорда и Кастора и Поллукса стояли на Римском форуме, а храм Сатурна, ограничивающий крутой *Клив Капитолийский*, который вел вверх к Капитолию - древний *Монс Сатурнин* - свидетельствовал о золотом веке, когда Сатурн царствовал в Италии.

Улицы города были вымощены, а за стенами огромная Аппиева дорога пересекала Понтийские болота и тянулась дальше к Бриндизи и на восток.

За сорок последующих лет Рим преобразился. Возникли Кампус Мартиус, Пантеон с банями и акведуком Агриппы, портик Октавии, посвященный Августом своей сестре, театр Марцелла и великий мавзолей, где должны были покоиться император и его родственники, и который, почти задушенный бедными домами, в наши дни служит для неблагородных функций арены для боя быков и третьесортного театра. Были восстановлены храмы, достроена базилика Юлия, возведен еще один Форум с храмом Марса Ультора посреди него. На месте родового дома Августа на Палатинском холме был возведен большой дворец, построенный им и Тиберием, и этот район Рима отныне стал обителью цезарей.

КОЛИЗЕЙ В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Флавианский амфитеатр, названный Колизеем из-за колосса или колоссальной статуи Нерона, стоявшей на веле перед ним. Снимок сделан с *ортеции*, принадлежащей Барберини на Палатине, с видом на арку Константина. См. страницы [22](#), [23](#), [31](#).

Август и его ближайшие преемники стали свидетелями золотого века римского строительства. После Адриана наступил период упадка, характеризующийся пышными орнаментами, плохим вкусом и качеством изготовления, который достиг кульминации при Константине и его сыновьях.

Следуя по стопам Августа, Калигула и Нерон возвели на Палатине дворцы. Калигула соединил холм с Форумом, а Нерон открыл вход в сторону Келиана. Веспасиан построил здесь дом Флавиев, который его сын Домициан должен был посвятить в дар народу, как *Aedes Publica*. Септимий Северус расширил Палатин к югу, построив Септизоний.

Из построек Тиберия до нас дошли колонны храма Цереры, встроенного в церковь Святой Марии в Космедине; из построек Клавдия - прекрасные разрушенные арки его акведука. Флавианские императоры были великими строителями, и к этому периоду относятся арка Тита, построенная в 70 г. н. э. в память о разрушении Иерусалима, памятник лучшего периода Рима, разрушенные бани, возведенные этим же императором, а также большой амфитеатр и руины храма Веспасиана.

Великие постройки Траяна - его форум и триумфальная арка, его базилика и библиотека - представлены очень маленькой раскопанной частью базилики и колонной, вершина которой отмечает высоту холма, вырубленного этим императором, чтобы проложить дорогу между Квириналом и Капитолием и тем самым облегчить перегруженное движение в городе.

От работ Адриана остались лишь руины виллы близ Тиволи, мавзолей и *Понс Аэлиус*, ныне замок и мост Сант-Анджело; а за церковью Сан Франческа Романа на Форуме - руины *Темплум Урбис*, храма Венеры и Рима, с его двойными нишами для богов, одна из которых повернута в сторону монастыря, а другая смотрит на Колизей. Позолоченная бронзовая черепица с крыши этого храма была снята папой Гонорием I, чтобы украсить христианский *Templum Urbis S. Peter's*.

В течение последующих 140 лет в Риме появились, среди прочих памятников, которые погибли, храм Антонина и Фаустины, построенный Антонином Пием в память о своей жене и превращенный теперь в церковь С. Лоренцо в Миранде, колонна Марка Аврелия, триумфальная арка Септимия Севера, посвященная его сыновьям Каракалле и Гете, бани, носящие имя этого старшего сына, хотя начатые только им и завершенные Гелиогабалом и Александром Севером, стены Аврелиана, которые до сих пор охватывают город, и *термы* Диоклетиана. Самыми поздними из императорских построек были храм, возведенный Максенцием в честь своего сына Ромула, ныне церковь Св. Космы и Дамиана на Форуме, а также бани, базилика и триумфальная арка Константина.

Посетитель этого города Сезаров должен был быть почти обескуражен увиденным. Когда он проходит через город, его взгляд со всех сторон встречают великие здания, их позолоченная плитка и белые мраморные стены сверкают на солнце и в прозрачной атмосфере. Толпы людей толкают его на узких мощеных дорогах. Он пересекает один форум за другим, всего шесть, и наконец достигает *Campus Martius*. Он останавливается на ступенях храмов и базилик, которые, кажется, со всех сторон окружают эти оживленные центры римской жизни. Открытые пространства заполнены деревьями и кустарниками, фонтанами и статуями. Он может насчитать тридцать шесть триумфальных арок и восемь мостов, перекинутых через желтый Тибр. Он проходит мимо театров и *стадионов* для скачек и игр, колонн и обелисков. Иногда ему попадаете гигантское здание, колосс даже в этом городе чудес, амфитеатр Веспасиана или *термы* Диоклетиана, или огромный цирк, где 285 000 зрителей сидят в ожидании начала гонок на колесницах; он заметил группы возниц в их характерных цветах, и идут крупные ставки. Он прошел из одного конца города в другой, защищенный от солнца и дождя, вдоль крытых портиков, тротуары которых были богато украшены мозаикой, а по всей их длине располагались непрерывные ряды статуй и картин. Он смотрел на величественные дворцы Палатина и замечал потоки людей, входящих и выходящих из городских ворот по пути в пригороды, которые простираются до Вейи Тиволи и Остии, или на виллы, парки и сады, деревни и фермы, которые покрывают окраины Рима на расстоянии 15 миль, среди которых большие дороги, усыпанные мраморными гробницами, расходятся в стороны к холмам.

С упадком этого могущественного города началась эпоха церковного строительства. Происхождение христианской базилики до сих пор является предметом споров, но результаты тщательных и недавних исследований^[1] подтверждают мнение, что она была создана не на основе своей языческой базилики, а на основе частного зала, который находился во многих жилищах богатых римлян консульского или сенаторского ранга и служил для тех домашних трибуналов для решения семейных споров, которые санкционировались римским правом. Этот вывод не принимается во внимание из-за ошибочного мнения, что первые христиане были набраны из рабов и более бедных слоев населения, но теперь доказано, что знатные римляне и даже члены императорских семей рано приняли христианство, и было более чем вероятно, что домашние базилики в их домах должны были использоваться как места собрания членов их веры, причем сбор большого

количества людей мог быть скрыт во времена гонений, благодаря использованию многих входов, общих для римского дома.

Домашняя базилика, предназначенная для христианских собраний, с развитием церковной системы превратилась в римский *титул*, церковь в доме, а так как общественные залы не строились до Мира Церкви, они множились по мере роста христианского населения и к II веку насчитывали 40 зданий. Таким образом, христианская базилика существовала и совершенствовалась во всех своих литургических частях в первые три века, и когда Константин построил свои великие внехрамовые церкви, он лишь усилил тип, знакомый каждому христианину.

КОЛИЗЕЙ НА ЗАКАТЕ

Снято с горы *Монс Оппиус*, одного из двух отрогов Эсквилинского холма. См. страницы [5](#), [11](#).

S. Мария Маджоре, вероятно, существовала как домашняя базилика в более раннее время, чем время ее предполагаемых основателей Либерия и Сикста, и мы знаем, что Санта-Кроче и Латеран были построены внутри Сессорианского дворца и дома Латерани, в которых они, вероятно, были залами.

В архитектурном плане самые ранние церкви больше напоминали домашний зал, чем общественную базилику. Последние были не более чем крытой частью Форума, на котором они стояли. Вход в них осуществлялся с обеих сторон через открытые амвоны, которые, как мы видели, были свободны для всех. Позже крайние части были обнесены стенами и расширены до апсиды, чтобы увеличить пространство, доступное для юридических целей. С другой стороны, домашняя базилика представляла собой прямоугольное здание, крытое и закрытое со всех сторон, с единственной апсидой в одной из крайних частей, обращенной к главному входу. Центральное пространство было окружено с трех сторон портиками, разделявшими его на части, которые стали нефами для верующих и нартексом для катехуменов. Место домашнего судьи, стоявшее в апсиде, было заменено епископским

троном, а *анциркум* стал перилами алтаря, отделявшими эту часть, пресвитерий церкви, от остальной части здания.

Руины флавианской базилики в доме Домициана на Палатине (81-96 гг.) дают нам возможность увидеть план такого домашнего зала, в данном случае расположенного рядом с *триклинием* дома, а не на одной линии с *вестибюлем* или входом, как это обычно делалось. Здесь фрагмент *анлимуса* все еще можно увидеть *in situ*.

Христианский алтарь в самых ранних церквях располагался перед апсидой, лицом к прихожанам, а пространство перед ним, за пределами пониженной части или *confessio*, было отведено для хора и окружено мраморной балюстрадой. Колонны поддерживали горизонтальный архитрав, над которым возвышалась плоская стена, пронизанная окнами, и простая крыша из кедровых балок.

Полы были вымощены мелкой мозаикой из мрамора и зеленого серпентина, чередующейся с плитами из белого мрамора или дисками из красного порфира. Трибуны, арки и своды, а иногда и другие части стен были украшены блестящей мозаикой, и образцы этой работы четвертого, шестого, девятого и двенадцатого веков, а возможно, и второго или третьего, счастливо избежали восхитительной руки реставратора. В двенадцатом веке искусство обработки мрамора пережило временное возрождение под влиянием талантливой семьи художников Космати, и многое из их работ и работ их школы до сих пор можно найти в Риме: резной мрамор и инкрустация мозаикой по мрамору легко узнаваемы в декоре клуатров Латерана и собора Святого Павла за стенами, на амвонах, канделябрах и гробницах, разбросанных по церквям.

Прямые архитектурные линии христианских базилик и сдержанная окраска пола и апсид создают тонкий и гармоничный эффект, но они были возведены в эпоху разврата и не были рассчитаны на прочность, и лишь немногие из них пережили бури средневековья и избежали разрушения под безвкусными реставрациями эпохи Возрождения.

Новая строительная эпоха, зародившаяся в Риме, должна была питаться исключительно за счет старой. Колонны и лепнина переносились из ближайшей базилики в христианскую церковь и располагались там бессистемно. Проще говоря, между массивными колоннами храма быстро возводились стены из древнего кирпича; мраморные оболочки срывались, чтобы использовать их в качестве обычного строительного камня; статуи, резные карнизы и фризy отправлялись в известковые печи, которые возникали по всему городу там, где древние памятники стояли наиболее густо; бесценный мрамор измельчался на осколки для изготовления мозаик или смешивался с цементом и превращался в бетон.

Когда Константин покинул Рим, чтобы основать свою новую столицу, город уже превратился в убогий провинциальный городишко, и пятьдесят лет спустя Иероним мог сослаться на его позолоченное убожество и храмы, затянутые паутиной.

Уже была поставлена печать на старом порядке, когда Грациан в 383 году отменил привилегии языческих культовых сооружений, и за разрушением быстро последовали бедствия. Дважды Аларих разорял город и уносил бесценную добычу. Витигес содрал мрамор с мавзолея Адриана и разрушил акведуки; Генсерик разобрал храм Юпитера; Роберт Гискар уничтожил Кампус Мартиус и другие части города огнем. Осады, грабежи, землетрясения, пожары и наводнения сменяли друг друга, пока старый уровень города местами не оказался погребенным на 50 футов под скопившимися руинами и мусором.

Сцена вновь меняется; пролетели века, и город Рим превратился в запустение. Мраморные колонны и гранитные обелиски лежат, распростерты на земле, а многие другие нашли могилы под землей. Огромные курганы земли и каменной кладки, обезображенные грубыми бойницами, представляют собой все, что осталось от великих памятников; разрушающиеся руины и пустыри простираются до самых стен, а без кампань город превратился в охваченную лихорадкой пустыню.

Военные крепости, сторожевые башни на стенах и колокольни церквей - единственные здания, сохранившиеся в рабочем состоянии. На мусорных кучах под стенами собора Святого Петра рычат и дерутся исхудавшие волки. Голую вершину Капитолия венчает виселица, по ее сторонам и вдоль зеленых склонов Форума пасут свои стада козы, и таким образом холм и участок земли у его подножия снова вернулись к своему первобытному пасторальному состоянию и своим пасторальным названиям - "холм коз" и "поле коров". Над всем этим нависла зловещая тишина ужаса, кровопролития и моровой язвы.

На этой сцене разрушения должен был возникнуть современный город Рим эпохи Возрождения, а средневековые здания, в свою очередь, должны были быть разрушены или облечены в современную одежду, оставив лишь несколько церквей и монастырей, несколько башен и дворцов, несколько монастырей, чтобы отметить прохождение веков.

АРКА ТИТУСА

Возведена в память о разрушении Иерусалима этим императором в 70 г. н.э. Она украшена рельефами семистворчатого подсвечника и других трофеев Храма, которые пронесли через город во время триумфа императора. См. страницу [31](#).

Остатки императорского города описываются современным писателем[\[2\]](#) как скелет под современным городом, под улицами, виллами и общественными зданиями; и с пятнадцатого века, когда Рим, только что избежавший такого же полного исчезновения, как ее сосед и древний соперник Тускулум, снова начал подниматься из пыли, до наших дней, все

строительные материалы были предоставлены ее руинами. Те немногие памятники, которые сохранились, обязаны своей сохранностью освящению в качестве церквей.

Из всех опустошителей, жертвой которых стал Рим, никто не был так усерден в разрушении, как его собственные правители и народ. Улицы были вымощены строительным камнем, церкви и дворцы построены из античных материалов. Памятники величайшей художественной и исторической ценности были разрушены с этой целью: только из Колизея в XV веке было похищено 2522 телеги травертина. Неадекватные запреты, издаваемые через редкие промежутки времени, оказались бессильны перед столь глубоко укоренившейся и почитаемой временем практикой. Каждый сад виллы и дворцовая лестница наполнены древними статуями. Фрагменты надписей, резные лепнины и карнизы, мраморные колонны и античные фонтаны встречаются в каждом дворе. Даже в самом скромном доме или магазине можно найти мраморную ступеньку или мраморную перемычку для входной двери. И по сей день в Риме не ведется никаких работ, не роется фундамент дома или не прокладывается газовая труба, но рабочие натыкаются на древнюю кладку, акведук, подземный ход которого неизвестен и не исследован, ответвление одной из великих *клоак* или огромный бетонный свод бани или храма, разрушение которого доставляет столько же проблем, как если бы это была твердая скала.

К счастью для студента и археолога, правительственный чиновник, "хранитель раскопок", теперь следит за всеми подобными операциями, и все важные "находки", фрагменты надписей и статуй, глиняные лампы, бронзовые или стеклянные сосуды, фрагменты мозаики и золотые украшения, собираются и сообщаются.

ГЛАВА III

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ

От катакомб, подземных усыпальниц первых римских христиан, до базилики Святого Петра, величайшего церковного сооружения на земле, нет перерыва в драме истории. Когда вы выходите с кладбища Каллиста на поля, граничащие с Аппиевым путем, и смотрите на купол великой церкви в честь Петра, вы говорите себе: "Вот толкование этого": это может увидеть в своих скромных чертах черты того; церковь, которая господствует над римской страной - имперским владением Рима - может признать, что тихие подземные галереи Аппия уже так же эффективно овладели столицей мира.

Римская церковь основана на трех событиях: апостольской проповеди, постоянстве ее мучеников, ее положении наследницы императорского Рима - положении, которое рано стало олицетворяться и представляться в лицах ее епископов. Все это имеет свой памятник в катакомбах, которые несут неоспоримые следы пребывания и проповеди апостолов, которые являются самыми ранними святынями римских мучеников, и которые сохранили для нас в крипте на кладбище Каллиста, отведенной для руководителей Римской церкви от Антероса до Евтихия (235-275 гг. н.э.),^[3] настоящее ядро папского господства. Именно преемникам этих людей предстояло занять роль, оставшуюся вакантной после отъезда Константина в Византию; быть вынужденными занять положение владыки через неопределенность управления императора лейтенантами - сначала в Риме, а затем в Италии; укрепить эту власть постоянными присоединениями итальянских территорий и, наконец, приобрести путем духовного завоевания вселенский сюзеренитет, столь же реальный, как и у римского

императора. Если бы те, кто начертал гордые слова вокруг купола собора Святого Петра, знали, что в катакомбах спрятаны фрески, изображающие Петра как нового Моисея, ударяющего по скале, из которой вытекают спасительные воды Христа - над ним четко написано имя *Petrus* - даже они должны были бы трепетать от удивления и благоговения: защитники первенства Петра не могли бы представить или придумать притчу первых веков, более подходящую для их руки.

ПРОЦЕССИЯ В КАТАКОМБЕ КАЛЛИСТА

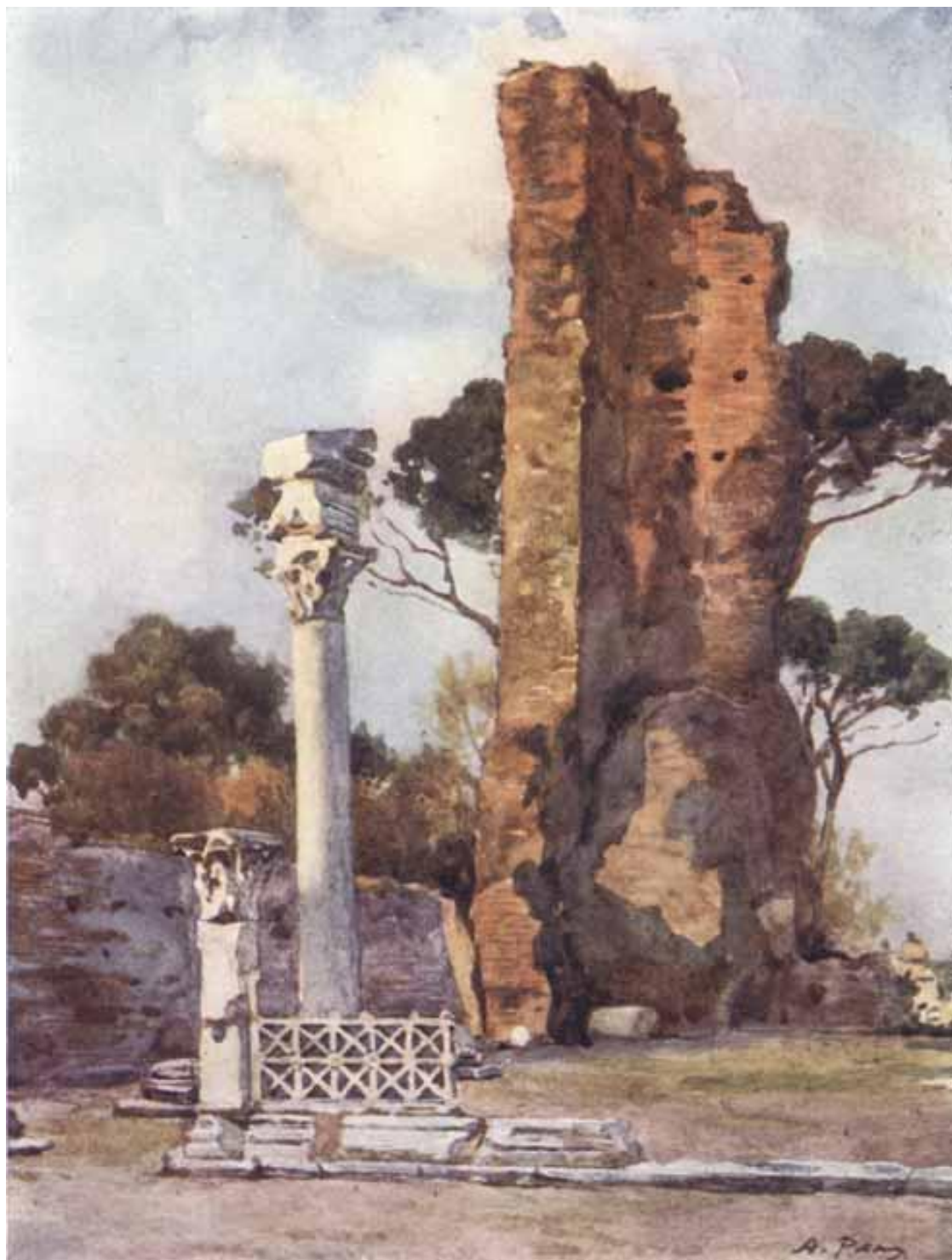
Ядро большой катакомбы на Аппиевой улице образовали склепы Луцины и *гипогейя* семьи *Цецилий*, как языческой, так и христианской, члены которой имели свои усыпальницы на Аппиевом пути. Здесь была похоронена Святая Цецилия. См. страницы [42](#), [45](#), [46](#), [29](#).

Места погребения первых христиан в Риме были их единственной собственностью. Закон позволял каждой корпорации иметь свой *religiosus locus*, свой Божий акр, собственность, которую редко конфисковывали даже в самые страшные часы великих гонений. Таким образом, христиане, хотя они никогда не жили в катакомбах, стали рассматривать их как убежище, как место, где было безопасно встречаться для молитвы, для взаимного ободрения, даже для катехизации неофитов и детей. Вокруг них лежали их мертвые, их близкие, более того, вокруг них лежали их мученики, мужчины и женщины, которым предстояло доказать, что "кровь мучеников - семя Церкви"; чья героическая смерть была засвидетельствована многими; память о чьем героизме оказалась почти столь же сильной, как и внешнее свидетельство, когда места их захоронений стали ядром первых христианских церквей, а всеобщее почитание, испытываемое к ним, положило начало христианскому культу святых.

Катакомбы расположены по большей части в радиусе трех миль от стены Аврелиана. Их насчитывается сорок пять, и подсчитано, что ходы, галереи и камеры, из которых они состоят, занимают несколько сотен миль, образуя огромный подземный город - "подземный Рим". Первые 300 лет, до "Мира Церкви", это было обычное место захоронения, некоторые катакомбы были связаны с церковными районами города, начиная с третьего века. Даже после "Мира" христиан иногда хоронили здесь, вплоть до пятого века, после чего катакомбы посещались как место паломничества еще 400 лет.

С девятого века они пришли в полное запустение, никто не посещал эти святилища страданий, эти памятники человеческих привязанностей и религиозных верований первых христиан. Посетители слышали, что Рим был построен на страшных подземных расщелинах, наполненных змеями, часть которых время от времени открывалась испуганным жителям. Никто не проникал туда до пятнадцатого века - первые первооткрыватели относятся к шестнадцатому, и только во второй половине девятнадцатого новый мир предстал перед студентом благодаря раскопкам Де Росси, который заново открыл великое кладбище Каллистуса, содержащее знаменитый "папский склеп", и чьи труды привели к восстановлению почти двадцати катакомб.

Страшные подземные расщелины, наполненные змеями, оказались галереями гробниц, склепами всех размеров, освещенными шахтами, некоторые с сиденьями для катехизаторов, некоторые приспособлены как миниатюрные базилики, украшенные фресками с библейскими сценами, новозаветные притчи и символические изображения новозаветных событий - (в которых "апокрифы" не отличаются от "канона", а история Сусанны и старцев поддерживает веру и утешает мужество христиан рядом со сценами удара Моисея о скалу или кормления Христом своих учеников); красноречивые надписи в эпиграфике первых четырех веков, записанные в моменты простых человеческих эмоций, предназначенные только для умерших и скорбящих о них; и, наконец, покрытые *граффити*, с молитвами, именами, восклицаниями, нацарапанными на стенах галерей, ведущих в какой-нибудь любимый склеп посетителями-паломниками в более поздние века.

ФЛАВИАНСКАЯ БАЗИЛИКА НА ПАЛАТИНЕ
См. страницы [31](#), [35](#), [45](#) и [форзац](#), стр. 252.

В этом скрытом и тихом месте усопших произошла революция, параллельная вулканическим потрясениям . Здесь мы имеем постоянную запись встречи классического Рима с Иудеей и христианством; здесь изящное искусство Помпеи встречается с образами еврейской Библии; здесь Флавии встречаются с евреями рассеяния; здесь, как в титанической мастерской, Рим, взяв свою религию у евреев, превратил веру, от которой отказался избранный народ, в величайшую религиозную организацию на земле - католическое христианство.

Два архи-кладбища - Каллиста на Аппиевой улице и Присциллы на Саларии. Они являются арками кладбищ, потому что их происхождение и роль, которую они сыграли в первые годы римского христианства, придали им первостепенное значение, и, будучи подаренными Церкви их владельцами, они стали официальными катакомбами христианской общины. Каждая из них хранит в своем лоне записи о первых римских новообращенных; каждая богата фресками и надписями; каждая свидетельствует о том, что с самого начала римские христиане насчитывали среди себя многих патрициев и сенаторов; В катакомбе Каллиста мы встречаем имена *Аврелия, Цецилия, Максима Цецилия, Пратекстата Цецилиана* и *Помпония Грецина*, а также *Корнелия*, первого епископа, принадлежавшего к римскому роду; в катакомбе *Присциллы* - имена *Присциев, Ульпиев* и *Ацилиев Глабрионов*. Присцилла, вместе со своим сыном сенатором Пуденсом, считается хозяйкой Петра во время его визита в Рим, и в катакомбе, носящей ее имя, неоднократно встречается имя апостола - неизвестное в классической номенклатуре - как в греческой, так и в латинской форме, *Petros, Petrus*. Именно в районе этой катакомбы сохранилась традиция *Fons sancti Petri*, "колодца или купели Святого Петра", "кладбища, где Петр крестился" или "где Петр впервые сел", которая до сих пор неосознанно фиксируется в римском празднике "Кафедра Святого Петра" 18 января. Здесь же был похоронен философ Юстин, мученически погибший при Аврелии в 165 году н.э., который жил в доме Пуденса, и здесь же, когда Юстин описывал сам обряд в своей "Апологии к императорам", на фресках был изображен самый ранний торжественный момент преломления хлеба на Евхаристии. Мистическое число гостей - семь, рыба на столе - архаический символ Христа, "семь корзин полных" - намек на чудо с хлебами, а также тот факт, что во времена Юстина *агапа* уже была отделена от евхаристии, выделяют эту картину как типичный пример символического отношения к реальным событиям, характерного для раннехристианского искусства. Празднующий стоит в одном углу стола в форме полумесяца, преломляя хлеб; пять мужчин и женщин сидят за столом, единственная стоящая фигура - женщина в чепце еврейской замужней женщины, исполняющая, по-видимому, обязанности *vidua* или женщины-старейшины. Не менее интересна катакомба Каллиста - скопление отдельных *гипогеев*, возникших в *склепах Луцины*, и кладбище тех *Цецилиев*, которые были одной из самых ранних римских семей, принявших христианство.

Уникальный интерес этих памятников заключается в том, что они являются нетленной летописью чувств, привязанностей и верований первых христиан. В эти фрески и надписи не могли вкрасться никакие подделки или интерполяции, никакие P^1 и P^2 , никакие "элохисты" или "яхвисты" не могли запутать вопросы и мистифицировать интерпретацию. Нетронутая история вызывает к нам в немом красноречии.

На чью сторону склоняются свидетельства римских катакомб? Критический метод в истории разрушил основы исторического протестантизма: обнажил ли он основы исторического католицизма? Люди, посещавшие катакомбы, не чувствовали, не думали и не верили так, как люди, реформировавшие христианство в XVI веке, но так же верно будет сказать, что они не думали и не верили так, как люди католической реакции. Катакомбы запечатлели период, когда христианская жизнь и христианская дисциплина все еще казались важнее христианских догм, когда последние еще не были установлены, когда еще было верно, что "то, о чем можно молиться, является правилом того, во что можно верить" - *lex orandi lex credendi*; и здесь, в месте мертвых, "то, о чем можно молиться" стало настоящей нормой того, что христиане должны были сформулировать в качестве драгоценных догм позже.

Прежде всего, фрески и надписи часто представляют нам понятия возрождения через крещение и вечной жизни через участие во Христе через мистическую торговлю Евхаристии - иоганнинский замысел; новое рождение и новая жизнь - ключевые идеи в этом месте

мертвых. Таинства, воспринимаемые как материальные каналы, передающие благодать, уже неотъемлемой частью христианского сознания; но предположение, что "семь таинств" можно найти в катакомбах, показывает столь же слабое знание истории Церкви первых двенадцати веков, как и привычек веры христиан первого, второго и третьего.

Если бы существовала эпоха Церкви, предшествовавшая спорам, можно было бы сказать, что катакомбы зафиксировали ее. Но такой эпохи никогда не было: здесь можно найти спонтанные иудейско-языческие верования христиан, которые познали свою веру через ужасные и утешительные переживания почти так же, как через первую апостольскую проповедь или более поздние служения тех посетителей между Церковью и Церковью, которых в Новом Завете называют "апостолами и пророками". Религия катакомб частично сформировалась при жизни; это вера, сформулированная, оцененная и испытанная верующими. Отсюда не только спонтанность, но и смелость, свобода духа, отсутствие всякого страха быть неправильно понятым, неверно истолкованным. Они думали не так, как мы, и должны были пройти века, прежде чем минимизаторы или максимизаторы стали бы мучить то, что они говорили и делали, значениями, которые они не могли бы вынести.

Из этих смелых спонтанных доктрин ни одна не является более заметной, чем доктрина о взаимодействии между всеми членами Христа, "теми, кто прошел до нас со знаком веры", и теми, "кто ждет, когда придет их изменение, пока это тленное облечется в нетление". Христианин призывал своих умерших молиться за него в царстве света, он призывал Бога дать его возлюбленной место света и обновления, он просил исповедников, уходящих к своей награде, молиться и за них, и за него. Так сильна была эта вера в святой и неразрывный союз между членами единой Церкви и единого Тела Христова, что на каждом праздновании литургии все тело верующих понималось как присутствующее - реально или мистически; и поэтому Помяновение живых в мессе говорит о тех (присутствующих), кто приносит и тех (отсутствующих), за кого они приносят жертву хвалы, как обо всех одинаково "стоящих вокруг". И как они предлагали и молились за тех, кто был с ними в одном городе, так они предлагали и молились за тех, кто уже был со Христом - *in bono in Christo*. Три поминовения римского канона: "*Memento Domine ... omnium circumstantium*" живых, "*Communicantes et memoriam venerantes*" мучеников и "*Memento ... qui nos praecesserunt*" умерших - можно рассматривать как литургические особенности, кристаллизовавшиеся в катакомбах.

Легко понять, как погребальные торжества литургии - с учетом этой первоначальной идеи взаимообщения и заступничества между всеми христианами, живыми и мертвыми, - расширили идею евхаристической жертвы. Как легко жертва Христа - единственная жертва христианина - стала средством заступнической молитвы за всех людей и на все случаи жизни, породив заупокойную мессу, мессу за особую милость, мессу благодарения, мессу в память о святом.

Смелое обращение со священными вещами, естественно, к эпохе, когда чувства веры, стремления и надежды опережали догмы - до того, как неверность в учении побудила раннюю Церковь и ее лидеров к необходимости более строгих определений, или неверность в жизни облегчила замену твердого и быстрого вероучения "более вескими вопросами закона". Символика и надписи катакомб свидетельствуют о том, насколько свободно там действовали подобные элементы. Возьмем, к примеру, фреску, изображающую Христа на троне, дающего книгу Петру, с легендой: *Dominus legem dat*, "Господь дает закон". В других примерах на эту тему Петра заменяет какой-нибудь простой, но верный ученик - "Господь дает закон Александру - Валерию". Речь идет о "евангельской традиции" в крещении; она не является иерархической.

БИБЛИОТЕКА ДОМА ДОМИЦИАНА НА ПАЛАТИНЕ

Картина написана в бурный день. Мрачная сцена разрушенной библиотеки во дворце императоров Флавиев наводит на мысль о гибели классического образования, последовавшей за введением христианства. Мать двух племянников Домициана, которых он намеревался назначить своими наследниками, была замучена как христианка, а их двоюродная сестра с тем же именем - Флавия Домитилла - основала катакомбы Флавианского дома.

Катакомбы повлияли на Римскую церковь еще одним образом. Среди литургических памятней исповедников веры (которых мы теперь называем "святыми") нет ни одного, кроме имен мучеников; и эти имена, громко провозглашаемые в *каноне*, в торжественной части евхаристических служб, которые проводились на их могилах не только в день низложения, но и во многие другие установленные дни, стали ядром той длинной череды "*канонизированных*" святых, которая фигурирует в современном календаре. Когда после "Мира" города стали покрываться церквями, могила исповедника стала ядром христианского сооружения - той исповедальни или затопленной гробницы, которая является центральной точкой римской базилики. И как раньше литургия совершалась на каменной плите, закрывавшей могилу, так и при строительстве церкви алтарь устанавливался над могилой исповедника: "Я видел под алтарем души тех, которые были убиты за слово Божие и за свидетельство, которое они держали".

Так в подземном Риме, как в скрытой шахте, готовились не только многие утверждения веры, которой предстояло утвердиться на свету и заменить религию классического Рима, но и святилища тех великих базилик, которые должны были раскинуться по поверхности города, как только христиане, не в реальном, но все же в весьма многозначительном смысле, "выйдут из катакомб". Катакомбы - это связующее звено между языческим Римом, "опьяненным кровью святых", и христианским Римом, возникшим в имперском городе из пепла мучеников. Языческий город на семи холмах так же искренне погрузился в могилу с

телами римских мучеников, как христианский Рим в конце концов завладел той же самой *urbs septicollis*, перенеся в нее своих мертвецов.

ГЛАВА IV

РИМСКИЕ РЕГИОНЫ И ГИЛЬДИИ

Римские регионы и гильдии иллюстрируют две противоречивые тенденции, параллельно прослеживающиеся на протяжении всей административной истории города: одна - к разделению и обособлению в качестве первых принципов организации, другая - к объединению и централизации в качестве меры силы. Эти антагонистические элементы, которые мы находим на заре римской истории, сразу же были использованы в качестве факторов в новом содружестве.

По преданию, царь Нума организовал девять ремесленных гильдий среди римского народа, чтобы они могли топить свою расовую вражду в идентичности интересов. Точно так же одна из первых великих работ молодой общины, городская стена, спроектированная Тарквинием Приском и построенная Сервием Туллием, должна была привести к слиянию племен, населявших семь холмов, которые он таким образом физически соединил вместе и которые он уже объединил под общим правительством. Другое предприятие, осушение болот и водоемов, которые создавали непроходимые барьеры в долинах между холмами, имело ту же цель и результат - это был процесс выравнивания, как морального, так и физического, чтобы свести к минимуму разделение между холмом и холмом, расой и расой.

С другой стороны, разделение города Сервием на четыре области, а затем на шесть приходов или *vicī*, заложило семена внутреннего разделения, которое продолжалось на протяжении веков. Эти четыре региона (1) Субурра или Каэлиан, (2) Эсквилин и его отроги, (3) Коллина, включающая в себя Виминал и Квиринал, которые назывались *коллами* в отличие от других холмов, *монт*ов, и (4) Палатин, сохранялись до правления Августа. К тому времени город вышел за свои первобытные пределы, на Эсквилине за стенами возник густонаселенный район, и Август счел необходимым провести новое деление. Он увеличил первоначальное число областей до четырнадцати, и каждую из них, как и прежде, разделил на приходы, число которых в каждой области варьировалось от семи до двадцати восьми, всего 265. В каждой области председательствовал магистрат или куратор с набором подчиненных ему чиновников. В каждом приходе был свой магистрат, свои чиновники, своя часовня, построенная на пограничной дороге для публичного поклонения *lares compitales*, духам-покровителям района.

В этот период бедные кварталы города - сеть узких улиц с высокими домами, построенными из горючих материалов, - снова и снова опустошались огнем. Ночью на город опускалась густая тьма, уличное освещение отсутствовало, двери магазинов были закрыты и заперты, ходить по улицам было небезопасно; те, кто отваживался, носили с собой фонари или их сопровождали слуги с шестами и факелами. По улицам бродили вездесущие нищие, а на окраинах города орудовали разбойники.

Для борьбы с этими бедствиями Август создал отряд из 7000 человек, которые должны были выполнять функции полиции и пожарных. Все это тело он поставил под командование префекта, который вместе с куратором областей следил за порядком, и разделил его на семь

батальонов или когорт, каждый из которых был подчинен трибуну, и так расположил в городе, что один батальон следил за безопасностью двух областей. Когорты снова были разделены на семь рот под командованием капитана или центуриона. Силы были распределены по городу в семи различных казармах, а в отдалении находились отдельные кварталы или *эксубитории*.

В обязанности пожарных входил осмотр общественных печей и частных кухонь, отопительных приборов и помещений, где хранились гардеробы, а также подогрев воды в общественных банях. Если в городе случался пожар, он становился предметом официального расследования, как и в наши дни, а при подозрении в поджоге или умышленной халатности соответствующие органы выносили наказание. Как и современный полицейский в Риме, *дружинники* Августа не были популярной силой, и чтобы сделать их более приемлемыми, он постепенно увеличивал их привилегии. Он построил большие и роскошные участки и *эксубитории*, которые были великолепно украшены драгоценными мраморами и статуями. Члены дружины получили желанное римское гражданство, а капитанам было разрешено служить *по должности* в преторианской гвардии.

ФОРУМ НЕРВЫ

На картине изображена часть декоративного ограждения Форума, построенного Нервой, рядом с храмом Домициана Палласа; она изображена на антаблементе. Этот фрагмент известен под названием *Le Colonnacce*. См. страницу [33](#).

В более поздний период, возможно, в третьем веке, регионы Рима были реорганизованы на церковной основе, и из четырнадцати образовалось семь путем слияния двух в один, каждый из которых был подчинен одному из семи диаконов города. Неизвестно, когда именно их число было увеличено до четырнадцати, и когда они получили свои нынешние названия и распределение, но, вероятно, в начале средних веков. К тринадцатому столетию относится

только тринадцать областей, и только в 1586 году консерваторы и сенаторы Рима, а также капитаны областей, посоветовавшись, решили включить город Леонин в четырнадцатую область, предоставив ему одновременно капитана, штандарт и геральдический знак в виде льва на красном поле, лапа которого поднята на три кургана плаща Сикста V.

Эти четырнадцать областей не совпадают ни по положению, ни по названиям, ни по протяженности с областями Августа, за исключением того, что нынешняя тринадцатая, Трастевере, идентична древней четырнадцатой, Транстибуртине. Названия, которые они носят сегодня, отражают либо их положение, либо какую-то характерную особенность в их пределах. Так, первый и самый большой район, *Монти*, образовавшийся от соединения пятого и шестого Августовских районов, *Эсквилина* и *Альта Семита*, назван так по холмам, Эсквилина Виминал и Каэлиан, в его пределах; второй, *Треви*, получил свое название от знаменитого фонтана в его середине; третий, *Колонна*, от колонны Марка Аврелия; четвертый, *Кампо Марцо*, охватывает эту историческую землю; Пятый, *Понте*, назван от старинного *Триумфального* канала, соединявшего Рим с Ватиканом; шестой, *Парионе*, включает в себя территорию, центром которой является Кьеза Нуова, а название произошло от древней стены и башни, стоявших недалеко от нее; седьмой, *Регола*, населенный самыми жалкими из жителей, представляет собой разложение Аренулы, песка реки, возле которой лежит этот район; восьмой, *С. Евстахия*, расположенный за университетом, получил свое название от приходской церкви; девятый, *Пинья*, - от бронзовой сосновой шишки, которая сейчас находится в Ватикане, а когда-то должна была украшать Пантеон (этот район в некоторой степени соответствует древней Виа Лата); десятый район, *Кампителли*, включает Капитолийский и Палатинский холмы и Форум; одиннадцатый, район *С. Angelo*, район, населенный очень бедными, кожевниками и бывший квартал евреев, названный в честь церкви Сант-Анджело в Пешерии; двенадцатый - *Рипа* или берег реки; а тринадцатый и четырнадцатый, как мы уже видели, - это *Трастевер* за рекой и леонинский город или *Борго*.

ФОНТАН ТРЕВИ

Один из многочисленных фонтанов города; построен Климентом XII. в 1735 году. Красный дом - это *палаццо* знаменитого ювелира Каstellани. Посетители, покидающие Рим и бросающие в этот фонтан су, обязательно возвращаются в вечный город. См. стр. [22](#), [55](#), [227](#).

Каждый район стал маленьким гражданским и социальным центром, полным самим собой. В каждом из них был свой капитан, свои заместители, свои религиозные организации, отдельные фонды для благотворительности и приданого, отдельная полиция и ополчение. Важность этих районов заключалась в том, что они представляли *плебс*, демократию Рима. В народе, столь неспособном к сотрудничеству ради общей цели, как римляне, искра их гражданских свобод была бы вытравлена или навсегда заглохла, если бы не

административная система , которая поддерживала ее жизнь и благодаря которой, при наличии возможности, она могла бы вновь стать живой силой.

Главы областей, *caporioni*, наследники трибунов Августа, но без их дисциплины, были лидерами и выразителями мнения народа, его представителями и хранителями его свобод. Они избирались голосованием, и урну с бюллетенями несли в процессии на Капитолий, где избранные капитаны получали инвеституру из рук сената. В трудные времена они собирались для консультаций в зале заседаний народного совета, церкви Ара Коэли, но их советы редко приводили к мерам примирения, которые были несовместимы с их яростной независимостью и произволом, который они на себя взяли. В мире или на войне, во время кровопролитных мятежей или национальных ликований *капориони* всегда были впереди, их знамена с региональным гербом на цветном поле развевались на ветру. Именно к ним Кола ди Риенцо обращался за помощью и поддержкой. Когда королевский гость или один из германских императоров Рима въезжал в город с государственным визитом, *капориони* были среди чиновников, принимавших их, их знамена несли их пажи верхом, а сами они были одеты в парадные туники из малинового бархата, плащи из золотой ткани, белые чулки и туфли, а также черные чепцы с украшениями и перьями. Когда папа Григорий XI вернулся в Рим, восстановив папство в стране его рождения после семидесятилетнего изгнания, *капориони* выехали в процессии, чтобы приветствовать его, а его смерти они поспешили к кардиналам, собравшимся на конклав в Ватикане, чтобы любой ценой убедить их избрать римского папу, и они подчеркнули свою просьбу яростной угрозой, которая, несомненно, была бы доведена до своего кровавого конца, если бы не вмешательство сил Колонны.

В карнавалных шествиях пятнадцатого века, которые выходили из Капитолия в город, *капориони*, окруженные пятьюдесятью конюхами в характерных ливреях, предшествовали сенаторам. С ними в порядке старшинства шествовали представители каждой области с алебардами, знаменами, копьями и щитами, украшенными их гербами, в сопровождении конюхов на лошадях. В той же процессии, перед областями, шли делегаты от всех ремесленных и торговых гильдий города, сапожники, шляпники, аптекари, трактирщики и многие другие, каждый со своими знаменами, капитанами и сержантами; одна только гильдия железообработчиков насчитывала 300 человек, посреди которых к пушке собственного изготовления была запряжена команда лошадей. Процессию возглавляли муниципальные чиновники и солдаты, а в качестве эмблемы закона и справедливости под ударами везли несчастного преступника.

После эпохи Возрождения *капориони* выродились в простых региональных капитанов, сохранив лишь тень своей прежней власти и юрисдикции, а нынешнее правительство и вовсе упразднило эту должность. Однако организация и дух регионов ни в коем случае не умерли.

КОЛОННА МАРКА АВРЕЛИЯ, ПЛОЩАДЬ КОЛОННА

Единственное дошедшее до нас произведение времен императора-философа. Сейчас колонну венчает колоссальная бронзовая статуя святого Павла. См. страницы [32](#), [55](#).

До тех пор пока не были запрещены скачки на безлошадных лошадях по Корсо, каждый регион выставлял на скачки лошадь, которая была украшена в региональный цвет, и ее успех или неудача вызывали совершенную страсть соперничества между регионами - антагонизм, столь же древний, как и эпоха Плутарха, который рассказывает, что в октябре месяце на *Campus Martius* проводились гонки на колесницах; Победившую лошадь приносили в жертву богу Марсу, а ее голову несли в процессии на Форум, и все регионы боролись за обладание трофеем, пока от него ничего не оставалось, а сами бойцы были изранены и искалечены.

И по сей день по случаю народных ликований или патриотических демонстраций представители каждой области формируют процессию, региональное знамя несут *вигилы*, которые шествуют в окружении группы так называемых *федели*, жителей маленького городка Витуркино, которые за добрые услуги, оказанные Риму в прошлом, заслужили особое внимание со стороны римского муниципалитета. Такие процессии возглавляет штандарт Коммуны - S.P.Q.R. на красно-желтом фоне, а сразу за ним следует знамя Монти, первого региона, - три зеленых холма на белом поле.

По приказу Бенедикта XIV различные символы регионов, вырезанные на мраморных щитах, были прикреплены к стенам домов во многих частях города, чтобы обозначить границы, и их до сих пор можно увидеть в таком положении. Всем, кто хоть немного знает Рим, наверняка знаком эскиз Монти на стене дворца Альдобрандини и полумесяц Кампо Марцо на стене дома в Капо ле Казе.

Прошедшее время не полностью уничтожило ожесточенную и наследственную вражду между жителями одной части города и другой, которая всегда поощрялась и поддерживалась, хотя и непреднамеренно, региональной системой.

Монтичиани и Трастеверини были самыми непримиримыми врагами. Монти был первым регионом, заселенным после нашествия варваров, но он оказался в сравнительной изоляции и забвении, когда Кампо-Марцо стал оживленным центром папского Рима, и его жители сохранили что-то от своей необузданной исконной независимости. Они горды и вспыльчивы, быстрее всех орудуют ножом в ссоре, не опускаются до домашней работы и не занимаются ремеслом. Они выбирают мужей и жен среди своего народа, считают церковь Санта-Мария-Маджоре самой красивой в мире и не терпят разногласий по этому поводу. Даже сегодня они не желают разговаривать с трастеверинцем. Вражда между ними, возможно, имеет гвельфское и гибеллинское происхождение. Безусловно, Трастевере был оплотом гибеллинов, о чем свидетельствует эпизод, произошедший в день коронации папы Каллиста III в 1445 году. Конюх, служивший у Орсини, заговорил о девушке с конюхом из конкурирующего дома, Ангиллара. От слов они перешли к ударам, и быстро ссора стала всеобщей, пока через несколько часов 3000 человек не оказались под оружием, готовые сражаться за Орсини. Жители Трастевере, отделенные от остального Рима рекой и находящиеся сравнительно далеко от его центра, сохранили до наших дней большую часть своей индивидуальности, привычек, характера и внешности. Вид Монтичиано пробуждает в них все дурные страсти. Даже в 1838 году они имели обыкновение в каждый праздник встречаться с монтичани для поединка на зеленом поле Форума - "коровьем поле", как его тогда называли, - исторические фрагменты, валявшиеся повсюду, служили боевыми снарядами. Такие поединки проводились не для того, чтобы отомстить за какую-то конкретную обиду, а просто ради чести и славы, и победившая область с триумфом уносила с собой пальму до следующего случая. Иногда они встречались в Навичелле, иногда в разрушенных дворах бань Диоклетиана; иногда на поединок выходил чемпион от каждой стороны, иногда это была общая схватка, члены других регионов смотрели и подбадривали своих союзников. Иногда, когда поединки выпадали на базарный день - рынок проводился

раз в неделю на Кампо-Ваккино, - посудные лавки реквизировались для амуниции, и фаянсовые кастрюли и пипки разлетались по Форуму вместе с осколками классических статуй и мраморных фриз. Только когда в изобилии разбивались головы, а кровь лилась с израненных лиц и конечностей, эти бойцы прекращали свои действия, или когда крик "al fuoco" предупреждал их о запоздалом прибытии *sbirri*. Даже эти служители закона и порядка были бессильны разнять дерущихся, если те не наелись досыта, а во время оккупации Рима Наполеоном пришлось вызывать кавалерию, чтобы разогнать их, так как жандармы совершенно не справились с этой задачей. Эти поединки с побиванием камнями между Монтиччани и Трастеверини были настолько признанным институтом в Риме, что поэт Бернери, писавший два века назад, подводит итог Forum Romanum словами:

Campo Vaccino Luogo dove s'impara a fare a sassi.

Поле коров Место, где учатся бросать камни.

Движение к объединению представителей одного ремесла или лиц с одинаковыми интересами, как мы видели, кажется, так же старо, как и сам Рим. Независимо от того, дал ли царь Нума первый импульс этому движению, несомненно, что в первые годы Республики торговые корпорации множились в городе без помех и препятствий, и только когда их количество и значение стали угрожать спокойствию государства, были приняты меры по их контролю.

Волна процветания, прокатившаяся по римским провинциям в начале империи, дала новый толчок развитию торговли во всех ее отраслях, и промышленный класс, давно зарождавшийся среди жителей Рима, осознал свои интересы и потребовал если не сочувствия, то хотя бы признания со стороны аристократической правящей касты, которая относилась ко всему *плебсу* с презрением.

ПАНТЕОН, ВИД С ФЛАНГА

Задуман как зал бань Агриппы, современника Августа, но, судя по всему, сразу же был посвящен в храм. Черное братство св. Иоанна Обезглавленного проходит мимо здания, за ними идет их крестоносец. См. с. [30](#), [56](#), [67](#), [86](#); [см. также с. [8](#), [77](#), [143](#)].

Единственным ответом, однако, был запрет на создание торговых гильдий, исключение было сделано лишь для нескольких самых древних, а также для тех, которые посвящались религиозным и погребальным целям. Тем не менее, они продолжали размножаться под прикрытием этого последнего пункта, пока при Марке Аврелии и Александре Севере не получили окончательного поощрения и признания. К этому времени их число значительно

возросло, а богатство и значение - по всему Риму и провинциям. Все купцы и ремесленники объединялись в *коллегии* или *университеты*, как их называли в Риме, как ради социальных удовольствий, которые можно было получить от такого объединения, так и ради взаимной поддержки и защиты от посягательств и агрессии со стороны чужаков. Возницы, гладиаторы, уволенные солдаты, странствующие торговцы, моряки, лодочники на Тибре, весовщики зерна в Остии, дворцовые слуги, извозчики и кучера основывали корпорации наравне с пекарями и трактирщиками, красильщиками, ткачами и кожевниками.

Каждое молодое сообщество искало богатого покровителя, готового выделить участок земли или средства, необходимые для строительства клубного помещения, обещая взамен проведение юбилейных банкетов в его честь или памятных встреч, чтобы память о нем оставалась зеленой и после смерти. Каждая корпорация ставила себя под защиту бога, чье имя она принимала, и по мере роста ее богатства и значимости, за счет завещаний членов или подарков покровителей, помещения клуба увеличивались, а в честь титулованного божества возводились святилища и часовни. Некоторые корпорации достигали такого значения, что из них возникали сенаторские и консульские семьи; они содержали собственные коллегии врачей скульпторов и живописцев, участвовали в строительстве общественных памятников и предоставляли займы государству, а в особых случаях свита императора увеличивалась на сто штандартов и пятьсот копий, предоставленных торговыми коллегиями Рима из числа их собственных сторонников.

Несмотря на демократическую конституцию, поскольку каждый член коллегии, каким бы скромным он ни был, мог служить одним из ее должностных лиц, коллегия была основана по гражданскому образцу, с президентом, кураторами, фискалом и всеми рангами вплоть до рабских членов. Таким образом, каждое подразделение представляло в миниатюре римскую коммуну и способствовало ее укреплению. Однако в отличие от некоторых гильдий Севера, ставших питомниками гражданской свободы, римские коллегии были слишком готовы подчинить свою индивидуальность духу гражданской дисциплины, характерному для римских организаций, и мы видим, как они подчиняются одному императорскому указу за другим, теряя одно за другим свои права, пока не попадают под полное покровительство государства и не становятся простым элементом государственного механизма, навязывая таким образом окаменевшее рабство своим членам, чьи свободы они были созданы для того, чтобы защищать.

АРКА СЕРЕБРЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕРОВ В ВЕЛАБРУМЕ

Эта арка стоит напротив арки Януса и была воздвигнута императору Септимию Северу, его жене Юлии Пии и его сыновьям гильдиями серебряных дел мастеров и торговцев скотом. Когда Каракалла убил своего брата, имя убитого принца было удалено из надписи. Арка, как свидетельствует надпись, находится на месте *форума Боария*.

Как неотъемлемая часть административной жизни государства, они оказались очень полезны, не только как добавление к его стабильности и процветанию, но и как своего рода подмости, на которых строилась его сложная повседневная жизнь. На них возлагался сбор налогов, надзор за общественными зданиями, развитие военной системы, одежда ополченцев, обеспечение граждан и снабжение их всем необходимым на каждый день.

В обмен на эти услуги они освобождались от всех других обязательств перед государством. Таким образом, средства к существованию и благополучие членов коллегий были обеспечены, но ценой их свободы. Каждый член коллегии был обязан вносить часть своего имущества в фонды коллегии, а другую часть - на ее расходы. Ему запрещалось завещать оставшуюся часть, кроме как своим сыновьям или племянникам, которые, в свою очередь, должны были вступить в то же ремесло; ни один член не мог сменить свое ремесло на любое другое, за исключением священства, в этом случае он должен был предоставить замену. Таким образом, имущество корпораций было неотчуждаемым, и целые семьи были связаны одним и тем же занятием навечно.

Во время гражданских войн, нашествий варваров и всеобщего развала, последовавшего за упадком империи, о римских колледжах забыли, но мало кто сомневается, что их привилегии остались нетронутыми иноземными завоевателями Рима и что именно их прямых потомков мы видим вновь процветающими в качестве торговых корпораций в средние века. Уже в VIII веке лангобарды, саксы и франки создали *схолы* для представителей этих национальностей, проживающих в Риме, а чуть позже торговые гильдии, основанные для взаимной поддержки и защиты своих членов от притеснений, уже стали достаточно процветающими и сильными, чтобы принимать активное участие в восстаниях и гражданских войнах.

Мы видим, что история повторяется. Гильдии, находящиеся под покровительством христианского святого, были обязаны хоронить своих умерших, помогать вдовам и сиротам более бедных членов, ссужать им средства в случае необходимости и совершать заупокойные мессы по своим благодетелям. Все члены присягали на верность статьям о зачислении, официально составлялись уставы, многие из которых сохранились до наших дней. По мере увеличения средств строились больницы для больных братьев и школы для детей, дочери получали приданое, а знаменосцы и оруженосцы гильдий пополняли ряды средневековых процессий, как это делали их языческие предшественники. Коллегии устраивали большие праздники и фестивали, и их посланцы по двое ходили по улицам, уговаривая домовладельцев украсить окна бантами к предстоящим торжествам. Они содержали монастыри и приюты, строили церкви, многие из которых до сих пор носят имя своих основателей. Так, церковь Святого Джузеппе *де Фалегнами* была построена гильдией плотников; церковь Святой Катерины *де Фунари* - канатоходцами; церковь Святого Лоренцо *ин Миранда* на Форуме принадлежала аптекарям; церковь Святой Марии *дель Орто* - фруктовикам и сыроделам; церковь Святой Барбары - библиотекарям; церковь Святого Томмазо *а Ченчи* - кучерам. Улицы, названные в честь плакальщиков, канатчиков, часовщиков и других ремесленников, до сих пор обозначают районы, отданные под эти различные отрасли.

Правила, установленные в гильдиях, сильно давили на бедных членов. Глава каждой гильдии, *капо д'арте*, требовал беспрекословного повиновения. Он был единственным арбитром по всем вопросам торговли, по открытию каждой новой лавки и проверке каждого нового рабочего, и играл роль мелкого тирана. За тяжелым семилетним ученичеством с тринадцатилетнего возраста следовали два-три года работы в качестве рабочего и уплата большой платы, прежде чем достигалось положение мастера-ремесленника.

Эти могущественные гильдии препятствовали развитию торговли, создавая монополии, их не раз подавляли, а в семнадцатом веке окончательно упразднили. Однако многие из них сохранились, приняв форму религиозных братств. Они сосуществовали с торговыми гильдиями на протяжении всего позднего средневековья. Они создавались с чисто религиозными целями, были более спонтанным явлением и не находились под контролем государства. Одно братство было основано для помощи больным, другое - для безвозмездного трехдневного питания паломников, третье просило милостыню в городе в пользу заключенных, а четвертое молилось с осужденными преступниками. Вплоть до начала XIX века это братство имело право ежегодно освобождать одного заключенного, которого потом с триумфом водили по городу. Другое давало приданое достойным девушкам, и по сей день глава собора Святого Петра проводит процессию *зителле* или девиц вокруг базилики в октаву праздника Тела Христова. Во главе процессии несут капитулярный зонтик; девушки, которым суждена монастырская жизнь, надевают венец из цветов, а тех, кто должен выйти замуж, сопровождает *жених*.

Конфедерация кузнецов имеет привилегию благословлять животных в день святого Антония (17 января), и пространство перед их церковью святого Элиджио, покровителя кузнецов, обычно заполнено лошадьми, мулами, собаками, овцами и волами, привезенными для этой цели. Владельцы платили конфедерации большие суммы, и лошади Папы и экипажи римских патрициев прибывали, украшенные цветами, а кучера из Пьомбино и Дория везли восемнадцать пар в руках к восхищению толпы.

С 1870 года братства утратили свое значение и большую часть накопленных богатств, а те торговые гильдии, которые не стали чисто религиозными братствами, превратились в современные профессиональные союзы и благотворительные клубы.

МОНАСТЫРСКИЙ САД САН-КОСИМАТО, ВИКОВАРО

Этот монастырь на Сабинских холмах стоит на плато между рекой *Дигенция* (ныне Личенца) и Анио. Рядом с ним находится сабинская ферма Горация. См. страницу [169](#).

ГЛАВА V

РИМСКАЯ КАМΠΑНЯ

Рим расположен в *Римской Кампанье*. Странная красота этой "римской страны", родины Латинской лиги, атакует самые двери римского гражданина, вторгаясь своей поэзией, своей неподвижностью с точки за точкой обзора, заставляя зрителя время от времени вести как бы двойное существование, терять чувство времени, места и личности, и, опустив ноги в город, который когда-то был центром мира, обнаружить себя грезящим в монастырском саду. Атмосфера, сочетание цвета и света - типично римская, она наводит на мысли о мистическом, но никогда не теряет идеальной ясности. Кампанья с ее мистическим синим, сине-зеленым, тишиной, простором не имеет ничего общего с флорентийскими *pays riant*, где маленькие холмы с оливковыми кронами, такие ухоженные, такие смеющиеся, передают сообщение о своей истории, определенной, однородной, культурной, очаровательной. Но здесь мертвый город день и ночь осаждала мертвая кампанья, большая со своей речью молчания, невосделанная, но колыбель цивилизации, со сложным языком, подходящим для более сложного сообщения, не вникающая в ваш юмор, но принимающая вас в свою тайну, красивая, строгая, массивная и небрежная к мелочам, и в то же время дарит вам из своих богатых светских сокровищниц детали красоты в изобилии - здесь перед вами лежит история, сила, не обращающая внимания на ваши суждения, но век за веком оглядывающаяся на вас μειδιασαις' αθανατω προσωπτω (*meidiasais' athanatô prosôpô*), как говорится об Афродите в одной из лучших строк греческого стиха, и создающая для вас вашу вселенную.

Латиум - так называлась эта страна вокруг Рима, *Латиум* - как бы широкая и просторная, наводящая на мысль о цивилизации, которая должна была распространиться отсюда, с ее размахом, простором, презрением к тривиальному и ограниченному. Кампанья (между Чивита Веккья и Террачиной) охватывает территорию протяженностью около девяноста миль, с максимальной шириной между горами и морем в сорок миль, и включает в себя часть древней Сабины, Этрурии и Лациума, причем последний лежит на берегу моря, между Альбанскими холмами и Тибром. Древнеримский *ager*, однако, имел гораздо меньшую протяженность, ограничиваясь точкой в пяти милях от Аппиевой улицы, святилищем Деа Диа у моря, *Масса Фести* между седьмой и восьмой вехами на Виа Лабикана, самой дальней точкой на восток, и первобытным устьем Тибра в шести милях от Рима по Остийскому пути; эти границы всегда оставались его границами для ритуальных целей. Отсюда произошли первоначальные семьи, чьи вожди стали римскими патрициями и составили ядро римского сената - так называемые *gentes*. Расширение кампаньи за пределы *ager antiquus* и формирование *ager publicus* было результатом завоевания, приобретенная территория сдавалась в аренду или назначалась частным лицам в качестве арендаторов по воле государства, распределялась между более бедными гражданами в виде наделов или колонизировалась римскими гражданами. Холмистые деревни и города, *castelli romani*, называются так не потому, что они находятся вблизи Рима, а потому, что они тоже были колонизированы римлянами из *древности* под защитой крупных феодальных баронов, чьим вотчинам они принадлежали в городе. Таким образом, *castello*, баронский замок, легко стал обозначать деревню, которая группировалась вокруг него.

Что-то от дуализма, владеющего душой римлянина, который, как мне кажется, всегда передавал послание его глазам, его ушам, его сердцу, проистекает из сцены перед ним. Жизнь и смерть, *va et vient* владык мира, "опустошение Тира и Сидона" - римская кампанья

смотрела и на то, и на другое. Шатобриан описывает ее как безлюдную землю, "с дорогами, по которым никто не проходит", с "гробницами и акведуками для листвы", занявшими место деревьев, жизни и движения; неподвижность нарушают никакие счастливые деревенские звуки, глаз не видит дыма, поднимающегося от немногих разрушенных ферм. Ни один народ, похоже, не решился сменить хозяев мира на их родной земле, и поля Лациума лежат "в том виде, в каком их оставила железная лопата Цинцинната или последний римский плуг". Уничтоженные чумой и вредителями, покинутые человеком, пораженные малярией и лихорадкой, улыбающиеся сельские резиденции завоевателей мира уступили место крошечным разбросанным колониям - как в Вейи, где живут истощенные лихорадкой люди, где восемнадцатилетние парни, выглядящие как двенадцатилетние, освидетельствованы приходским священником как неспособные носить оружие. Вдоль всемирно известных дорог, выстроенных римлянами по обе стороны от памятников своим умершим, чтобы они постоянно занимали место в мыслях живых, путешествующих по этим наиболее часто посещаемым путям, разрушенные гробницы остались во владении одних лишь мертвецов. Гробницы, *гипогеи* и *мавзолеи* великих семей, живших здесь, часто остаются стоять, когда все следы вилл, к которым они принадлежали, исчезли, как будто требуется еще одно доказательство того, что это действительно земля мертвых.

УЧАСТОК КЛАУДИАНСКОГО АКВЕДУКА ЗА ГОРОДОМ

Вдали виднеются Сабинские холмы. См. стр. [21-22](#).

Тем не менее эта пустынная страна некогда кипела жизнью - предположительно, равнину покрывали около семидесяти городов, а бесчисленные виллы и фермы, принадлежавшие римским патрициям, консулам и сенаторам, превращали ее в настоящий сад. Поскольку передвижение в стенах Рима было запрещено только императору и весталкам, жильцы этих вилл встречали у ворот *реду*, запряженную парой быстроногих лошадей. Эти легкие повозки были богато расписаны классическими сюжетами, как крестьянские телеги до сих пор в Неаполе, а кожаный капюшон с пурпурными подвесками защищал владельца от жары. На

всех перекрестках есть фонтаны для людей и животных, возле которых усталого путника ждет сиденье, затененное илексом или оливой, как, например, у Porta Фурба на пути во Фраскати. Прекрасные дороги, поддерживаемые в отличном состоянии, испещряют равнину, а акведуки, храмы, деревья, святыни, памятники и статуи радуют глаз и оживляют путешествие. Виллы, жилища иждивенцев, мавзолеи, фермы видны далеко на этой равнине, и не менее любопытной особенностью по мере приближения путешественника является формальный сад, до сих пор известный нам как "итальянский сад", полностью искусственное творение, где каждое дерево и кустарник имеют не только свое предписанное место в схеме, но и свою предписанную форму, создавая впечатление непрерывной тренированной живой изгороди из английских ящиков. Кустарники высажены в виде зверей и змей, а имя владельца иногда вырезано в листе - этот прием до сих пор можно увидеть на современной территории виллы Памфили-Дориа. Наиболее заметные черты кампанны классических времен - акведуки, протянувшиеся через всю *агломерацию* до самых стен Рима; гигантские остатки акведука Клавдия простираются на шесть миль, а древние арки *из пеперина* любимой *Аквы Марции*, пересекающие акведук Клавдия у Porta Фурба, до сих пор доставляют воду в город. Как классический Рим представлен акведуками и мавзолеями, так и феодальный Рим представлен башнями, которые возвышались на Кампанье с восьмого по пятнадцатый век: ранние семафоры на береговой линии, предупреждавшие о приближении сарацина или корсара, башни-ведетты, участвовавшие в войнах баронств, и более поздние укрепленные башни баронских замков. Наконец, что не менее важно, христианство усеяло кампанью часовнями и святынями, самые ранние из которых вытеснили культ местного языческого божества в те века, когда христианство постепенно вытесняло религию императорского Рима в деревни и горные уединения. Так Святой Сильвестр заменил лесных божеств, Михаил - бога войны, Святой Георгий стал христианским защитником от нападений свирепых зверей, Цезарь - гения императорских цезарей. К этому же периоду относятся базилики, возведенные над *могилой* мученика в устье катакомбы.

Несколько причин привели к отказу от *agro romano*. Запустение дорог и разрушение акведуков, лишившее воду доступа к воде, бедность разорившихся землевладельцев и общая незащищенность после нашествий варваров в V и VI веках привели к быстрому обезлюдению и постепенно превратили *агро* в пустыню, кишашую вредителями. Похоже, что малярийная лихорадка практически исконно присуща почве *агро*, поражая каждый регион, как только человек покидает его. Можно предположить, что она не появилась в населенных городах классического периода, но о том, что она существовала до средневековья, которое принято считать датой ее появления, свидетельствуют упоминания классических писателей со времен Августа и существование нескольких храмов богини Лихорадки. В самом Риме существует устойчивое убеждение, которое, похоже, в значительной степени подтверждается статистикой, что чем больше расширяется строительство и множатся ужасно шумные мощеные улицы, тем быстрее уменьшается зло; ведь считается, что малярийные миазмы - это выделения почвы, а где земля только что вывернута, там и опасность. Как мы все знаем, совсем недавно было доказано, что микроб малярии переносится комарами, а комаров много там, где много воды, и одна из причин нездорового состояния *агрокультуры*, одно из самых больших препятствий для ее рекультивации, заключается в том, что существует не менее десяти тысяч маленьких водотоков, которые стекают в долины, создавая болота и застойные лужи. Возможно, это зло действительно относится к последним годам республики, когда мелкие землевладельцы были вытеснены крупными землевладельцами, старые свободные рабочие - рабами, что привело к фатальному обезлюдению *сельхозугодий*. Но в средние века, начиная с VI века, все причины усилились, и трудности, которые сейчас стоят перед светской проблемой восстановления сельского хозяйства в Римской Кампанье и изгнания малярии, превратились "в порочный

круг"; ведь люди не могут жить там, пока малярия не изгнана, а пока люди там живут, малярия будет оставаться во владении. Не менее семидесяти девяти мер для того, что в Италии известно как *bonifica dell' agro romano*, время от времени разрабатывались; и удастся ли Италии преуспеть там, где не удалось Папе, остается под вопросом. Первоначальная необходимость - осушение Кампании - сама по себе кажется задачей, непосильной для Геркулеса. В течение последних четырех лет военный отряд *Croce Rossa* обходил Кампанию в летние и осенние месяцы, борясь с малярией с помощью врачей и лекарств. Есть надежда, что за этим последует создание большего числа постоянных санитарных станций. С 1870 года миллионы эвкалиптовых деревьев были посажены в качестве очистителей воздуха, особенно на маленьких железнодорожных станциях и в других населенных пунктах. Не стоит забывать, что сельскохозяйственные колонии классической эпохи когда-то были спасением Рима, и в течение последних нескольких лет были разработаны аналогичные схемы в надежде, что родина римского народа может снова стать домом для сельского хозяйства. Такая сельскохозяйственная колония для римских парней, расположенная за Фламиниевыми воротами, была основана посетительницей, которая впоследствии стала женой итальянца, хорошо известного по аналогичным предприятиям в итальянской Африке.

РИМСКАЯ КАМΠΑНЯ, ИЗ ТИВОЛИ

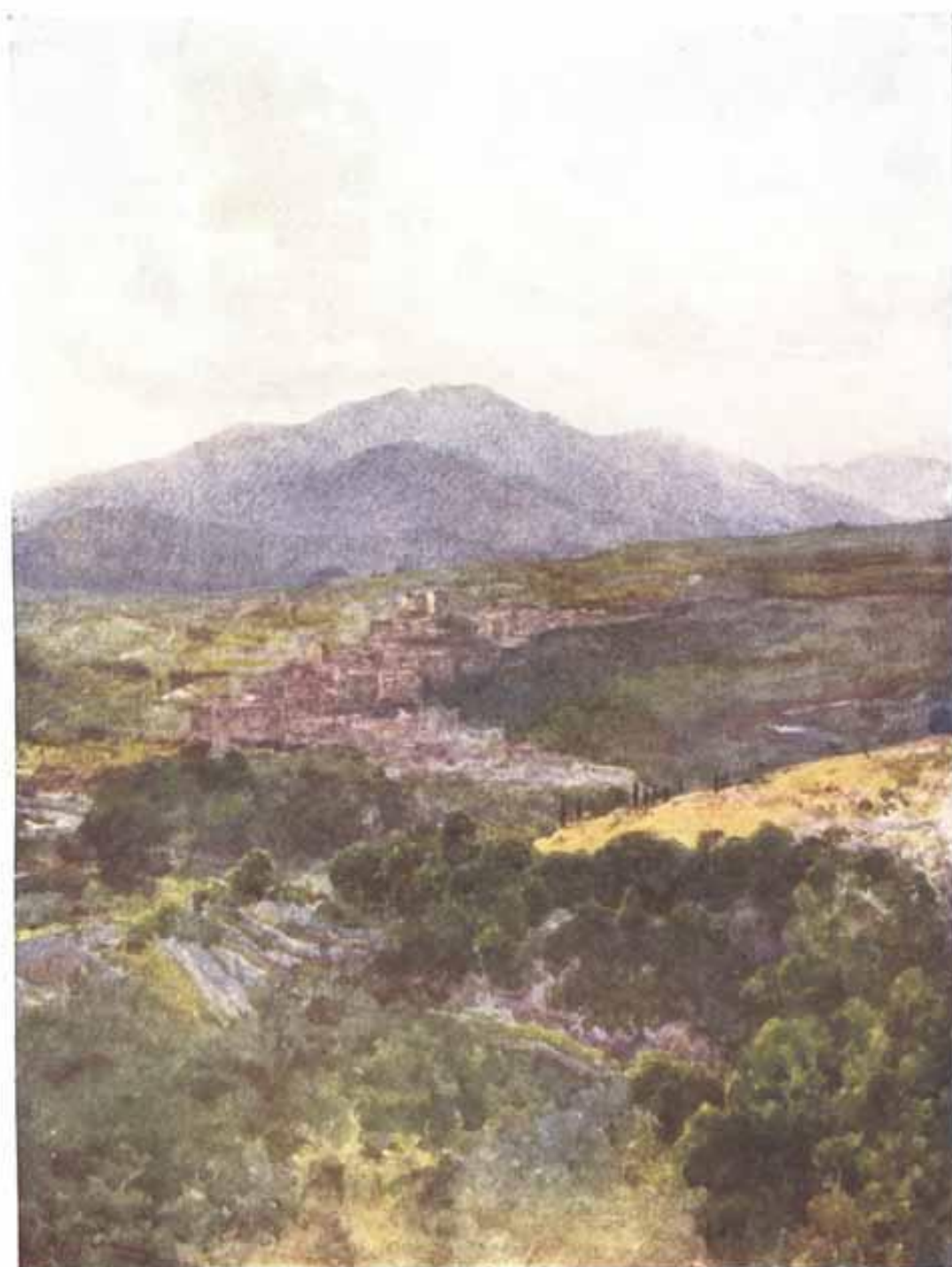
См. страницу [78](#).

Нравственные нужды *агро* вызывают к симпатиям и занимают внимание прекрасного общества молодых католиков, *Цирколо Сан-Пьетро*, которое открыло и обустроило тридцать четыре закрытые и заброшенные церкви и часовни *агро* для использования рассеянным населением; месса также совершается на сенокосе в воскресенье для сенокосильщиков, на волах, запряженных волами, и очень очаровательная маленькая картина этой сцены была подготовлена под эгидой президента, принца Барберини. В городе много сотен внеприходских священнослужителей - монахов, монахов, обычных священников, миссионеров и членов различных церковных конгрегаций, а также десятки церквей и часовен, где ежедневно совершаются сотни месс, читаются таинства, читаются новены и благословения. Но прямо за стенами есть люди, которые никогда не слышат мессу,

которые живут и умирают без утешения религии, "без священника". Когда *Цирколо Сан-Пьетро* приложили руку к благому делу открытия церквей и часовен в *Агро*, их трудность заключалась в том, чтобы найти священников, которые могли бы служить в них без оплаты. "Ваши Индии здесь", - сказал в свое время Папа Римский, когда апостол Рима Филипп Нери пожелал отправиться за границу в качестве миссионера, и Пий X. недавно повторил это высказывание. В городе есть только одно братство, которое возлагает на себя обязанность искать и хоронить тела тех, кто умирает от внезапной болезни или от насилия на кампанию. Это известное черное "Конфракция молитвы и смерти" сопровождает похороны бедняков безвозмездно. Оно связано с флорентийской *Мизерикордией*.

Агроромано разделено почти на 400 ферм, принадлежащих вдвое меньшему числу владельцев. Самые крупные из них занимают от 8 до 18 000 акров, а две самые маленькие - по 5 акров. Около половины остается церковной собственностью, треть принадлежит большим римским семьям, а шестая часть по-прежнему принадлежит крестьянам. Владельцы разрешают обрабатывать большие поместья так называемым *mercanti di campagna*, которые берут их в аренду на три или девять лет. Эти крупные торговцы сельской продукцией держат на ферме *фатторе*, который является фактическим управляющим; он одновременно и фермер, и судебный исполнитель. Скот *агро*, по словам синьора Томассетти, является самым значительным его обитателем. Здесь 32 000 овец, 18 000 коров, 10 000 коз, 7000 лошадей и мулов, 6000 волов и 1800 буйволов. Волы были привезены Траяном из бассейна Дуная, буйволы пришли с лангобардами и изначально были уроженцами Индии.

За пределами *агро* находятся *castelli romani*, холмистые города района Альбана и Сабины. Там, над Фраскати, находится Тускулум, могущественный соперник Рима; справа - Монте-Каво, самая высокая вершина Альбанского хребта, где стоял храм "латинского Юпитера", святилище и место сплочения Латинской лиги. Ниже лежит Альбано, кардиналом-епископом которого был английский папа Адриан IV. В Сабинском хребте находится знаменитый город Тибур (Тиволи), вилла Адриана, а также город С. Бенедикта - Субиако. На востоке находится скала Соракте, "пирамида Кампаны" и место встречи этрусков, сабинян и латинян; в то время как десятки маленьких городков на обеих грядках холмов хранят память о феодальных семьях Рима и являются пристанищем для потомков латинского сельского *плебса*. Жизнь здесь - это не деревенская жизнь Англии, а жизнь маленьких, примитивных поселений, с мэром, коммуной и обычаями средневековья. Здесь нет ни мануфактур, ни ремесел, ни коттеджей, а жилища разделены на этажи, как в больших городах.

СУБИАКО СО СТОРОНЫ МОНАСТЫРЯ СВ. БЕНЕДИКТА

Главным делом года является сбор винограда, который в римской Кампанье происходит в октябре; на землях, находящихся в помещичьем владении, арендаторы, однако, должны ждать удовольствия господина. Лозы подвязывают вокруг коротких тростинок, расположенных близко друг к другу, а виноград собирают в деревянные сосуды, сужающиеся к основанию: их опорожняют в *тино*, откуда они давятся, по старому библейскому методу топтания ногами, в огромную бочку внизу, называемую *ботте*. Здесь виноград оставляют на несколько дней для брожения, а кожицу поднимают наверх. В маленьких двориках грязных домов можно увидеть, как виноград варят в котле - незаконный заменитель брожения. Вино из *castelli romani* знаменито; в каждом районе делают как

красное, так и белое, причем последнее предпочитают в самом Риме; знамениты белое "Фраскати" и белое "Дженцано"; вино Альбано воспел Гораций, а превосходное "Марино" до сих пор делают на виноградниках шотландского колледжа, который имеет там летнюю резиденцию. Сабины дают "Веллетри", хорошее красное вино, но его трудно найти в чистом виде; Дженацано и Олевано также производят отличный виноград, но в некоторых из этих маленьких городков трудно найти виноградаря, который бы достаточно усердно занимался виноделием. Для красных вин обычно используют красящие вещества, наименее вредным из которых является обильная примесь бузины. Вино, сделанное в один год, как правило, не пьют до следующего; его не готовят к экспорту, а хранят или отправляют в Рим в бочках, из которых его декантируют для розничной торговли во фляги, где вино защищено несколькими каплями масла вместо пробки. Вино также продается *бариле* (шестьдесят литров), *меццо бариле* и *квартароло* (пятнадцать литров), обычная цена в римских домах составляет около семи франков за *квартароло*. Однако в каждой *траттории* и ресторане вино продается по римской полулитровой мерке - *fojetta*, и у винных магазинов можно увидеть написанные мелом цены 3, 4, 5, 6, 7. У виноградарей и сельских *тратторий*, где продается вино, в качестве вывески вывешивается ветка, напоминающая о происхождении пословицы "Хорошему вину куст не нужен".

Урожай оливок собирают в ноябре или декабре. Нигде оливки не ценятся так высоко, как в Италии, где Минерва, как говорят, даровала их, а лошадь, которая была даром Вулкана, занимает лишь второе место по полезности. Из собранных плодов делают более тонкое масло, затем женщины и девушки собирают опавшие оливки, и это занятие очень популярно, поскольку заработанное таким образом помогает обеспечить зимние удобства. Тонкое масло имеет очень нежный, едва уловимый вкус и запах, и итальянец осуждает масло, говоря: "*L'olio si sente*" ("*Ощущаю вкус*"). На масле обычно жарят некоторые овощи и всю рыбу. "*Ojo è sempre ojo, ma strutto! chi sa che struttaccio sarà?*" (Масло - это всегда масло, но кто знает, каким может быть сало?) - говорят они. Оливковое дерево не только дает топливо для масляных ламп, но и является лучшей древесиной для костра. Оно не только полезно, но и одно из самых красивых в Италии - его серо-зеленый цвет с нежным блеском на листьях так же характерен для итальянского пейзажа, как и более глубокая зелень и величественный ствол каменной сосны или синева холмов. Времена года в Италии на два месяца раньше, чем в Англии: урожай пшеницы собирают в июне. Холода перед Рождеством бывают редко, а в хорошие годы зима заканчивается уже в середине февраля.

Люди, населяющие страну Альбана и Сабины, - тот же латинский плебс, за исключением того, что они больше не служат владыкам мира и принимают участие, хотя бы в качестве зрителей, в великой классической цивилизации: они веками служили папству, которое в своих привычках мыслить никогда не изменяло наследственности средневековья. В общих чертах это тот же народ, но не менее варварский, чем в прежние времена, потому что он был задержан, буквально огрубел, из-за полного отсутствия того морального и интеллектуального роста, который был завоеванием веков. Как и в языческой Италии, люди обращаются к оракулам, верят в чары и экзорцизм, являются рабами веры в "судьбу" - слово, которое всегда на устах ("*è il destino*" освобождает вас от любых действий); они жестоки и грубы, как грубы жестокие люди. Жители *castelli romani* были описаны соотечественником как "*pieni di superbia, debiti, e pidocchi*" (полные гордости, долгов и вшей); и тот, кто рискнет послушать мессу в приходской церкви одного из этих холмистых городов, должен по возвращении принять ванну и сбросить всю одежду, в которой он был одет. Среди сабинских деревень, где в наше время общественным развлечением была травля бедных животных, идущих на бойню, есть улыбающиеся города с оливковыми коронами, чья дурная слава, связанная с кровавыми делами, не раз заставляла менять название населенного пункта. В одной из таких

деревень в "восьмидесятых" мужчина поднял ружье и спокойно застрелил своего брата в *присутствии их матери*. Мать и сын были пунктуальны в своих обязательствах перед церковью и монастырем, а приходской *архиерей* отправился в Рим , чтобы засвидетельствовать на суде, что убийца был "il fior del paese" (цветком стада). Когда мужчину оправдали, священник не придумал лучшего урока для общины, жемчужиной которой он был, чем сопровождать местную группу, которая отправилась приветствовать братоубийцу в деревню, где находилась еще свежая могила брата, которого он вероломно убил.

САД МОНАСТЫРЯ САНТА СХОЛАСТИКА, СУБЬЯКО

Этот монастырь пятого века (восстановленный пятьсот лет спустя) был посвящен сестре святого Бенедикта, основателя западного монашества. Здесь был создан первый в Италии печатный станок.

Даже среди образованных людей бытует мнение, что в Кампанье происходят "вещи", которые не происходят больше нигде: одержимость, наваждение, "оверквотинг",

колдовство. Истериические проявления действительно часто встречаются во всех известных святилищах, и везде, где под рукой есть возбуждающие средства для экзорцизма, чтобы подпитать болезненную озабоченность истеричных людей собой. Около шестнадцати лет назад правительство решило положить конец этому источнику истерии и предписало сельскому духовенству больше не проводить экзорцизм. В это время я посетил один из монастырей в Сабинах и увидел работу злых духов в виде пачки заколок (в комплекте с образцом булавки), локонов волос или хорошего толстого гвоздя, который был проглочен энгуменом и который под эмоциональным стрессом, сопутствующим экзорцизму - тусклый свет, монотонный гул *братства*, совершающего свой пост за главным алтарем, - снова всплыл. Я поинтересовался у отца-хранителя, что произошло, когда экзорцизм был запрещен? Накануне там была женщина, и он объяснил ей, что может произнести лишь "простое благословение", в результате чего через четверть часа перед алтарем были выброшены показанные мне предметы. Такой конец древнего христианского служения, призванного избавить бедных людей от козней сатаны, дает пищу для размышлений. Светский конфликт между религией и наукой зародился еще в римской Кампанье. Если в Англии у нас есть христианские ученые, то в Италии властям приходится иметь дело с народом, чье средство от укуса бешеного животного - месса, отслуженная у святилища какой-то особой мадонны. И те и другие ставят веру выше доверия к "сухому порошку", и не было еще в мире эпохи, в которой не нашлось бы тех, кто считал бы их правыми. Народные святыни в Италии, действительно, помогают поддерживать многое из того, что нежелательно. На апрельском празднике в Дженаццано крестьянин опускается на колени перед чудотворным образом Мадонны, который висит, как гроб Мохаммеда, без видимой опоры, и, совершив молитву, поднимается и потрясает кулаком над изображением, восклицая "*Bada, Maria!*". (В случае получения желанной милости обещано множество вещей, тонких серебряных сердечек, свечей и других лакомств, но если Мадонна не соблазнится ими и не выполнит желания своего поклонника, ей придется позаботиться о себе самой. Восковые изображения можно поставить плавиться на солнце, чтобы узнать, насколько приятна продолжительная засуха, статуэтки можно поставить в углу лицом к стене, соперника-покровителя можно бросить в реку той же рукой, которая приносит дары. "Посмотрим, как тебе понравится!" Разве первобытный человек не создает своего бога, заглядывая в себя? А Калибан своим "Так ему!" открывает теологию.

Еще одну римскую картину дает нам лотерея. Ее можно встретить, конечно, по всей Италии, но нас интересует только ее влияние на римскую жизнь, где она всегда процветала, сначала при папах, когда прелат благословлял открытие лотереи, а теперь при государстве, ибо римляне - прирожденные азартные игроки. Семнадцать миллионов в год извлекаются таким образом из карманов беднейших из бедных. В качестве оправдания приводится тот факт, что, поскольку народ будет играть в азартные игры, единственной гарантией от гигантских мошенничеств с игроками является превращение лотереи в государственное ведомство. Конечно, было бы совершенно невозможно доверять честной игре, если бы выбор чисел зависел от частных лиц; даже если бы они были честными, ни один итальянец не поверил бы в это. Книга искусства" с ее грубыми отвратительными рисунками вещей, представленных лотерейными номерами - от одного до девяноста - единственная книга, которую может прочитать неграмотный итальянец. Любое событие, национальное или бытовое, становится предметом игры. Вы "разыгрываете" убийство короля или смерть Папы Римского, несчастный случай, произошедший с вашим соседом, вашим хозяином или вашей любовницей, вы разыгрываете смерть ваших родственников. Чтобы раздобыть деньги, люди обращаются в ломбард - *monte di pietà*, а женщины закладывают матрас с кровати. Иногда выбор стоит между двумя главными удовольствиями римлянина - едой и лотереей, и лучшим доказательством очарования последней является то, что ее так часто предпочитают

радостям стола. В каждой крошечной деревушке, как и в каждом большом городе Италии, есть *лотерейный банк*, и каждую субботу над его дверями вывешиваются выигрышные номера. Пять номеров - например, 5, 9, 27, 36, 50 - появляются каждую неделю. Это называется *cinquina*. Но вы можете выиграть *амбо* (два правильных числа), *терно* (самое обычное из всех) или *кватерну*. Можно сыграть не более чем на пять номеров, но если вы "наброситесь" на *cinquina*, то получите большую сумму; или вы можете заявить о своем намерении сыграть на все четыре возможные комбинации. В этом случае вы выиграете немного, если выпадет *сабелька*. То же самое и с *терном*: если вы поставите на него, то выиграете гораздо больше. Но выигрыш также зависит от суммы, которую вы поставили в лотерею, а играть можно на любую сумму от шести *сантимов*. Когда умер Пий IX, один римский ювелир выиграл 40 000 скуди (8000 фунтов стерлингов). Как можно ожидать, что азартные игры бедняков прекратятся, если даже двенадцать *сантимов* (меньше пяти фартингов) могут принести пятьдесят франков?

Римлянин идет на лотерею со всей атрибутикой и немалой долей чувства преданности. "Se ci aiuti Iddio e la Madonna", - восклицают они, - если Бог и Мадонна помогут нам, мы выиграем *терно*". Существует несколько "советов" для победы. Один из них, столь же потрясающий, сколь и действенный, состоит в том, чтобы начать *kyrie eleison* - едва ли узнаваемый в народном одеянии как *crielleisonne* - и затем произнести на коленях тринадцать *ave marias* стольким же мадоннам. Вызвав Бальдассара, Гаспера и *Маркионне* (Мельхиора) - хотя, что должны делать три мудрых короля в этом *галере*, не очень понятно - вы выходите из дома, заботясь о том, чтобы ничего не отвечать, если вас кто-то позовет. Идите прямо в церковь Святого Иоанна Обезглавленного, где обычно хоронят тех, кто подвергся смертной казни, а затем, что бы вы ни увидели или услышали внутри или снаружи, загляните в "Книгу искусств", и вы в безопасности. Еще один *способ* добиться того же результата - подняться на коленях по ступеням Ara Coeli, читая на каждой ступеньке *requiem aeternum* или *de profundis*. Многие из тех, кто так благочестиво молится Мадонне ди Сант-Агостино (чья другая главная забота - безопасность родов), молятся об удаче в лотерее - молятся или угрожают, ибо одно другому очень родственно в первобытном сознании, как и в магии всех примитивных народов. Некоторые из них, возможно, ведут одиночное ночное бдение, поднявшись с постели, зажигают две свечи и приступают к выполнению того или иного из *прекрасных дивозионов*.

СВЯТАЯ ЛЕСТНИЦА В САГРО СПЕКО

Овраг (над монастырем Святой Схоластики), где Святой Бенедикт укрылся от разврата Рима, стал местом *Сагро Спеко*, священной пещеры с монастырем *Сан-Бенедетто* девятого века. Крестьяне Субиако поднимаются по представленной здесь лестнице на коленях, как поднимаются по *Scala Santa* в Риме, а иногда и по многочисленным лестницам *Ara Coeli*. См. стр. 86.

В сельской местности большим помощником является капуцин, который имеет репутацию предсказателя счастливых чисел. Когда он приходит за подающим в деревню или город,

бедняк просит его назвать вероятное *терно*. Он не должен подсказывать эти числа, но люди понимают друг друга, и каждое слово, каждый намек, слетающий с его губ, тут же принимается к сведению. Если он упоминает о недавнем убийстве, вы "играете" число 72 *morto assassinato*, затем числа, обозначающие день или какое-то особое обстоятельство, "ссору", "нож", которым это было сделано, "ревность", "мужчину" или "женщину". Элемент случайности, неистребимая вера в удачу заставляют человека непременно играть, если три числа неожиданно приходят ему в голову. Ни один благочестивый человек не мечтает о "числах Мадонны" - 6, 8 и 15 - без того, чтобы сразу же не "сыграть" их. Мадонна, очевидно, намерена "что-то сделать" для вас; действительно, "если Мадонна предлагает числа" - это безопасно, на это можно поставить пять франков. Говорят, что 2, 3, 5, 6 - это числа, которые всегда выпадают, эти и их комбинации. Пятьдесят восемь - число, обозначающее Папу Римского, а 52, *morta che parla*, играют простые добрые женщины, которым приснилась их умершая мать. Трудлюбивые рабочие средних классов и даже лучшие классы "играют", хотя последние играют *sub rosa*. В субботу люди собираются у маленьких лотерейных касс - некоторые из них ждут оплаты счетов, пока не узнают, как им повезет. При появлении роковых чисел начинаются всеобщие разговоры, всеобщие причитания: "Если бы я только сделал то-то и то-то". "Если бы я только сыграл в *morto*, а не в *ferito*" ("мертвый", а не только "раненый"). Для римлянина весь известный мир, священный или профанный, поглощен делом лотереи. Так, один из популярных сонетов на римском диалекте описывает, как произошло бегство в Египет. 27 декабря патриарх Иосиф дремлет в постели, мечтая о лотерейных номерах, когда к нему является ангел и говорит: "Смотри-ка, старик, какой прекрасный *праздник* будет над числом 28" (28 декабря отмечается память о массовом убийстве невинных). После этого святой Иосиф просыпается, как сумасшедший, нанимает молодого осла и увозит Мадонну с ребенком в Египет.

Многие английские путешественники, побывавшие в этой благосклонной стране богов с тех времен, когда Вулкан и Минерва соперничали друг с другом в том, кто из них преподнесет Италии лучший подарок, наверняка желали, чтобы в руки их соотечественников не попало ничего более чувствительного, чем оливка. Синьор Габелли описывает грузного римского возчика, бьющего своих лошадей или мулов, красная шапочка, надвинутая на одно ухо, соответствует его пылающему лицу, пылающему от торжествующей гордости за это проявление грубой силы и владычества. Никто не упрекает его. Напротив, духовенство с удовольствием останавливается на различии между обязанностями перед людьми и отсутствием всяких обязательств по отношению к животным. Это различие, конечно, работает в современности не лучше, чем в древности, и означает не что иное, как систематическое огрубление итальянского народа. Доктрина о том, что животные (как "солнце и луна") были "созданы для человека", оправдывает любое плохое обращение с ними, любую власть и черствость. Это откровенно безнравственно; и пока священники не преодолеют свое нежелание излагать этику таким образом, чтобы это не означало разрыва с порядком и маршем всей человеческой цивилизации, теология будет продолжать подстраиваться под расовые особенности, а спекулятивные теологические предложения будут по-прежнему служить прикрытием для тупости морального восприятия. Только в этом году один *марчезе* сказал мне, что он "не может признать, что животные чувствуют". Можно легко представить себе влияние подобных настроений на сквайра среди неграмотных арендаторов; невежественный итальянский джентльмен оправдывает теологию поразительным утверждением, что все разумные существа ниже человека снабжены набором нечувствительных нервов; деревенщина находит в удовольствии, которое доставляет ему знание того, что это утверждение не соответствует действительности, еще большее оправдание путей Провидения.

Полицейская система Италии всегда была настолько неэффективной, что многие великие римские семьи предпочитали платить дань разбойникам в обмен на защиту своих ферм и поместий, чем требовать помощи против них от правительства. Один из самых известных римских князей регулярно платил такую дань разбойнику Тибурци. В старину разбойники спускались в деревни на большие праздники в бархатных жилетах и шапочках с перьями, неся свечи и дары для Мадонны и пресвитерии. Едва ли менее живописны, чем разбойники, главные пастухи, называемые *butteri*, в синих куртках и латунных пуговицах, с пером в мягкой войлочной итальянской шляпе. Их мастерство грубых наездников прославлено, и пальма осталась с ними, когда ковбои Буффало Билла вызвали их на испытание мастерства.

Примитивная и классическая особенность труда в кампанье - это пение, которым он оживляется. Час за часом во время засева поля звучит монотонная народная песня, куплет за куплетом через равные промежутки времени, женщина поет, а мужчина насвистывает аккомпанемент, и фраза всегда заканчивается затянутым предсмертным кадансом, свойственным первобытной песне, как напев, который поют сегодня неаполитанские девушки в пещерах Байи, хотя это дирдж, который их предшественники создали для Адониса. Одной из самых знакомых достопримечательностей, мимо которых проходят эти труженики полей, являются винные повозки, направляющиеся в Рим; откидной льняной или кожаный капюшон, обычно пурпурного цвета, защищает водителя, а маленькая собака распространенного и злобного вида, известная как *lupetto romano* - римский волчонок - балансирует на грузе и является защитником и спутником своего хозяина. В задней части повозки всегда есть маленький бочонок, закрепленный поперек; это привилегия водителя и его друзей, когда его поручение выполнено. Иногда на месте гибели извозчика под колесами его повозки ставят крест, украшенный гирляндой, подобно тому, как в языческой Кампанье камень, усыпанный цветами, указывал на место гибели путника, пораженного молнией. Такие несчастные случаи с телегами случаются нередко: во время долгих молчаливых поездок по выжженной солнцем равнине *агро* люди засыпают, и тогда легко упасть и быть раздавленным под телегой, пока лошадь или мул едут по привычному маршруту в Рим.

Маленькие придорожные святилища, подобные тем, что устилают кампанью, и которые путник приветствует, проходя мимо, все еще существуют в некоторых нетронутых частях Рима внизу у Тибра, в районе площади Монтанара и в Борго Святого Петра. Козодоев, как и *батери* и виночерпиев, могут увидеть и те, кто никогда не покидает стен Рима. Возможно, когда в мае мы видим их, стоящих рядом с небольшим стадом коз на тенистой стороне пьяццы, одетых в такие же бриджи из козьей кожи, какие носили их языческие предки, нам больше всего вспоминается не "римская страна", а зарождение "вечного города", когда подобные фигуры с их пастушескими божествами овладели Палатинским холмом.

МАЛЕНЬКАЯ УБОРЩИЦА В КАМПАНИЕ

Италия всегда была страной Сатурна, бога природы. Ее праздники были праздниками дел и событий природы, Луперкалии Луперка, Палилия Палиса; она была и остается языческой, если под язычеством понимать естественное, а не сверхъестественное отношение к жизни - естественное и гуманистическое, а не мистическое и идеальное. Под новыми именами скрываются старые боги. Истинная латинская богиня - это Палес, мать-земля, источник благодати, настоящая дарительница даров своим почитателям - воцерковленная, посвященная Евангелию под сотней аспектов того, что Бонги удачно назвал "gentilissimo fiore del cattolicismo", культом Мадонны. В некоторых непристойных трактатах и картинках Христос изображается отворачивающимся от проказы грешника, и именно Мария, чье сострадание к блудному человеку не ослабевает, убеждает Христа сжалиться над ним. Это, хотя и ложное богословие, точно отражает итальянский ум. Богиня природы, мать, земля и ее полнота утешают, воссоздают и говорят с душой латинянина на его родной земле, когда у

религии нет языка, который бы дошел до него. Из сердца этой земли латинянин узнал свою религию и никогда с ней не расставался.

Настал час бога Пана, тот полуденный час, который может выдержать только Пан. Солнце высоко в небесах, земля источает тепло, вокруг великая тишина. Ничто больше не колыхнется, ничто не движется, ничто не дышит. Великий покой действительно напряжен великой активностью, но тишина природы приветствует этот высший час солнца в его славе - мир лежит мертвым у ног дарителя жизни. Час бога Пана - это тайна, которая ежедневно обновляется для итальянцев; то, что остается неизменным среди всех перемен, - это миф о природе и тайны, которые она всегда шепчет детям своей земли.

ГЛАВА VI

РИМСКИЙ БРАЧНЫЙ СОЮЗ

Как и в других европейских городах, в Риме принято жить в квартирах. Дома высокие, без особого стиля архитектуры, в старых частях города они заслоняют лабиринт узких улиц, вымощенных большими неровными каменными плитами. Здесь нет тротуаров для пешеходов, которые с безразличием, порожденным долгой практикой, привычно идут посреди проезжей части, неторопливо переходя на одну сторону, повинаясь предупреждающим окрикам водителей, или терпеливо ждут, прижавшись к дверям магазина, если два автомобиля хотят проехать друг мимо друга. Длинные рваные борозды, выщербленные вдоль стен домов и на углах улиц ступицами колес тяжелых телег, свидетельствуют о веках неуклюжего вождения.

Однако в Риме всегда существовало определенное количество вилл, расположенных внутри стен, и их деревянные парки и террасные сады, украшенные фонтанами и статуями, были одной из характерных черт города. Их богатые владельцы, вероятно, имели мрачный дворец и вдоль Корсо, но виллы были приятны в теплую погоду, и два века назад под тенью их илековых рощ устраивались чудесные аркадские развлечения. Некоторые из этих вилл до сих пор существуют в своем первоначальном виде или как общественная собственность, многие были вытеснены и снесены, а их сады разбиты на участки под застройку. Однако вкус к строительству вилл еще не умер, и в последние годы в новых кварталах как грибы растут небольшие дома в стиле барокко, за которые просят огромную арендную плату.

Римские квартиры или апартаменты, как их еще называют, варьируются от великолепных сьютов из тридцати или сорока комнат до небольшого домена из трех или четырех. Их можно арендовать даже в самых княжеских дворцах, которые настолько велики для требований современной жизни, что их владельцы с удовольствием сдают в аренду то, что не могут использовать.

ФОНТАН "МОРСКОЙ КОНЕК" НА ВИЛЛЕ БОРГЕЗЕ

На полянах римских вилл можно увидеть редкие зеленые эффекты, преобладающая окраска которых [представлена на фото 27](#). См. страницу [46](#).

Единственный вход-шлюз, который запирается на ночь, находится в ведении носильщика, чей внешний вид зависит от социального положения его работодателя: от импозантной фигуры в золотых кружевах и шляпе с петухом до угрюмого парня на каблуках и локтях, который зарабатывает на жизнь сапожными или плотницкими работами, бдительно, но не дружелюбно следя за приходом и уходом обитателей жалкого жилища, находящегося под его опекой. Часто даже в хороших домах одна-единственная комната у входа служит привратнику с женой и семьей спальней, кухней, гостиной и мастерской, а иногда столько же людей укрываются на ночь в простом закутке без окон и дверей под лестницей. И все же эта работа настолько востребована, что, как говорят, портфель министра кабинета министров получить легче, чем должность хаус-портье.

Из центрального двора ведет одна или несколько общественных лестниц. До 1870 года освещение на них не было обязательным, и многие преступления совершались на длинных темных лестницах, единственным свидетелем которых была угасающая масляная лампа перед образом Мадонны.

Даже сейчас входная дверь редко открывается сразу в ответ на ваш звонок; отодвигается небольшая задвижка, и вас сначала осматривают через решетку. Или вас приветствуют пронзительным *"chi è"*, и только после того, как вы успокаивающе ответите *"amici"*, "друзья", вас впустят. Итальянская семья среднего класса не очень-то расположена к утру. Хотя люди встают очень рано - в Риме не бывает слишком ранних часов, чтобы люди были на ногах, - до полудня в доме царит *дешабиль*. Постели не заправлены, хозяйка расхаживает в халате и тапочках, пронзительно приказывая своей горничной; она даже выходит в магазин невымытой, в старой юбке и жакете. На первый взгляд все комнаты кажутся спальнями, в которых можно только сидеть. Тем не менее одна комната, как правило, самая маленькая и непривлекательная, отведена под "комнату для приема гостей". Семья никогда не сидит в

ней и не заходит в нее, кроме как для приема гостей. Она тщательно закрыта и зашторена, а если вы пришли неожиданно, горничная с милыми извинениями впускает свет, пока вы ждете в дверях, боясь упасть в темноте из-за бесчисленных предметов, всякой всячины и маленьких столиков, которыми заставлена комната. Диван, покрытый джутом, самого неудобного рисунка, с полоской ковра перед ним - это *вещь первой необходимости*, и посетительница сочла бы себя обделенной, если бы ее не проводили к этому почетному месту. Ни на одном из каменных полов нет ковров, нет печей и каминов. А если и есть дымоход, то он считается нечистым и засоряется. Здесь нет удобных диванов и шезлонгов. Если погода хорошая и теплая, то все в таком хозяйстве хорошо. Но Рим знает туман, мороз и снег, и хотя ни один из них не длится долго, ветреные дни могут сменять друг друга, и горькие ветры дуют на город с заснеженных Сабинских гор, и тогда римляне, вынужденные сидеть дома, безропотно надевают пальто и куртки за дверь, чтобы сохранить тело и душу, и сидят, грея пальцы над маленькими сковородками с раскаленной древесной золой.

Как и кошки, они испытывают конституциональный ужас перед дождем и предпочитают оставаться в помещении, чем рисковать промокнуть в поисках какого-нибудь увеселительного заведения или для того, чтобы выполнить помолвку. Каждый извозчик, каждый нищий, каждый крестьянин носит с собой зонтик; лошади и тягловые волы в сырую погоду закутываются во фланель и макинтош, а водители маленьких открытых кэбов прячутся под кожаными фартуками и огромными зонтами, под капающими краями которых их "проезжие" пробираются внутрь и наружу, как только могут. Только разбойники, как принято считать, не носят зонтиков, и по этому признаку их можно узнать.

Веселое согласие римлян с тем, что мы, , должны считать значительными трудностями, достойно восхищения. Например, после долгих рабочих часов, проведенных в правительственных учреждениях, которые по большей части представляют собой запущенные монастыри и всегда люто холодные, они возвращаются в свои дома, где удобства в нашем понимании неизвестны, но не потому, что их нельзя себе позволить, а потому, что их не хотят или по ним не скучают; и их веселье или удовольствие от общества друг друга ничуть не уменьшается от того, что они проводят вечер, сидя за обеденным столом на стульях с прямыми спинками.

С другой стороны, большое внимание уделяется приготовлению еды. Еда изысканно приготовлена, хорошо прожарена и приправлена. Мясо и овощи обычно готовят в масле или беконном жире, и ни один римлянин не посмотрит на блюдо с просто вареной или жареной пищей. Даже бедняки умело готовят пикантные блюда из *поленты* (молотой индийской кукурузы) и картофеля, приправленные луком или помидорами. Вся кухонная и пищевая утварь содержится в строжайшей чистоте, и самый грязный *contadino* тщательно протрет свой стакан, прежде чем убедится, что он пригоден для использования. Римляне прерывают пост чашкой черного кофе и хлебом без масла, но вполне обычно, что они вообще ничего не едят до двенадцати или часа ночи. Полуденный обед начинается либо с супа, либо с макарон (*minestra* или *minestra asciutta*). Если с супа, то рядом подается мясо, которое было отварено для его приготовления, с овощными гарнирами. Макароны подаются с маслом, сыром, помидорами, и существует множество вкусных способов их приготовления. Полкилограмма (восемнадцать унций) считается порцией на каждого человека. Если трапеза начинается с макарон, за ними следует мясо в *умидо* - любимой римской заправке из помидоров и лука. Люди, живущие очень просто, никогда не притронутся к черствому хлебу, и нет ничего необычного в том, что свежую партию приносят на дом три раза в день. Салат, сыр и яйца, приготовленные различными способами, составляют основную часть вечерней трапезы римлянина.

Иностранцы не перестают удивляться тому, какие изысканные и великолепно приготовленные обеды можно приготовить на бесперспективных римских кухнях. Кладовки и кладовые почти неизвестны. Белая мраморная раковина - мрамор заполняет самые низкие офисы в Риме - и кран в углу выполняют свои функции. Кухня часто представляет собой небольшую комнату, а "плита" - не более чем стол из кирпича и плитки, снабженный маленькими отверстиями для хранения древесного угля и шахтой для отвода вредных испарений. На этих отверстиях и готовится вся пища; уголь раздувается веером из перьев, и если есть много кастрюль и сотейников, то они должны стоять на крошечных кострах. Сковороды не существует, а запас угля для использования хранится на полу под плитой.

ДЕКОРАТИВНАЯ ВОДА, ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Итальянцы всех классов очень придирчивы к чистоте своих постелей, и в этом их привычки выгодно отличаются от допотопных обычаев, распространенных в Англии, ведь каждый предмет постельного белья не только ежедневно проветривается у окна, но и все матрасы каждый год собираются в кучу, а шерсть выдергивается и выбивается. Этот процесс обычно происходит на плоских крышах домов в солнечную погоду; матрасник со своим помощником, скамейкой и расческой приходит и делает это для вас за скромную плату в полторы лиры за матрас.

После этого римский стандарт чистоты совсем не работает. Полы никогда не моют; они служат для того, чтобы по ним топтались в толстых сапогах, чтобы на них плевали, чтобы в них попадали спички и сигарный пепел. Двери, окрашенные деревянные конструкции, стены всегда испачканы; если есть терраса, она становится одновременно и неприглядной, иместилищем отвратительного мусора. Полное безразличие к чистоте как первому условию гигиены, и нередко на кухне хорошего буржуазного дома можно встретить птиц, которые гуляют на балконе и подбирают себе пропитание под столом.

Даже в больших домах, где содержится много слуг, часто наблюдается такое же спартанское безразличие к комфорту. Большие залы не отапливаются, за исключением мангала с пылающими дровами, а камины, если они есть, используются лишь в редких случаях в гостиных. Ванные комнаты редки, а привычка ежедневно принимать ванну почти неизвестна в городе, который когда-то мог похвастаться лучшими банями, какие только видел мир.

Если римлянин не знает, как создать себе уют в помещении, то никто лучше него не знает, как развлечься на свежем воздухе. Оборванный бездельник загорает на площадях, рабочий дремлет в обеденный час под прикрытием стены ; именно на улицах проходит римский праздник. Родители и дети рабочего класса, отец с ребенком на руках, счастливо прогуливаются часами или выходят за городские ворота, чтобы отдохнуть и подкрепиться в одной из придорожных *остерий*. Здесь они собираются вокруг грубых столов под навесом из бамбуковых тростей и едят и пьют по мере своих возможностей. Самая захудалая деревенская забегаловка может удовлетворить требования клиентов более высокого класса и в крайнем случае предложить чисто приготовленное и вполне вкусное блюдо из макарон или яиц с овощами, обжаренных в масле, за сорок-пятьдесят сантимов за тарелку, что вполне достаточно для двоих. В теплую весеннюю погоду в течение всего дня на *празднике* стулья и скамейки возле каждой винной лавки и закусочной заполнены сменяющейся толпой отдыхающих, которые просто и беззаботно развлекаются; а в такие дни на углу можно встретить деревенского мужчину или женщину, у которых в руках огромный кабан, зажаренный целиком, фаршированный мясом и шалфеем и украшенный зеленью, от которого за пустяковую сумму вам отрежут сочный кусок, если вы того пожелаете.

ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА В АНТИКОЛИ, НА САБИНСКИХ ХОЛМАХ

Удовольствия на свежем воздухе не менее привлекательны для лучших классов. Модный Рим ежедневно после обеда проезжает по Корсо и вокруг Пинчио, кареты с интервалом останавливаются у эстрады. Обладание нарядной одеждой, шикарной каретой и лошадьми

так дорого римскому сердцу, что целые семьи будут жить скупой, не выходя из дома, чтобы позволить себе эту роскошь. В долгие послеполуденные часы мужчины собираются у здания парламента и на Корсо, чтобы встретиться и поболтать с друзьями, а стулья и столы с их модными обитателями блокируют тротуары у кафе и ресторанов, вынуждая прохожих выходить на проезжую часть.

Роман из более бедных слоев населения ведет домашний быт также под открытым небом. Стулья, кухонные столы и умывальники выносятся на улицу. Еду готовят и едят, одежду стирают, а шитьем, вязанием, сапожничеством и плотничеством занимаются под открытым небом, внимательно следя за тем, что происходит на улице.

Время от времени из верхнего окна спускается корзинка, привязанная к веревке, и сопровождается пронзительным криком: Не соблаговолит ли синьора Аннунциата купить экземпляр "*Мессаджери*", о котором только что кричали на улице? В корзине она найдет сольдо. Или пусть она скажет этому никчемному бродяге Марку Антонию или Ганнибалу (самые отъявленные оборванцы всегда радуются такому имени), который играет в *морру* за углом, чтобы он немедленно бежал и купил га'порту белой фасоли. Поручение выполнено, корзина с ношей занесена, и вот уже проносятся блаженные часы досуга в пустых разговорах с соседями у их дверей и окон напротив, на стульях, удобно откинутых к стене дома под мягким римским солнцем. На тихих пятачках и в тенистых уголках у городских ворот скромные люди могут побриться за небольшую сумму у цирюльников, которые занимаются своим ремеслом под открытым небом и не платят за аренду магазина. В жаркую погоду модные парикмахеры даже нередко выносят кресло клиента за дверь и продолжают бритье там, не вызывая никаких замечаний.

До того как чтение и письмо стали обязательными, публичные письмоноскы были обычным явлением, и их до сих пор можно встретить на улице Тор де' Спекки, в укрытии Саларианских ворот и в других тихих местах, а группы озабоченных клиентов, ожидающих своей очереди за столом, свидетельствуют о неэффективности закона об обязательном образовании. Девочки диктовали этим писцам свои любовные письма и, возможно, делают это до сих пор, и даже мальчики писали и пишут Сан-Луиджи на его *праздник* 21 июня - письма, перевязанные голубой лентой, впоследствии клали на его алтарь.

Мода на омовения под открытым небом, некогда повсеместная, постепенно проходит. За пределами стен женщины стирают свою одежду в ручьях и реках, а внутри города, у нового Понте-Маргерита, до сих пор можно увидеть одну из старых общественных купален, защищенную только крышей и окруженную толпой женщин в ярких хлопковых лифах и юбках, которые стирают одежду в холодной мутной воде и энергично моют ее на каменных плитах, чтобы то, что остается от нее после этой героической процедуры, было хотя бы чистым.

Из-за тесноты и темноты всех римских провиантских лавок большая часть осмотра товаров и все разговоры, торги и ссоры поневоле происходят на тротуаре. Многие римские лавки до сих пор представляют собой узкий свод, не имеющий выхода в дальнем конце, а на ночь весь фасад закрывается ставнями. Рано утром все повара Рима и вся прислуга выходят на улицы за провизией, толпятся у временных рыночных лотков, установленных на маленьких пятачках под шикарными зонтиками, наполняя воздух своими шумными спорами. На обочинах стоят крестьянки с корзинами деревенских продуктов, которые они с центрального места расхваливают прохожим. Эти женщины входят в город на рассвете с корзинами на головах, а у ворот их бедный маленький товар подвергается нежному досмотру со стороны

таможенников, каждое яйцо и репа пересчитываются, и за них уплачивается пошлина *октрои*.

Иностранному жителю требуется некоторое время, чтобы разобраться в идиосинкразии римских магазинов. Драпировщик белья смотрит на вас с добродушной жалостью, если вы просите у него ленты или галантерею, которые можно купить только у мерсера, занимающегося этой торговлей. Бакалейщик торгует только сухими товарами, а в многочисленных лавках под названием "*пиццерии*" продаются исключительно сыр, сало, масло, бекон, соленая рыба и консервы. Ваш рыботорговец продает только рыбу, мясник закрывается с двенадцати до пяти, редко продает баранину и никогда - ягненка, которого нужно искать у птицелова. Макароны поставяляет ваш пекарь, или их можно купить в одном из многочисленных маленьких магазинчиков, имеющих лицензию на продажу соли и табака, где также можно приобрести почтовые марки, мыло, оловянные шпажки, фарфоровые тарелки и минеральные воды.

В Риме, как вскоре узнает каждый домохозяин, все повседневные операции приходится проводить ценой постоянного и изнурительного конфликта с людьми, для которых мошенничество и обман, фальсификация весов и мер - вторая натура, у которых нет эталона честности в мелочах, и которые всегда скажут то, что понравится вам или им самим, а не то, что есть на самом деле. Естественно, посетитель - их особая добыча. Эксплуатировать его - традиционно для Рима. В городе, где нет собственных ресурсов, есть иностранец и его кошелек, и он становится легкой жертвой людей, чей язык он плохо понимает, и которые в прошлом владеют всеми обманными искусствами. Времена года коротки, и нужно собрать обильный урожай, пока он есть. Магазины в лучших кварталах поднимают стоимость своих товаров на сто процентов при виде иностранного лица. Если на витрине не будет надписи "фиксированные цены" в интересах покупателя, продавцы будут ожидать, что вы будете торговаться по поводу каждой покупки - торговаться полчаса из-за шести су или десяти - это действительно единственный коммерческий инстинкт, которым они обладают. Как правило, они просят в два раза больше, чем собираются в итоге принять, и, надо отдать им должное, это делается не только ради того, чтобы франков было больше или меньше, но и ради спортивного азарта. "Я сказал 200 лир, теперь вы должны что-то сказать" или "Цена такая-то, сколько вы дадите?" - вот прелюдия к нескольким действительно приятным четвертям часа. Иностранец, который беспрекословно платит то, что у него просят, - это бедное существо, которое не стоит обманывать.

Римляне до сих пор рассчитывают свою арендную плату или зарплату в старой папской валюте *скудо* (пять франков), а еду на улицах продают по столько-то *паоло* (полфранка). *Полпаоло* (или *джулио*) - *гроссо*, два *паоло* - *папетто*, три *паоло* - *тестоне*, а полпенни или *байокко* - все еще знакомые названия, которые легче всего приходят на язык. Разница между старыми весами и новыми, папскими весами и десятичной системой объединенной Италии, является плодотворным источником прибыли для торговца. Отчасти из сентиментальности, отчасти из корысти он цепляется за старую единицу веса, фунт, состоящий из двенадцати унций, и, поскольку на официальных весах он нигде не фигурирует, пересчитывает его в треть килограмма (330 граммов) или, если вы не следите за ним внимательно, в 300 граммов, наживаясь таким образом от 1/100 до 1/10 на каждом проданном килограмме (1000 граммов). Точно так же римской мерой для дров является плотно набитая телега, но продавец дров умеет сделать так, чтобы телега выглядела полной, когда она таковой не является, и единственное, что вам остается, - это покупать дрова на вес. Но даже в этом случае, если вы хотите получить то количество, которое заказали и оплатили, вы должны не только видеть, как его взвешивают, но и следить за ним на пути к вашему дому, иначе он станет заметно

меньше в пользу возчика. Древесный уголь для кухни вы покупаете в мерном мешке определенного веса. В первый раз, когда вы отдаете свой заказ, вы в восторге от качества и количества, но с каждым заказом мешок уменьшается в размерах, и, когда вы возражаете, продавец угля невозмутимо отвечает, что, если вы настаиваете на том, чтобы уголь взвесили, он не сможет поставить его по такой цене!

Несомненно, повсеместный обычай покупать каждое утро продукты на день - это экстравагантная система для домохозяина и источник постоянной незаконной прибыли для торговцев, но поскольку в городе нет кладовых, где можно хранить продукты, альтернативы нет. Каждое утро *донна ди сервицио*, или горничная всех работ, выходит на улицу, чтобы провести приятные полчаса или больше, встречаясь со своими друзьями и совершая пронзительные сделки у дверей магазинов. Служанка итальянца покупает жир для бекона, сало или консервированные помидоры за полпенни, а поскольку такие маленькие количества невозможно взвесить, она получает ложку сала или кусочек масла, завернутые в листок, и все это завязывает и несет домой в блестящем хлопковом платке. Мужчина-повар не снизойдет до такого платка. Он несет несколько посылок, но возвращается, как правило, с маленьким мальчиком на голове, который несет корзину, где выставлены все его покупки. В Риме распространен обычай, согласно которому служанка дает как можно меньшую цену за все, что покупает, а с хозяйки берет больше, остаток идет в ее собственный карман. Слуги, безусловно честные во всех других отношениях, поддаются этому искушению. Если они служат иностранцам, то часто могут удвоить свою зарплату, и эта практика настолько хорошо известна, что о хозяйке, которая слишком бдительна, чтобы разрешить это, говорят, что она дает только *mesata secca*, сухую зарплату.

ВИЛЛА Д'ЭСТЕ, ТИВОЛИ

Построена в 1549 году для кардинала Ипполито д'Эсте, сына Альфонсо II, герцога Феррары. Затем она перешла к наследнику этого рода, герцогу Модены. См. страницы [172](#), [174](#).

Когда-то Рим был одним из самых дешевых европейских городов для проживания; арендная плата была низкой, а продукты питания - дешевыми; мясо стоило три су за фунт, и когда оно подорожало до четырех, римляне были возмущены. Жесткое налогообложение, введенное итальянским правительством, теперь изменило все это. Говядина стоит семнадцать су за фунт, а арендная плата за последние двадцать лет выросла почти вдвое. Заработная плата по-прежнему очень умеренная. Женщина-служанка получает от восемнадцати до тридцати франков в месяц, мужчина - от тридцати до шестидесяти. Если английская хозяйка нанимает итальянского слугу, даже если он или она, как говорят, знает свою работу, ей приходится начинать с самых азов, и даже тогда наступает момент, когда обучение не приносит никакого результата. На утонченность английского сервиса смотрят как на множество любопытных обрядов, не имеющих смысла, а наши стандарты чистоты и привередливости - вечный источник удивления.

Гордость римлянки, как правило, не позволяет ей заниматься домашним хозяйством. Если же она это делает, то становится самой грубой и плохой из служанок. Естественный инстинкт каждой обычной итальянской служанки - выбрасывать весь мусор в окно, как она до сих пор делает в городах Кампании или там, где окно ее кухни выходит на безлюдный двор, и вся остальная ее служба соответствует этому стандарту, а ограничения, наложенные на нее требованиями цивилизации, - это тончайшая фанера.

Она никогда не будет мыть пол по своей инициативе, и очень редко - по вашей, и вполне способна предупредить вас, если вы этого ожидаете. Тем не менее, если вы сможете заставить себя пойти на компромисс с собственными стандартами и смириться с некоторыми из ее, вы найдете ее в целом приятным существом, с которым можно иметь дело. У нее много свободного времени, и она всегда успевает вести затяжные беседы и даже флиртовать из окна кухни. Ни одно событие на улице или во дворе внизу не ускользает от ее внимания, и при этом она успевает заниматься домашними делами, готовить еду, ждать за столом, чистить сапоги, гладить и чинить одежду, покупать провизию. Кроме того, она не задумывается о том, чтобы спать в простом шкафу без воздуха и света, пригодном только для хранения коробок, или в одном из проходов на раскладывающемся диване-кровати - такие планы вполне обычны в римском доме.

Итальянский слуга - самое домашнее существо, и в целом он наиболее обучаем и работоспособен; но он также привык накрывать на стол, кладя нож, вилку и ложку в кучу перед каждым человеком, добавляя стакан, и *voilà tout*, а более высокий идеал, чем этот, является тяжелым налогом на память и интеллект. "Когда он уходил от меня, он, конечно, знал, как положить скатерть, - сказала одна американская леди о своем слуге-мужчине, проработавшем у нее девять лет, - но, возможно, он забыл"; и он, конечно, забыл, хотя пробыл в ее положении всего год. Так называемый законченный слуга, много лет проработавший в княжеском доме, ничего не думал о том, чтобы получить корзину с бельем от французской прачки и поставить ее на наш обеденный стол в ожидании дальнейших указаний, и наше неодобрение только огорчало его, не просвещая. И никакие наставления не убедят итальянца в неуместности объявления английских гостей по описанию, вместо того чтобы пытаться произнести их иностранные имена: "Джентльмен из отеля" или "Молодая леди, которая вышла замуж за того старика!". Но их очаровательные манеры и легкая грация обезоруживают критику и прощают многие недостатки.

В военных семьях санитар хозяина часто превращают в домашнего грубияна. И все же молодые солдаты охотно идут на такую работу, ведь хотя они и не получают дополнительного жалованья, но освобождаются от воинской повинности после первых десяти месяцев службы, а их паек компенсируется еженедельным государственным пособием. Нередко

можно увидеть, как молодой человек в форме выполняет всю работу в доме офицера: готовит, убирает, занимается маркетингом, ждет за столом, водит детей в школу, катает коляску и даже стирает и гладит.

В больших римских домах все еще сохраняется некоторая пышность и помпезность, но она сочетается с простотой жизни и неформальностью отношений между работодателем и работником, которые лишают ее чопорности. Слуги в большом доме - это не отдельная каста, они - часть семейного уклада. Хозяева дают им привычное "ты", обращаются к ним с гораздо большей близостью и дружелюбием, чем это принято у нас. В ответ слуги отождествляют себя с заботами своих работодателей и проявляют величайший интерес ко всем их делам, чему, несомненно, способствует полное безразличие к частной жизни, существующее в большинстве семей, где разговоры на любые темы ведутся при широко открытых дверях, независимо от слушателей.

Слуги и другие представители того же класса обычно подчиняются четко заключенному соглашению, хотя иностранцам всегда рекомендуется иметь даже черно-белые условия службы, и в отношениях с ними никогда не стоит полагаться на прецедент или общие правила. Они совершенно не ограничены существующими законами и неписаными обязательствами, составляющими кодекс респектабельности их английских коллег, и будут верны вам только до тех пор, пока их интересы не вступят в противоречие с вашими. Случаи обратного редки. Итальянский слуга вполне способен мгновенно предупредить вас о своей прихоти и в тот же день уехать, не испытывая ни малейших угрызений совести за причиненные ему неудобства.

Горе тому иностранцу, который ищет возмещения за подобное поведение или оказывается вовлеченным в спор, каким бы праведным ни было его дело. Такие дела рассматриваются в окружных судах мировыми судьями, которые назначаются в каждом районе города в качестве примирителей (сохраните марку!). Ни один солидный адвокат не любит выступать в этих судах, они ниже достоинства его положения, и он делает это только в качестве одолжения. Адвокат низшего порядка, который чаще всего является непрофессионалом, выдающим себя за такового, может быть нанят на месте, как носильщик, чтобы проводить вас. Ваш противник непременно воспользуется услугами одного из таких людей, и когда дело дойдет до дела, он, к вашему немалому изумлению, встанет и произнесет беглую речь в пользу своего клиента, практически не касаясь событий, которые произошли. Если сочтет нужным, он также вызовет несколько лжесвидетелей, которые с совершенным *хладнокровием* поклянутся в полной неправде. Когда ваш адвокат пытается изложить свое дело, адвокат другой стороны прерывает его возмущенными опровержениями, а примиритель присоединяется к ним с самым оскорбительным проявлением самообладания. Комедия заканчивается тем, что все трое сразу заговорили громкими возбужденными голосами, не слушая друг друга, и примиритель объявляет о завершении заседания. Затем он выносит свой вердикт, который неизменно оказывается в пользу слуги, и его социалистическим наклонностям в этом отношении способствует то, что он не обратил ни малейшего внимания на представленные ему доказательства.

НА ВИЛЛЕ БОРГЕЗЕ

Священник и один из австрийских семинаристов, за красное платье которого в народе закрепилось прозвище "*вареные креветки*", беседуют в тени виллы; весенний солнечный свет пробивается сквозь деревья.

ГЛАВА VII

РИМСКИЙ НАРОД

I. Итальянцы.

Есть четыре великих движения, которые сформировали политическую интеллектуальную и моральную жизнь других европейских стран, не оставив своего следа в Италии. Феодализм и схоластика закрепились там в меньшей степени, чем в Германии, Англии или Франции; дух рыцарства никогда не трогал итальянца, а пуританизм, конечно, оставил его без наказания. Феодализм был мало близок народу, демократичному до глубины души, схоластика мало привлекала самую открытую и самую малодидактичную нацию на земле, и ни рыцарство франков, ни пуританство англосаксов не пробудили отзвуков в народе, чья корысть и отсутствие чувства личной ответственности уравниваются лишь отсутствием иллюзий, а ненависть к обману столь же радикальна, как и свобода от лицемерия.

По сравнению с нелатинскими народами, линии развития Италии были скорее интеллектуальными, чем в области характера и поведения. Интеллект Италии постоянно устраивал банкет перед духом Европы, как красота земли с севера на юг давала пиршество материальной красоты каждому поколению. Итальянская быстрота в восприятии идеи сочетается с итальянской открытостью; вы никогда не встретите в Италии стену

толстомордых самодовольных предрассудков - того набора предубеждений, которые итальянец метко назвал *идолами*, - которые англичанин не преминет выставить, столкнувшись с новой идеей. Возможно, именно тот факт, что итальянцы - наименее предвзятые люди на земле, делает жизнь в их стране восхитительной для северян. У некоторых наших соотечественников, конечно, есть основания радоваться этому, но безграничная терпимость итальянцев к чудачествам и эксцентричности других не означает, что они оправдывают нас в дурных манерах и провинциализме.

Итальянский интеллект, знакомство и игра идей в итальянском языке - это не то же самое, что возвышенный идеализм; и когда один датчанин недавно написал, что итальянцы обладают самыми высокими гуманистическими качествами и поэтому ближе к сверхъестественному, чем другие люди, он, как мне кажется, допустил эту ошибку. Он спутал идеи с идеализмом. Итальянский дар *par excellence* - *le sens très vif des réalités*,^[4] яркая фиксация на реальном; и этот реализм - источник одновременно и их достоинств, и их недостатков. Итальянец может использовать идею только в одном случае: он должен видеть ее такой, какая она есть. Поэтому он раздевает все, срывает с нее драпировку, выставляет ее на яркий, безжалостный свет факта. Нет ничего, что само по себе заслуживало бы и всегда вызывало бы почтение - для него пика - это пика, фиаско - это фиаско, труп - это труп. В нем нет того предупредительного идеализма, который на севере набрасывает вуаль на грубость чувства и помогает осветить полуправду, которую оно открывает. Легко понять, что такое качество интеллектуально ценно, но нравственно губительно. Особая прелесть природы, сформировавшейся на севере, заключается в убеждении, что есть вещи, которые нельзя видеть, нельзя слышать. Эта северная "опека чувств" - не аскетическое упражнение, а внутреннее просветление, брошенное на них.

"ИСПАНСКИЕ СТУПЕНИ", ПЬЯЦЦА ДИ СПАНЬЯ

Возведена для римлян на средства француза в XVIII веке. *Пьяцца* получила свое название от испанского посольства в Ватикане, которое имеет здесь свою резиденцию. В монастыре Святого Сердца при церкви Тринита-де-Монти, расположенном на вершине ступеней, получили образование несколько поколений девочек из римских семей. Египетский обелиск был привезен из садов Саллюста и установлен здесь Пием VI. См. страницу [141](#).

Интеллектуальное ограничение "так далеко иди и не дальше", которое англичанин охотно налагает на себя, невозможно для итальянца, чьи моральные качества должны считаться с интеллектуальной свободой, присущей его гению. Страстная любовь к интеллектуальной

истине ради нее самой - одно из этих моральных качеств, и люди, не обладающие им, неизбежно приобретают определенные моральные дефекты. Это не недостатки итальянца; он не лицемер в своих моральных отношениях, не сноб в социальных вопросах, не ханжа в вопросах интеллекта, и у него нет способности к мистическим самообманам северянина. Его полный демократизм чувств проявляется во многих приятных проявлениях. Среднему англичанину трудно представить, что звание не должно иметь никакого значения, понять достойные и простые отношения, которые существуют между классами в Италии. Человек в хорошем пальто не стесняется разговаривать с другом в фустье; люди из совершенно разных слоев общества могут быть замечены застегивающими пуговицы друг друга; а римский принц под руку с человеком из низшей буржуазии - нередкое зрелище. "В этом доме все мы люди уважаемые", - сказал мне один римлянин, - "этажом ниже живет сенатор, наверху - учитель языков, а я - лавочник". Суверенитет, несмотря на тяжелый этикет Савойского дома, в Италии тоже демократичен. Король не живет в недоступной *пенетралии*, и человек из народа, столкнувшись с человеком, к которому он неизменно обращается как *sua maestà*, выскажет ему свои мысли. Король Гумберт присутствовал на открытии большого магазина Боккони на Корсо и поздравил его с этим новым коммерческим предприятием в городе; это все равно что король Эдуард VII нанес бы инаугурационный визит в Уайтли. Королева Маргарет всегда посещала воскресные лекции, проводимые в Риме ассоциацией высшего женского образования, - ни один англичанин не мог бы представить себе королеву Викторию, посещающую, скажем, лекцию о расширении университета в Бедфордском колледже. Латиняне гораздо больше, чем мы, верят в принцип власти и бесконечно меньше заботятся о ее представителях.

Итальянская цивилизация империалистична и социальна, а не индивидуалистична. Здесь больше, чем у нас, развито чувство общественного приличия (в отличие, однако, от частного) и больше жертвования индивида обществу. Одним из следствий этого является то, что здесь меньше эксцентричности, которая является индивидуализмом малоодаренных людей, меньше личной инициативы, меньше предприимчивости, и нет ничего из того духа приключений, который является романтикой англосаксов. Итальянец всегда, несмотря на громкие жалобы справедливым небесам, предпочтет "терпеть те беды, которые у него есть, а не бежать к другим, о которых он не знает". Сейчас в Италии пошла мода считать "индивидуализм" современных итальянцев причиной их неспособности к сотрудничеству. Но за индивидуализм принимают недостаток сплоченности (умственной и моральной). Несомненно, что англичанин - "индивидуалист", но он всего добивается сотрудничеством; несомненно, что он обладает признаком индивидуализма - инициативой, и несомненно, что у итальянца ее нет. Италия страдает не от оргии индивидуализма в своем народе, а от оргии эгоизма, что совсем другое дело.

Стоит отметить, что каждый народ считает свою собственную семейную жизнь самой чистой и прочной. Правда в том, что в Италии семейная жизнь играет более важную роль, чем в Англии, а латинские родители везде жертвуют собой ради своих детей больше, чем мы. Кровные узы настолько сильны, что можно сказать, что в основе итальянского характера нет ничего, кроме любви к семье. Дети имеют гораздо большее значение в жизни итальянца, чем в жизни англичанина; и когда от них требуется любовь, преданность и послушание, они уже видят в своих родителях, как в зеркале, как жизнь, личный комфорт и личные амбиции могут быть растрочены ради любви. Английский родитель может оставить своим детям все, что у него есть, и часто оставляет старшего обеспеченным, а младшего совсем не обеспеченным. Латинские родители не могут так поступить, и это свидетельствует о чувстве долга перед теми, кого они приводят в мир, которое существует среди латинской расы.

Если кровные узы в Италии сильны, то дружба встречается крайне редко. Как и в семейных отношениях, здесь определяющим фактором является отсутствие выраженного индивидуализма. Для того чтобы соответствовать семейному стандарту, не нужно прилагать особых усилий, но и эти усилия, хотя и могут привести к самоподавлению, редко приводят к саморазвитию. Чтобы соответствовать уровню сверстников вне дома, нужно, наоборот, проявить все свои индивидуальные способности, а дружба принадлежит индивидуалистическим народам, тем, кто ценит личный, а не племенной и семейный характер; народам, не страдающим моральной ленью, обладающим инициативой и способностью стать кем-то самим по себе и стоять на своем. Единственный "провинциализм" итальянца - это, пожалуй, его подозрительность ко всем, кто не связан с ним кровными узами: авантюрный дух англосакса, колонизировавшего три континента, привел его к совершенно иной оценке опоры на своих братьев и сотрудничества с ними, а способность к подлинной дружбе вне кровных уз, возможно, всегда выступала в качестве антиварварской ноты в англосаксонской цивилизации.

У итальянцев есть еще одна ярко выраженная отличительная черта. Они более страстный, но менее сентиментальный народ, чем мы. Я полагаю, что немцы - самый сентиментальный народ Европы, а мы - следующий. Но в Италии англичанину не приписывают сентиментальности. По мнению итальянской прессы, например, у него "патриотизм фунта стерлингов". Со своей стороны я считаю итальянца наименее сентиментальным человеком в Европе; мы же, напротив, как отдельные люди, так и целые толпы, руководствуемся своей сентиментальностью. Весь британский средний класс готов завтра же начать войну, чтобы удовлетворить сентиментальность, которую латинские народы считают исключительно своей. Те, кто помнит, что прием, оказанный Гарибальди, отодвинул в тень въезд в Лондон невесты нашего будущего короля, не должны обвинять англичан в отсутствии бескорыстных чувств. Итальянцам свойственны чувства прекрасного, величественного и подходящего, но они - последний народ в мире, которого можно выбить из колеи какими-то угрызениями совести или *эланом*. С другой стороны, есть реальный смысл в том, что англичанин лишен качества, родственного латинской грациозности. Англия демонстрирует отсутствие гордости и чувств по отношению к таким зависимым территориям, как острова Ла-Манш или Ирландия, чего мы не можем найти во Франции или Италии. Она забывает, пренебрегает, не имеет хватки и не владеет воображением. Другие нации эксплуатируют свои колонии и зависимости, и британский сюзерен не напрасно взывает к защите под своим флагом, но чего-то не хватает, и поэтому получается, что иностранцам часто нравится наша справедливость, но не мы сами.

У ПОДНОЖИЯ ИСПАНСКИХ СТУПЕНЕЙ, ПЬЯЦЦА ДИ СПАНЬЯ, В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Это чувство, которое возникает в результате благородной милости к народам, в Италии проявляется и по-другому. Трогательно видеть, как сыновья несут гроб отца или матери, как мужчины всех сословий *идут пешком* за умершим; а еще латинское благосклонное отношение к дням рождения и юбилеям, латинская способность устраивать праздники, "чествовать вас", окружая вас ощущением, что вы важны на данный момент, что вокруг вас

действительно царит довольство; многообразие способов выражения чувств благочестия к очагу и благочестия к мертвым; способность легко относиться к жизни и выражать чувства должным образом.

Итальянец, хотя он и не такой "интенсивный", в сленговом смысле, как мы, и поддается меньшему количеству эмоциональных чувств, гораздо более впечатлителен. С другой стороны, он не стесняется выдать свои эмоции или рассказать о своем *возбуждении*; и англичанина удивит, если ему скажут, что, хотя итальянец так быстр в своих чувствах, что можно подумать, будто он находится в смертельной схватке с человеком на улице, которому он всего лишь рассказывает о своей неожиданной встрече с родственником из деревни, он старательно избегает сентиментальных "сцен", которые так дороги англосаксу. Горячие итальянцы говорят о "*furor francese*" - этой непревзойденной способности суммировать интеллектуальные моменты дела и исчерпывать его эмоциональные возможности в один молниеносный момент, - и это факт, что они считают французский народ гораздо более подвижным и непостоянным, чем они сами.

Как и у других латиноамериканцев, у них больше тщеславия, чем у нас, но меньше самосознания, больше простоты, и нет той *mauvaise honte*, которая выдает, что англичанин не контролирует свои эмоции. Но в лучшем англичанине есть превосходная простота, которая освобождает его от необходимости обращать внимание на *личные моменты*, которые всегда присутствуют у итальянца, независимо от того, занимается ли он общественными или частными делами. С другой стороны, итальянцы полностью свободны от французского *bête noir*, *шовинизма*. И у них есть еще одно большое моральное превосходство: в Америке каждый хвастается на свой счет; в Англии мы предпочитаем национальное хвастовство - воющий звук национальной трубы всегда охлаждает воздух вокруг англичанина. Но итальянцы не хвастаются; у них, в сущности, вообще нет причин вести себя как *парвеню*. Их скептицизм применим к себе даже в большей степени, чем к другим, и ни один народ не готов к такому самоуничижению. По их мнению, А, В и С - другие народы Земли - могут добиться того или иного, в то время как "*un italiano non è buono a niente*". Ни в чем, как мне кажется, итальянцы не могли бы добиться большего, чем в медицине, где выдающиеся традиции искусства врачевания идут рука об руку не только с интеллектуальными дарованиями народа, но и с непревзойденной тонкостью интуиции. Ни в одной стране нет лучших врачей, людей, во всеоружии владеющих наукой своей эпохи; но, как заметил один итальянец, "среди нас врач считается меньше чем никем, в то время как во Франции он занимает место научного авторитета".

Итальянец и ирландец - единственные приятные люди в Европе: чтобы найти им равных, нужно дойти до Японии. У обоих людей есть желание угодить - или это признак древнего воспитания? - самообладание, вежливое отсутствие самоутверждения, столь трудное для англичанина. Итальянец предложит вам поводы своих лошадей, а также все те привилегии и преимущества, которые английский владелец считает неотъемлемо своими. Традиционное гостеприимство холодного климата действительно нигде не проявляется так сильно, как в Англии, но нет более гостеприимного хозяина, чем итальянец, когда он принимает вас в своем доме.

Нигде нет такой добродушной и воспитанной толпы. И все же итальянцы жалуются громче, чем любой другой народ, и не обладают французской жизнерадостностью в бедах и трагедиях жизни. Кто поверит, если мы добавим, что они обладают восхитительным терпением? Англичанин делает свой отдых несчастным, возмущаясь, если опаздывает поезд, если кто-то наступает ему на пятки, если ему приходится ждать целый час, пока готовится ужин. Итальянец же воспринимает все эти вещи как часть работы или игры, и,

кроме того, находит в них свое развлечение. Это еще одно большое отличие - он заботится о жизни ради нее самой. Англичанин же заботится о ней ради какой-то цели, которую он преследует, и эта цель может быть благородной или подлой. Обладая более быстрым сочувствием и гораздо более быстрой реакцией, чем наши, они менее добродушный народ; и что же такого в итальянцах, что позволяет вам найти их всех сразу раздетыми, шкура исчезла, а сырой материал остался? Англичанину тоже будет трудно понять некую ужасающую внешность, что-то черствое и безжалостное в необразованном итальянце: корысть слишком велика, а явное отсутствие способности к самопожертвованию вне кровных уз я считаю большой моральной слабостью итальянского характера.

Мы уже поняли, что итальянец не ждет, пока ему скажут об этом другие, он сам судит о себе; у него нет иллюзий. В Англии мы любим набрасывать вуаль на наши национальные недостатки или называть их какими-нибудь красивыми именами, но итальянец любого ранга снова и снова подвергает недостатки своих качеств испытанию в горниле своей ужасной любви к реальности с ее быстрым восприятием притворства; и чтобы понять недостатки итальянцев, достаточно прочесть их собственные мастерские оценки национального характера.

РИМСКИЙ КРЕСТЬЯНИН С МЕДНЫМ КОТЕЛКОМ ДЛЯ ВОДЫ

Итальянская раса, как мне кажется, преобладает в смешанных браках. В браках между немцем и итальянцем или англичанином и итальянцем ребенок действительно разделяет некоторые умственные характеристики англичанина или тевтона, но его *личность* - это итальянская личность. Я считаю, что это преимущество латинского народа является

следствием того, что кто-то назвал "великим темпераментом" - единственным качеством, которое, мы можем быть уверены, принадлежало каждому выдающемуся человеку. Из всех великих рас люди современной Германии оставили после себя меньше всего следов. Примечательно, что случаи смешанных браков почти все связаны с тем, что женщины англо-немецкой и американской рас вступают в брак с итальянскими мужчинами; но как бы то ни было, для Италии, как и для Франции, остается верным, что "брачный союз всегда происходит в стране латинского партнера".

Итальянцы говорят: "*inglese italianizzato diavolo incarnato*", , и это также верно для американцев и, возможно, для тевтонов. Две итальянские девушки, которые провели сезон в Лондоне, рассказали мне о своих попытках подражать тому, что они называли "*lo stiff*", жесткой сдержанной манере поведения воспитанного англичанина. Похоже, они потерпели неудачу, так как не смогли приобрести "*lo stiff*" и потеряли свои собственные милые манеры. Так и с англосаксами в Италии. У нас нет их *умонченности*, умственных и темпераментных качеств, которые уравнивают их моральные недостатки; англичанин с интересом перенимает их, и его национальные достоинства сбрасываются, как одежда. Поэтому, возможно, удачно, что итальянские женщины не слишком поощряют англичан превращать себя в *воплощенных diavoli*; ведь надо признать, что английская и американская жена в Италии не подвергается такому риску: она остается собой, национальный характер не стирается, как плохая фанера, она не возмущается местной восприимчивостью, не приобретая местных достоинств, и выдающиеся женщины нашей расы на протяжении последних двухсот лет привозили в Италию свои родные достоинства, принимая итальянские дела с энтузиазмом, который не уступал даже энтузиазму самих итальянцев. В Риме английская жена генерала Ла Мармора, две Тальбот, ставшие Гвендолиной Боргезе и Марией Дориа, американская жена Гарибальди и шотландская жена триумвира Аурелио Саффи (до сих пор жива) - все они сыграли заметную итальянскую роль.

Среди латинских рас больше людей с большим темпераментом, чем среди нас; а поскольку именно "большой темперамент" нужен для создания произведений искусства, нетрудно понять, почему итальянцы артистичны, а мы нет. А итальянцы - народ художников. В Англии, где один человек из тысячи может обладать художественным темпераментом, трудно осознать острую наблюдательность, понимание техники ради нее самой, интуитивный способ оценки и группировки данных органов чувств, баланс и пропорции, подразумеваемые в расе, где каждый десятый судит как художник. Вагнер выражает в письме к Бойто свое восхищение итальянским отношением к искусству - открытостью и тонким чувством в художественных вопросах, которые заставляют его "вновь понять", после визита туда, "тот беспримерно продуктивный дух, которому новый мир обязан всем своим искусством со времен Ренессанса". Когда Эдуард VII посетил Рим, "*Таймс*" и другие английские газеты сравнили совершенную, но простую схему оформления с безвкусыными и бессмысленными транспарантами и бантами, которые Лондон наблюдает по аналогичным поводам. Любовь к красоте - греческий ужас перед уродством - настолько сильна в этом народе, что ее императивы превалируют над моральными соображениями - жалостью, деликатностью, добротой. Необразованный итальянец проявляет инстинктивное отвращение к тому, что уродливо или ужасно, и, как мы уже видели, никакой превентивный идеализм не сдерживает этот импульс.

Это важная истина, что итальянцы учатся извне и что северные народы получают извне только то, что они приносят изнутри; что у итальянцев, возможно, так же мало этического сознания, как у них есть сигнальное и постоянное эстетское сознание. Но то непрерывное видение реальности, которое отодвинуло моральное видение на второй план, подарило

Европе не то, что грубо, обнаженно и голо, а другой способ видеть, чувствовать, быть - один из великих способов человеческого выражения - искусство. Этот народ, который называют "блудным", был настолько расточителен в своих дарах, что рука, сорвавшая покров с предметов чувств, стала и рукой, одевшей их, вернув их нам с исчезнувшей грубостью, замененной новым смыслом, новым видением, выраженным навеки в более высоких терминах. Безжалостное зрение, которое видело так много и не допускало никаких иллюзий, видело и то, чего мы не видели; и, открывая нам то, что лежало за пределами нашего зрения, оно поднимало зеркало, в котором реальное смотрело на нас как идеальное.

Воображение кельта, по словам Мэтью Арнольда, "с его страстной, бурной, неукротимой реакцией против деспотизма фактов", так и не смогло создать шедевр искусства. Здесь мы имеем ключ к истине, которой уже научил нас грек, - что *интерпретация* не остается только за народами, чье зрение обращено внутрь; что когда для таких людей внешнее кажется лишенным всякого смысла, реалист может вернуть его нам с новым видением в нем.

II. Римляне.

Ни в одной европейской стране светский конфликт между расой и расой, провинцией и провинцией не был столь острым, как в Италии - лангобарды, венецианцы, тосканцы, римляне и неаполитанцы образовали не только политически, но и морально антагонистические сообщества; и Италии еще предстоит создать то моральное единство, которое является не более традицией ее прошлого, чем гражданское единство, которого она уже достигла.

Нигде, в эпоху *Рисорджименто*, этот антагонизм не ощущался так остро, как в Риме и римлянами, которые всегда делили жителей этого "географического выражения", Италии, на "римлян" и "итальянцев". И по сей день трудности морального союза подпитываются несовместимостью и ревностью "севера" и "юга". Для теплого южанина лангобарды и пьемонтцы - нация лавочников; для северянина неаполитанцы, калабрезе и сицилийцы - такие же блестящие невозможные и средневековые ирландцы.

ЧАСОВНЯ СТРАСТЕЙ В ЦЕРКВИ САН-КЛЕМЕНТЕ

Эта церковь, расположенная на улице, ведущей от Латерана к Колизею, принадлежит ирландским доминиканцам.

Посередине между ними, ни на севере, ни на юге, стоит и всегда стояла Римская: по симпатиям, склонностям и географическому положению чуть более южная, чем северная, но по историческим достижениям и традициям независимая ни от той, ни от другой. Флоренция представляет собой прекрасный цветок итальянского духа, Юг - его поэзию, Венеция и Север - его гражданское величие. Везде заметна несравненная продуктивность во всех видах

деятельности человеческого интеллекта, вся тонкость человеческого духа. Но Рим не производил. После этого единственного акта творения, римской политики, Рим был бесплоден; его функция заключалась не в создании, а в критике. Как и великая Церковь, развивавшаяся в его пределах, Рим был законодателем, критиком чужих даров, но не претендовал - если мы уступим его первоначальный дар непогрешимого магистериума - *на харизму*. И вот римлянин обладает в высшей степени даром *критерия*. Один остроумный человек - конечно, француз - сказал, что Англия - это остров, и каждый англичанин - остров; так и мы можем сказать, что Рим - арбитр мира, и каждый римлянин обладает этим острым ярким обильным даром *арбитража*.

Таким образом, Рим - это не Италия для вкуса, искусства, деликатесов чувств, для великих творений интеллекта, духа и воображения - Рим является древней хозяйкой мира; и роль, функции и влияние Рима должны рассматриваться в связи с ее даром непогрешимого критерия, мирового господства.

Современный римлянин не только живет в городе того римлянина, который дал законы известному миру, он думает его мыслями и в значительной степени живет его жизнью. Он - результат грандиозных воспоминаний о прошлом, играющих на таком темпераменте, как у него. Он живет в окружении смутных воспоминаний, понимая, что это было нечто чрезвычайно великое, что рухнуло, оставив его среди этих руин. И римлянину свойственно безразличие - он смотрит на все события с той же терпимостью, с тем же чувством, что и "прекрасный оксфордский джентльмен" Эмерсона: "Нет ничего нового, ничего истинного, и все это не имеет значения". Одна процессия проходит мимо него, чтобы почтить память Джордано Бруно, жертвы теологического фанатизма; другая - в Ватикан, чтобы воздать должное власти, сокрушившей Бруно: римлянин смотрит на оба события одними и теми же глазами, с тем же безразличным достоинством. "Римская апатия", - говорят одни; но другие называют это превосходством, римской широтой взгляда, римской свободой от мелочности и нетерпимости.

Кто же такие современные римляне? Являются ли они настоящими выжившими правителями мира? То, что с пятого века произошел огромный приток чужой крови, несомненно. Невероятное истощение римского населения в некоторые периоды восстанавливалось за счет иммиграции из других частей Италии; но римские черты в наши дни слишком хорошо выражены, чтобы мы могли предположить, что Рим когда-либо был завален иностранной примесью, или что сохранение этих черт можно объяснить только преемственностью римской цивилизации и римского *окружения*. Таким образом, современные римляне - это те же люди, что и римляне великой эпохи, но с другой стороны. Это римляне, у которых иссякла энергия, исчезла способность к самопожертвованию ради общественного блага, а вместе с ней и способность навязывать себя народам, своим собратьям. Римляне без героев и мучеников.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В РИМСКОЙ КАМПАНЬЕ

Нигде итальянский характер не проявляется в такой нетронутой форме, как в Риме, где меньше внешних влияний, ни образование, ни социальный лоск не смогли изменить черты народа, который когда-то был *буонтемпони* Европы. Жители классического Рима всегда были людьми грубоватыми, чьи героические качества формировались за счет деликатности чувств. Эта грубость ума, чувств, вкуса проявлялась во всех сферах римской жизни. В то время как афиняне смотрели

трагедии Софокла в театрах, вмещавших лишь избранную публику, римляне толпились в огромных амфитеатрах, где сто тысяч мужчин и женщин злорадствовали над страданиями разумных существ - животных или людей, без разницы; те же отвратительные "розыгрыши", как отмечает Уолтер Патер, беспристрастно раздавались и тем, и другим. Спустя столетия после того, как Афины собрались, чтобы поплодировать периодам Перикла, римские дамы отказывались от больших пальцев, чтобы насытиться зрелищем последней агонии побежденного на арене. Изысканные греческие симпозиумы превратились в Риме в варварские пиры, где гости продлевали удовольствие от стола, выbleывая уже съеденное. Суровое самоотречение, восхитительная сила преданности общественному делу, презрение к удовольствиям и жизни, *animus lucis contemptor* ранней Республики - эти качества не дошли до римлян Империи.

Римский тип

До нас дошли не только римские черты, но и римский тип. Большая круглая массивная голова римлянина до сих пор контрастирует с узкой заостренной головой тосканца. Тип женщины, которым до сих пор восхищаются, это *tipo giunonico*, тип Юноны и римской матроны - крупный, массивный и внушительный. У римлянина румяный свежий цвет лица, смуглая южная кожа встречается сравнительно редко; у него черные волосы, он плотный и склонен к ожирению. Выражение его лица спокойное и довольное, и синьор Аристид Габелли в своем очерке о Риме и римлянах советует нам заметить, что тип улучшился, что мы больше не видим жесткого, горького, угрожающего выражения бюстов в Капитолии и Ватикане, выдающиеся челюсти и скулы смягчились; и городской римлянин, во всяком случае, носит более доброжелательное и человеческое выражение, чем его классический предок. На церковной службе, среди римских крестьян - хотя, боюсь, в восьмидесятые годы этот тип встречался чаще - можно увидеть лицо, которое могло бы послужить моделью для Джова, римского поэта или философа. Это такое лицо, которое не встретишь даже среди лучших образцов нашего крестьянства. Закутанный в свой большой меховой плащ, грязный и оборванный, с глазами, которые, кажется, смотрят из души, таящей в себе все благородные стремления, наш старый крестьянин, который, конечно, не умеет ни читать, ни писать, вероятно, размышляет о том, почему Чекко отказался дать ему вино по три су за меру, или о том, не лучше ли ему было бы положить франк, который дал ему *форастьеро*, на обувь, вместо того чтобы следовать предложению Пеппе относительно лотерейных номеров. Вот так чудеса, которые старая цивилизация может подарить без всяких усилий и подготовки.

ПРОЦЕССИЯ С ХОЗЯИНОМ В СУБИАКО

Многие утверждают, что *Трастеверини* - единственные прямые потомки римлян. По легенде, Трастевере был колонизирован греками, которых привел Эней, и греко-римский тип часто можно увидеть там в абсолютном совершенстве - женщины из народа имеют классические черты лица и благородную осанку императриц. Они более крепкая раса, чем римляне по другую сторону Тибра, черные волосы женщин еще более пышные, характер более страстный и злопамятный, язык грубее, репутация женщин не такая справедливая.

Как и все итальянцы, римляне более грациозны, чем английские мужчины и женщины. Простое достоинство и изящество позы и осанки, без скованности или неловкости, позволяет легко отличить итальянца среди англичан, немцев или американцев, независимо от того, сидит он или стоит. У них маленькие латинские кости, маленькие руки и ноги; стопа, однако, более плоская, чем у нас, и все, от детей до солдат, волочат ноги по земле. Но походка настолько нетороплива, что итальянцы образуют естественную процессию, тогда как в Англии процессия достигается с большим трудом и не радует глаз, когда она достигнута. Замечали ли вы когда-нибудь жест *mesquin* - страх отпустить себя, который так тесно связан с осознанием того, что он не может сделать это изящно, - которым один заурядный англичанин прощается с другим? В Италии вы не увидите ничего подобного. Широкий римский жест - этот итальянский жест заверения, который кажется англичанину совершенно сакральным, - принадлежит каждому; и женщина из народа будет приветствовать омнибус классическим жестом, который, возможно, использовал ее предок, когда просил олимпийца Джова остановить свой удар грома.

У итальянцев латинские глаза и брови; на сайте никогда не увидишь немоделированного элементарного глаза с его взглядом *bon enfant* нашей более молодой цивилизации. От природы звонкие, голоса итальянцев во всех классах резкие и немодулированные; и нет лучшего свидетельства всеобщего невежества в Риме, чем необразованные голоса, по которым невозможно отличить принцессу от крестьянина во время молитвы. Обладание сильным

природным органом, совершенно необученным, соединяется здесь с римской любовью к шуму и гаму; в результате люди кричат друг на друга, как будто они глухие, и можно только сожалеть, что они не немые. Странно слышать глубокий басовый голос некоторых женщин, чередующийся с высоким тонким тенором многих мужчин; часто так можно перепутать пол невидимых ораторов. Глубокие женские голоса напоминают о том, что контральто и даже *контра тенора* культивируются в Италии *con amore*: с другой стороны, рабочий в поле или ваш слуга на кухне может петь высоким фальцетом, как девушка. Чего никогда не услышишь в Италии, так это аффектированных голосов, которые культивируют англичане: итальянец не "накладывает на себя руки" ни в голосе, ни в манерах, и, пожалуй, ничто так не бросается в глаза по возвращении в Англию, как нелепо аффектированные голоса мужчин.

Не существует римского диалекта в том смысле, в каком существуют венецианский, пьемонтский и неаполитанский диалекты, на которых обычно говорят все классы между собой. *Романский* язык, на котором говорит народ в Риме, - это искаженный итальянский, а не настоящий диалект. Самый чистый итальянский, как мы все знаем, звучит в Тоскане, где нет диалекта, а лучшее произношение - римское. Отсюда и пословица: "Тосканский язык в устах римлянина", *Lingua toscana in bocca romana*.

Характер римлянина

Гордость римлянина - его главная черта; она ограждает его от некоторых мелочей соседей и иногда становится идолом, которому приносят в жертву собственные интересы. Но те же люди, которые слишком горды, чтобы работать, не слишком горды, чтобы просить милостыню. Подобная гордость, действительно, встречается в Италии повсеместно, и я знал знатного итальянца с голодающей семьей, который согласился бы давать уроки "итальянской литературы", но не "итальянской грамматики". Во Франции, где существует максимальное самоуважение, этот вид гордости неизвестен. А вот римская гордость соответствует сердечным устоям, большой откровенности и искренности натуры. Римлянин, действительно, славится не только сквернословием, но и откровенностью во всех отношениях: он говорит вам все, что думает о вас, и ни в коем случае не будет скрывать своего скромного происхождения, когда станет великим человеком; он не будет настаивать на том, что его предок был графом или хотя бы бароном, как это может сделать итальянец из другой провинции. Но римская гордость - это болезнь; она требует собственных прав и не уважает ничьей свободы; она играет на руку латинскому беззаконию, и римский дух бунта терзает пап с тех пор, как Константин покинул столицу Запада. Римлянин возмущается тем, что он называет *prepotenza*, но самодисциплинированный законопослушный народ с трудом может понять глупый *prepotenza* извозчиков в Риме, большинство из которых - римляне. Римский юноша или римлянин берет себе за правило двигаться в вашем направлении, идти по тому или иному участку дороги или тротуара, и слабое чувство праведного негодования, которым он обладает, разгорается, только если вы пытаетесь ему помешать. Сатиropодобный полудетский, полужлобный культ *dispetto*, жалкое удовольствие, получаемое от намеренного причинения вам неудобств, - все это свидетельства недисциплинированной натуры, и где мы увидим столько недисциплинированных лиц, как не в Риме, хотя здесь это маскируется под справедливый *орготряд* народа, произошедшего от богов и героев. "*Non me lo dica, perchè io sono romano*" (Не говори мне этого, потому что я римлянин), - предупреждающая фраза, повторяемая из лучших побуждений, как если бы кто сказал: "Не провоцируй этого сына бога".

ДЕВУШКА, ПРОДАЮЩАЯ ПТИЦ НА ВИА ДЕЛЬ КАМПИДОЛЬО

Форум на заднем плане. Дорога указывает на старый *Clivus Capitolinus*. См. страницу [30](#).

Самая приятная черта римлянина - его искренность, а также определенное великодушие, благородство духа. У римлянина нет "иезуитства", и он не скажет за спиной то, что не смеет сказать в лицо. В отличие от других итальянцев, его грубость - наследие старого Рима - грубость духа, которая является любопытным соединением гордости за прошлое, долгого отсутствия умственного воспитания - морального качества, грубой искренности, и умственного качества, потрясающего реализма. Они также, возможно, самые добросердечные люди в Италии; а один

дорогой старый римский друг говорил, что римляне и англичане - самые добросердечные люди в мире.

В интеллектуальном отношении ни один народ в Италии не обладает большим талантом: это ключ, открывающий многие двери, чтобы сказать, что римлянин талантлив, но не культурен. Настоящей культуры нет ни в одном классе, но есть способности, не имеющие себе равных даже в этой стране природных даров. Одно исключение из общего невежества, которое существует рядом с необычайной быстротой, очень интересно: каждый римлянин - археолог; если вы не можете принять участие в археологической дискуссии, значит, вы записываете себя в невозможные невежды. В этом вопросе каждый римлянин бдителен, и я присутствовал при рытье фундамента первых домов, которые теперь ведут к Порто-Салара, и нашел мраморный рельеф, который рабочие сразу же сказали мне, что это "изнасилование Лукреции". Представьте себе каменщика в Лондоне, предлагающего подобное наблюдение! Наряду с общим невежеством в высших слоях общества широко распространена интеллектуальная апатия; многие представители римской аристократии никогда не посещали Палатин, а когда одной молодой римлянке предложили посмотреть Капитолий, она ответила: "О да, я видела его в день своей свадьбы". Часть зданий Капитолия - это ЗАГСы Рима, где в обязательном порядке заключается гражданский брак. Прогулка по *Пинчио*, которая по площади не превышает участок парка от угла Гайд-парка до Мраморной арки, удовлетворяет самые взыскательные амбиции; а суетливого иностранца, проводящего время в музеях и галереях, считают безобидным и благонамеренным сумасшедшим.

Каждый человек - продукт контрастов, но римлянин - в большей степени, чем другие люди: чтобы объяснить, не то, чем он является, а то, чем он не является, нам нужно, я думаю, только взглянуть на противоречия, на непоследовательность характера, который, по выразительному итальянскому выражению, *sconclusionato*, не приходит к заключению. Ведь римлянина, хотя он и буйный, легко провести; он одновременно упрям и обучаем; он не *фин*, но бросает страшный свет на все вещи; не будучи "*финто*" (притворным), он ставит на первое место собственные интересы. Он одновременно бесхитростен и подозрителен; к своей чрезмерной гордости он присоединяет значительную рассеянность; а язык, который болтает о своих личных делах, - это язык человека, который глубоко не доверяет своему ближнему.

Тонкий критик с детской простотой, он скептичен и суеверен, доверчив и недоверчив, видит работу оракула, но позволяет ему обманывать себя. К его равнодушию примешивается способность ставить все на карту в каком-нибудь абсурдном *punctilio*: его интерес к идеям выше, чем во многих частях Италии, его амбиции и удовольствия более материалистичны. Изменения, которые римлянин наблюдал в неизменном Риме, он встречает в себе переменчивостью и непостоянством целей, хотя концепция величественного, грандиозного, вечного всегда присутствует. Что можно сказать о народе, который способен объединить самую мелкую злобу с великодушной терпимостью?

Житель вечного города, по пословице, *campanilista*, , что можно перевести как "привязанный к деревенскому насосу"; и хотя, с другой стороны, он обладает чувством общественного приличия, которому нет равных в Европе, *беспечный* римлянин тратит время и таланты на мелкие заботы, на развлечения, которые не являются ни достойными, ни величественными, и ест и играет, чтобы показать свое недоверие к человеческим усилиям в целом, ко всем человеческим достижениям с тех несравненных дней, когда его герои ходили по земле.

Римлянин не сливается с вами, и он больше не навязывает вам себя. Он не свободен от подхалимства, а такие обычаи, как *baciata* (целование рук), говорят, происходят от того, что римляне были "хозяевами Европы" и научились зависеть от ее щедрот. Конечно, более подходящее объяснение можно найти в том аспекте католического христианства, который всегда

поощрял личные унижения и раболепие среди низшего духовенства и мирян: Но, возможно, настоящее объяснение следует искать в том, что современный римлянин - потомок империи, а не республики, а христианство, как мы знаем, легко переняло сервилизм поздней империи, с теми византийскими склонностями к деспотизму и раболепию, которые в конце концов заставили независимого римлянина возжечь фимиам перед "гением" самого позорного из цезарей.

Римляне и "итальянцы"

Говорят, что римлянин принижает вещи, что его легко презирать. Возможно, дар *критики*, вскормленный среди величия классического и христианского Рима, является плохой подготовкой для энтузиазма по поводу достопримечательностей, которые можно увидеть в чужих городах. То, что его гордость иногда не позволяет ему прибегнуть к средствам, обеспечивающим успех его "итальянского" брата, приехавшего в Рим в поисках удачи, а также его искренность и ненависть к хамству, по его мнению, являются причинами того, что, как правило, его искренне не любят другие итальянцы. У "клерикалов" другое объяснение: по их мнению, римлян ненавидят за то, что они не принимали участия в делах, которые привели к объединению Италии и вторжению в Рим. Мы можем придать значение всем этим причинам и все же понять, что римлянина не любят и по другим причинам. Его гордость, по мнению других итальянцев, слишком велика для его достижений; и когда они вошли в Рим, то обнаружили народ, лишенный тех умственных и моральных качеств, которые делают прекрасными манеры, - некоторой доли самозабвения и милосердия ума.

ВХОД В АРА КОЭЛИ СО СТОРОНЫ ФОРУМА

Вечно открытая дверь популярной францисканской церкви на Капитолийском холме, ставшей в средние века центром гражданской жизни римского народа. См. страницы [6](#), [57](#).

После того как в город вошли "итальянцы", вражда между провинциями разгорелась с новой силой. Людей с севера окрестили *бузури*, неаполитанцев - *кафони*, и по сей день двадцатитридцатилетнее проживание не избавляет незадачливого "*лесника*" и его семью от таких

эпитетов, как *бузури* и *виллани*, если они осмеливаются вступить в разговор с "римлянином из Рима". С другой стороны, "итальянцы" с интересом отвечали на эти комплименты: римляне - нелицеприятные детеныши, *maleaucati*, ленивые, невежественные - гордая тетраграмма S.P.Q.R. неаполитанцы выдавали *Sono Porci Questi Romani* "эти римляне - свиньи"; а римлянин, найдя в неаполитанце человека еще более грязного, чем он сам, отвечал, что "небо неаполитанцев прекрасно, и оно чисто, потому что они не могут до него добраться" ("Il cielo di Napoli è bello, ed è pulito, perchè non arrivano a sporcarlo").

В то же время неоспоримым фактом является то, что итальянцы, живущие среди римлян, предпочитают их другим своим соотечественникам; и я слышал, как это предпочтение выражали такие далекие друг от друга люди, как образованный пьемонтец и необразованный калабрезе. Возможно, они учатся у римлян терпимости, малости малых вещей и величию великих. Возможно, они понимают, что римлянин с восхитительным терпением и обучаемостью усваивает новые уроки, которые перед ним ставят. Выброшенный из легких обстоятельств в водоворот борющейся жизни новой столицы - обложенный налогами и недокормленный - он страдал не меньше новоприбывших за политические перемены, которых требовал не так громко, как они; и его заслуга в том, что революция в Риме произошла без кровопролития, без насилия, без излишнего ожесточения, и что элемент преступности и беззакония не был привнесен им самим. Римлянин не герой и не святой, но и не *каморрист* и не *мафиози*, как жители Юга, и не *теппист*^[5], как жители Севера.

Римские обычаи и римская сатира

Обычаи римлян запечатлены неподражаемым искусством Пинелли, образ мыслей и чувств - Белли в его сонетах и в современных сонетах Паскареллы. Здесь сатира, цинизм, грубый интеллект, невежество, корысть встречаются нас в каждой картине.

Ничто и никто не ускользает от римской сатиры, которая все превращает в насмешку и бурлеск. С конца XV века торс, названный в честь портного Пасквино, и статуя Марфорио поддерживали огонь остроумия и насмешек. Когда папа Сикст V, имевший самое скромное происхождение, сделал своих сестер графинями, Пасквин появился в грязной рубашке. На вопрос Марфорио о причине, он ответил на следующий день: "*Perchè la mia lavandaia è diventata contessa*", "Потому что моя прачка стала графиней". Пий VI обвесил Рим надписями о своей "щедрости"; когда хлеб стал дорогим, Пасквин воспользовался случаем, чтобы выставить крошечную буханку с легендой о *щедрости Pii Sexti*; а когда умер Урбан VIII, следующая эпитафия, ссылающаяся на пчел на его гербе, зафиксировала его семейственность:

Как хорошо он кормил своих пчел
Как плохо он кормил своих овец.

Все это совсем не похоже на представления некоторых католиков, которые кричат "возмутительно" при малейшей критике и считают шутки Пасквино и Марфорио достаточными для того, чтобы держать Папу в Ватикане в качестве узника. Папы думали иначе; они сохраняли лицо, какое могли, под жгучей сатирой римлян.

Пасквин уступил место *капо-комико* Кассандрино, который приводил в восторг все классы Рима в Палаццо Фиано на Корсо, когда итальянцы ворвались на сцену.

Следует помнить, что римлянин никогда не соглашался на подневольные занятия; он выбирал те отрасли, которые не требовали ни завода, ни капитала, но при этом оставляли его независимым - например, изготовление римского жемчуга и мозаики, часовое дело, любимые ремесла мясника, кожевника и извозчика или речные профессии рыбака, лодочника, и носильщика на пристани.

Самыми живописными из его развлечений были танцы, мандолина, лютня, песни и серенады, а также импровизации, которыми он всегда славился. До сих пор можно увидеть, как в мае на "испанских ступенях" танцуют *тарантеллу* модели художников, одетые в старинный римский костюм, сохранившийся до наполеоновских времен: полуиспанское платье у девушек и короткая бархатная куртка, шляпа с перьями и бриджи до колен у юношей.

Когда была построена римская железная дорога, все происходило по-настоящему по-домашнему: поезд, который должен был отправиться в 10.30, все еще стоял на станции в 11. Когда он наконец отправлялся в путь, его могли вернуть обратно, чтобы посадить двух крестьян, которые сели не в тот поезд. Если вы раздражались и переживали, вам советовали вспомнить, сколько времени заняла бы поездка до появления железных дорог. У римлянина и тогда, и сейчас не было чувства времени - меньше всего он усвоил пословицу, которая, как он полагает, всегда на устах у наших соотечественников: "*Время - деньги*". Если спросить римлянина о часе мессы, он ответит: "Около десяти, или полдесятого, или одиннадцать - примерно так". Владелец магазина, официант в кафе не обращают на вас никакого внимания, когда вы входите в его помещение; он спокойно продолжает читать свою газету или докуривать сигару и только удивляется, что, по вашему мнению, может существовать какая-то достаточно срочная причина, чтобы помешать вам в этом занятии. Время римлянина вечно, как и его город, и один из уроков, который ему еще предстоит усвоить, - его ценность не только для зарабатывания денег. Никто не отвечает на письма; ваш адвокат или банкир считают себя столь же обязанными удовлетворить ваше любопытство относительно судьбы вашего чека или вашего бизнеса, как мясник и пекарь. Римлянин учится в моральном плане, но остается настолько тупым в материальном, что это служит вечной иллюстрацией его репутации твердолобого человека, который "вбил себе в голову колонну Траяна" и отказывается сдвинуться с места, как мул. Римлян действительно преследует прошлое, и они, возможно, являются тем народом Европы, который меньше всего ориентируется в настоящем.

В ЦЕРКВИ АРА КОЭЛИ

См. стр. 57, 230-31 и интерлисты, стр. 138.

Именно в их фольклоре, в народных рифмах и сказках, в обычаях и развлечениях мы осознаем, что никакая преданность или почтение не могут существовать рядом с этой страстью к обнажению; и понимаем грубость, которая подстерегает широко раскрытые глаза римлянина, беспристрастную и грубую, потому что она является результатом того, что Рикасоли назвал "настоящей бедностью бедных" - моральной бедностью. Римлянин идет посмотреть на танцоров на канате и описывает, какое это было для него удовольствие:

Прежде всего, это великое удовольствие от высоты,
Ибо если кто из них упадет,
Ничто в мире не спасет его.

Он идет на спектакль. Таково его впечатление от трагедии:

Последний акт, когда он убивает себя и ее.
Я могу сказать вам, что это было просто восхитительно.
(*M' ha proprio soddisfatto*).

Или возьмем его краткое изложение проблем, с которыми сталкивается жизнь:

...a sto paese tutto er busilli
Sta ner magnà allo scrocco e ddì orazione.

"Вся трудность в этой жизни заключается в том, как поесть, не заплатив за это, и чтобы молитвы были произнесены".

Но сцена может измениться, и тот же римлянин будет призван выйти на кампанию вместе с благотельным братством "Охрана и смерть" в поисках тела какой-нибудь жертвы насилия. Его находят *pancia all' aria* и возвращают семье; но среди пристального наблюдения за всем происходящим, за ситуацией нет ни одного жалостливого или великодушного чувства; сцены не представляют ничего интересного, кроме верной грубой записи чисто внешних впечатлений. И все же эти люди шли по тяжелым дорогам, вверх и вниз, спотыкаясь и борясь в темной ночи, чтобы совершить акт жалости, который, по-видимому, так мало их учит.

Трагедия, комедия, похороны, свадьба, визит к умершему, опасная игра, случайное убийство - все эти вещи попадают под одно и то же ясное, грубое, неосмысленное, нелюбящее наблюдение людей, которые считают, достаточно мудро, что "L'occhi so' fatti pe' guardà" - глаза созданы для того, чтобы смотреть, но которые так же мало заботятся о том, как они смотрят, как и о том, что они выбирают, на что должны смотреть.

"*Che bella giornata; che peccato che non s' impicchi nessuno*" - традиционное поздравление с прекрасным днем, повторяемое даже сейчас с современным юмористическим чувством его жестокости. "Какой прекрасный день! Как жаль, что никого не повесят!". А любовь римлянина к отвлечению и шуму не угасает и тогда, когда он ложится спать. До 1870 года серенады будили и очаровывали спящий город; но римлянин, который, как полагают, был "убит между полицейским и чиновничьей волокитой", до сих пор напоминает нам, что он не так уж и мертв, или что *стража* "*non s' è fatto viva*", потому что теперь он с ревом носится по улицам в ранние часы ночи, доставляя себе удовольствие беспокоить вас - вид отдыха, которому даже полиция слишком сочувствует, чтобы вмешиваться. Ведь римлянин терпим к беззаконию других людей, но не уважает их свободу.

Кольтело и преступность

Как и в случае с детьми, которые не умеют "играть в игру", его азартные игры перерастают в ссоры и убийства. Ужасная привычка носить с собой в кармане брюк или в рукаве то, что римляне называют "орудием", дает им готовое средство превратить горячую кровь в горячий поступок. *Coltello* был, да и сейчас иногда остается, любимым подарком девушки своему возлюбленному: если он использовал его со смертельным эффектом, то в ее глазах это необходимый признак доблести, а если он всегда наготове, то в его глазах это желанное свидетельство силы для утверждения своей мужественности. Итальянское преступление совершается в горячке; внезапная ярость или "любовь" служат мотивом, и здесь очень мало преднамеренного хладнокровного преступления, пример которого Диккенс дает нам в деталях убийства Нэнси в "*Оливере Твисте*". Однако самые страшные преступления, связанные с насилием, совершаются из мотивов, которые настолько тщетны, что кажутся невероятными, когда они отражаются в каком-нибудь ужасном убийстве. Достаточно не согласиться с товарищем, выторговать у него литр вина, отказаться противостоять полиции, чтобы оказаться на пути к *Сант-Антонио* или *Консоляционе* с тремя дюймовыми стали в животе, а нередко и в спине. Примитивная, ужасная, детская, варварская, эта любовь к крови, эта способность "видеть красное" в ссоре, сделала итальянца браво Европы, а общее количество итальянских убийств на сегодняшний день превышает количество убийств в Англии, Германии, Бельгии, Франции и Австрии вместе взятых. Девяносто пять убийств на каждый миллион населения контрастируют в Италии с шестью на каждый миллион в Англии. Во времена венецианского папы Климента XIII, в середине восемнадцатого века, доля убийств в Риме была в двадцать пять раз выше этого показателя.

Является ли итальянец более жестоким, более грубым, более бесцеремонным, чем его собратья? На первые два вопроса я должен ответить "нет", на последний - "да". Жестокость Французской революции, грубая жестокость Англии вплоть до только что прошедшего столетия, ужасы, недавно открывшиеся в немецкой армии, ни в коем случае не нашли бы себе аналога в Италии. Но итальянец - римлянин - беспутен, он эгоист, который удовлетворяет свои порывы, совершенно не считаясь с другими людьми и другими интересами. Он беспечен, потому что ему не хватает чувства личной ответственности; беспечен, потому что он ведет жизнь и управляет государством, не заботясь о справедливости. Итальянец - дитя природы, сочетание двух своих собственных концепций - безответственной грации "фавна" и животности "сатира"; недисциплинированное существо, живущее в условиях современной цивилизации. Но хотя итальянцы - народ витальный, народ, настороженный на стороне инстинктов самозащиты и эгоизма витального темперамента, они не бесчеловечный народ: у них в избытке образное сочувствие, которое наставляет и смягчает, и если им не хватает чувства справедливости, то в некоторых отношениях они более милосердны, чем мы.

ДВЕРНОЙ ПРОЕМ МОНАСТЫРЯ СВ. БЕНЕДИКТА (САГРО СПЕКО) В СУБИАКО
См. интерлисты, страницы [82](#) и [86](#).

Никто не может понять нрав итальянца в любой части полуострова, если не ценит в нем определенную мягкость - то, что выражается в итальянской *mitezza*, но не в нашей английской *кротости*, - которая предохраняет его от излишеств, от которых другие народы не свободны.

Древние римляне не могли похвастаться подобными чувствами; от того жестокого периода до нас дошла одна история человечности - человечности собаки; сострадания, проявленного собакой к одной из групп жертв, казненных в соседней Мамертинской тюрьме и бессердечно выброшенных на ступени магистрали цивилизации - Римского форума. Но как население римляне современного города не жестоки.

Если вы посмотрите на римлянина, наблюдающего за публичными пытками заключенных в первой половине прошлого века, то вкратце узнаете о его безответственности, о его бескомпромиссном отношении ко всем подобным вещам. Он визжит от восторга, глядя на мучения жертв, но будет кричать от удовольствия, если кому-то из них удастся совершить побег. Мало что было сделано для воспитания духа невежественного римлянина, но мало где можно увидеть такие сцены отвратительной жестокости к животным, как в Неаполе и Флоренции; и лучшие представители населения не должны бояться конкурентов в человеческих и милосердных чувствах. Страна нуждается в том, чтобы эти лучшие чувства имели силу общественного мнения - цивилизующего фактора, который пока полностью отсутствует в Италии. Ни одна сила в стране не помогает итальянцу обрести ту "самоотверженность", отсутствие которой заметила в нем миссис Баррет Браунинг. Нигде в Европе нет такого бездушия к человеческой жизни; [6] нигде в Европе, пишет просвещенный итальянский священник, нет такой жестокости к животным, как здесь; Но люди настолько не привыкли к этой лучшей форме морального воспитания - моральному убеждению - постепенному цивилизованию духа, что они не способны сложить два и два вместе и все еще настаивают на невежественном аргументе, что если вы прививаете гуманность к животным, в то время как так много нужно сделать для людей, вы каким-то образом обижаете последних; они предполагают, что, пиная собаку, вы каким-то образом помогаете ребенку. Остается надеяться, что тезис процитированного выше священника о том, что защита животных - это реальное средство воспитания, может быть смело принят лучшим духовенством теперь, когда Лев XIII. назвал такую защиту *altamente umano e cristiano*. Посетителей возмущают отвратительные жестокости, которые первыми практикуют даже дети в Италии, и никакая софистика не заставит их поверить, что такое поведение прилично высшим животным. То, что светская Италия будет вынуждена взяться за эту тему, несомненно, и можно надеяться, что тогда духовенство вернется к более простому стихийному религиозному чувству страны, омраченному схоластическими догмами, которое дало святого покровителя низшему творению и которое до сих пор помещает в каждом хлеву и скотомогильнике Умбрии изображение "Святого Антония, защитника животных".

Закон и справедливость

Те, кто знает, что такое испытывать "праведное негодование", должны страдать в стране, где справедливость не понимают и не ценят. Итальянцы все еще умеют создавать законы, и законодательство здесь опережает не только настроения в стране, но и законы большинства европейских народов - но они забыли, как ими управлять. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время итальянские трибуналы существуют ради преступника; всегда находятся абсурдные "смягчающие обстоятельства", которые вряд ли можно принимать всерьез, и, как заявил в Сенате один выдающийся итальянец, виновный здесь действительно должен быть несчастным негодяем (*un povero disgraziato*), если ему не удастся избежать осуждения. Вместо неумолимого наказания, которое только и может быть в стране, где беззаконие имеет законные права и где не существует смертной казни, здесь царит приятная неопределенность в отношении всех наказаний. С плохим чувством юмора, столь же заметным, как и с плохим чувством справедливости, судейская коллегия спокойно заслушивает череду лжесвидетелей, вульгарных лжесвидетелей, простых актеров, которые появляются с гидрами на голове в поддержку каждого злодея или плута, будь то убийство или дело на два франка.

Террор, осуществляемый ножом и *вендеттой*, заставил римлянина на долгие века замкнуться в себе; если убийство происходит среди бела дня или в темноте, не имеет значения - никто этого не видит; *стража* прибывает из-за угла вовремя, чтобы провести "юридические проверки", как только злодеяние благополучно завершено, и если жертва вскрикнула первой, ни он, ни кто-либо другой этого не услышат. Желание жить в мире, ничего не видя, не слыша, не наживая врагов, охватило целый народ, в результате чего защищенный человек становится злоумышленником. Чем более дерзким он будет, чем больше он будет действовать в городе на *манер* разбойника, тем успешнее он будет уклоняться от закона, получая поддержку в виде молчания или ложного свидетельства всех, кто с ним сталкивается. Люди, пишет Аристид Габелли, "ищут молчанием и маскировкой свою собственную безопасность, а не общественную безопасность на свой страх и риск". Следствием этого, разумеется, является отказ от сотрудничества с законом. Римлянин, действительно, чувствует себя униженным необходимостью обращаться к нему за помощью; правительство и закон ему отвратительны, и он называет первое "*questo porco di governo*" - если вы не можете защитить себя, альтернативой является не рука закона, а остановка у себя дома.

Полицейская служба Рима состоит из трех подразделений: карабинеров, которые охотятся парами, в треугольных шляпах, плащах и со шпагами; муниципальной стражи, которая носит петушиную шляпу с петушиными перьями в праздничные дни и черную форму, подкрашенную оранжевым; *Guardie di Pubblica Sicurezza*, в черном с голубым, и *капоте*. Этих последних, называемых *квестурины*, поскольку они зависят *от квестуры*, недолюбливают все римляне, называя их "*avanzi di galera*", тюремщиками и убийцами. На самом деле в корпус трудно найти людей гражданского состояния; такая работа крайне неприятна римлянину, а принцип, по которому, как он полагает, действует *губернатор*, - "поймай вора, чтобы поймать вора".

ЧАСОВНЯ СВЯТОГО ЛОРЕНЦО ЛОРИКАТО ПРИ ЦЕРКВИ СВЯТОГО БЕНЕДИКТА, СУБИАКО
См. [интерлисты](#), стр. 86.

Криспи пытался создать единую полицию для города; в настоящее время, если вы обращаетесь в *guardia di P.S.*, ваше дело обязательно касается отсутствующей муниципальной стражи, а карабинеры только и делают, что поддерживают друг друга в нелегком деле - стоят на углах улиц и наблюдают за глупостями людей, преступников и жертв.^[7] Муниципальной страже - народной дружине, называемой *пиццардони*, - доверено поддержание приличий и порядка в городе, и в процессе выполнения этой задачи они часто испытывают на себе гнев своих сограждан. Все вопросы, не связанные с муниципальным законодательством, относятся к компетенции

государственной полиции, которая арестовывает воров и занимается уголовными делами. Солдаты тоже определенные гражданские обязанности; их часто привлекают к работе в качестве полицейских, зовут на помощь, если рушится дом, формируют *оцепление* в случае пожара, а при определенных обстоятельствах могут арестовать преступника.

Солдаты составляют самую респектабельную и единственную дисциплинированную часть мужского населения в таком городе, как Рим. Часто можно видеть батальоны мужчин со всех итальянских провинций, молодых людей двадцати лет, только что поступивших в армию, и среди них редко можно встретить порочное лицо. Ведь это сыновья матерей, и они очень выгодно отличаются от наших "томичей". То же самое нельзя сказать о других молодых людях, заполонивших город. Возможно, семь десятых преступлений совершается подростками и молодыми людьми; я слышал, как один сенатор заявил, что в тюрьмах есть мальчики двенадцати лет, которые уже являются *perfetti criminali*; и, конечно, нигде в Европе мальчики и подростки не проходят более серьезную подготовку. Однако самым ужасающим явлением является существование деградирующего типа всех и каждого возраста, обычно принадлежащего к прилично одетым классам, чьи нарушения приличий были описаны итальянцем в римской газете как "достаточные, чтобы вызвать тошноту у самого грубого штурмана". По мнению некоторых старых римлян, эти действия являются одним из результатов французской оккупации, но такое объяснение явлений, которые не встречаются больше нигде в Европе или за ее пределами, следует принимать со всей осторожностью. Подобные тюремщики безнаказанно пристают к женщинам; и *amor proprio* гнусной натуры просыпается как раз вовремя, чтобы обрушить на них еще большее негодование, когда эти приставания вызывают негодование. Женщин всегда толкали на римских улицах, а поскольку итальянские дамы только сейчас начинают ходить без сопровождения, иностранные гости несут на себе основную тяжесть все еще популярной практики не двигаться по узким тротуарам, а оставлять даму в канаве. Такое поведение мужчин по отношению к женщинам странно контрастирует с вежливостью, которую так часто проявляют даже к нищим; и женщина из народа, служанка или портье, предложит нищему, который прерывает ваш разговор, прекратить его, такими фразами, как: "Отойдите немного в сторону; сделайте мне это удовольствие".

Ухаживание и брак

Для многих, несомненно, будет удивительно услышать, что ухаживание в Италии - дело прозаическое. Страсти здесь хватает с избытком, но трагический элемент появляется не каждый день, и тогда никакие сантименты не мешают делу. После того как отработан первый *этикет* ситуации и написаны письма с клятвенными заверениями, что у вас есть *il paradiso nel cuor*, которые крестьянская невеста должным образом сбрасывает со счетов, все идет достаточно гладко. Молодой слуга из Абрुццы - самого экономного населения Италии - с восторгом рассказывал своей госпоже о достоинствах предложенной ему невесты, что завершилось следующим: "Signorina mia, è piena di biancheria" - "она полна домашнего белья".

В отношениях с мужчинами все итальянки отличаются большим достоинством, чем англичанки. Итальянка обладает благородной сдержанностью, способностью к самозащите, которая навязывает себя любовнику и мужу. Она не привыкла, как мы в наше время, ходить за границу без сопровождения, и нет сомнений, что здесь англичанка демонстрирует самоуважение, которое повсеместно признается как право на все уважение, которое она испытывает к себе. Я говорю об отношении итальянки к мужчине, с которым она помолвлена или замужем, в сравнении с англичанкой. Первая не будет служить своему мужу так, как английская или немецкая *фрау*; и до замужества она не будет стремиться удержать мужчину любой ценой, как это делает английская девушка из класса слуг. Здесь итальянское самоуважение сильнее английского. Римская женщина из низшего класса обычно демонстрирует это личное достоинство и сдержанность на улицах; и

нигде в Риме вы не увидите таких сцен, какие можно наблюдать в любой банковский праздник на побережье в Англии, в субботу вечером в Лондоне или в провинциальных городках после наступления темноты среди мужчин и женщин из низшего среднего класса.

Итальянка любой ценой избежит скандала для себя и своих близких; она пойдет на любые лишения и потери, чтобы достичь этого, чтобы скрыть свои проблемы от глаз любопытного мира. В ней нет ни капли той душевной пошлости, которая в наше время получила распространение среди англосаксонских народов и которая спешит постирать грязное белье на публике. Это одна из причин, почему развод так неприятен в Италии, и особенно женщинам, которые готовы страдать по отдельности, чтобы связать мужчину узами брака, сохранить семью и ее честь, а не наслаждаться личной свободой, которую подразумевают более слабые узы.

СТУПЕНИ ЦЕРКВИ ДОМИНИКАНСКИХ МОНАХИНЬ СС. ДОМЕНИКО И СИСТО

Эта церковь и церковь Санта-Катерина-да-Сиена образуют доминиканский уголок Рима на отроге Квиринала. На заднем плане виден сад дворца Альдобрандини. См. стр. [6](#), [171](#).

Традиционной чертой римлянина является то, что он всегда предоставлял женщинам более справедливую долю жизни, чем другие итальянцы. С того самого дня, когда Ромул назвал римских *курий* по имени тридцати сабинянок, бросившихся в бой за римлян, и наделил их особыми привилегиями, римская женщина играла достойную роль в жизни города. Как жрицы весталки

обладали привилегиями, которые не разделял никто, кроме императора; а идея римской матроны, жены, не находящейся "в руках" своего мужа, была римским вкладом в социальную этику за две тысячи лет до того, как эта идея пришла в голову англичанам. Нет ничего, что античность передала нам более достойного, чем сидящие женские фигуры в римских музеях. Эти взгляды на женщин прекратились, естественно, когда Рим, который был величайшим политическим городом, стал величайшим клерикальным городом в мире; но римская традиция была продолжена в итальянских университетах за пределами Рима, которые принимали женщин за пятьсот лет до того, как им было позволено разделить преимущества тех колледжей Кембриджа и Оксфорда, которые их деньги и влияние сделали так много, чтобы наделить их.

Однако женщины в Риме по-прежнему пользуются "почти неограниченной свободой". Римский мужчина делит свои развлечения с женой, и издевательства над женой, которые являются таким чумным пятном в жизни простого народа в Англии, не входят в их число. Английская справедливость по отношению к женщинам - это, действительно, лишь вопрос класса; она никогда не проникала в низшие слои, и в английском среднем, как и в английском низшем классе, мужчины по-прежнему остаются "властелинами творения". Эти супружеские отношения на самом деле остаются оплотом определенной грубости, в которой никто не может отказать англичанину, и которая зафиксирована в твердом мнении итальянца, что английские жены покупаются и продаются на открытом рынке. Однако в других частях Италии, в Калабрии и Абруцци (даже Пьемонт отличается отсутствием галантности), жена рассматривается просто как скот, и жестокий муж направляет свой удар на лицо жены, чтобы соседи могли узнать *il segno del marito*. Достаточное объяснение *è suo* (это его собственное) - то же самое, которое вам дадут, если юноша будет жестоко обращаться с собакой; и в обоих случаях моральные качества аргумента настолько низменны, насколько это вообще возможно.

В социальном отношении таланты римлян не выше наших. Итальянский народ не обладает теми социальными дарами, которые являются *привилегией* его латинского соседа. На общество древнего Рима был наложен клерикальный Рим - город, где пол, который создает общество, был нигде, где *pezzo grosso* в каждой гостиной был римский кардинал, а не великая дама; и можно не сомневаться, что это не оказало цивилизующего влияния на римлянина. Но в природных дарах расположения итальянец значительно превосходит нас; и ни одно английское собрание не может приблизиться к тому очарованию, которое итальянцы придают вечеринке *на свежем воздухе*, импровизированному *празднику*, часто включающему большую смесь классов, когда простота, неизменный добрый юмор и успешные попытки угодить служат уроком для англичанина. Собираясь вместе, итальянцы устраивают естественный *праздник*, как во время прогулки они устраивают естественную процессию - нечто изящное и бессознательное, абсолютно простое, не лишенное величественности.

Римляне и искусство

История искусства Рима так же отличается от истории искусства остальной Италии, как и его социальная, религиозная или политическая история. Мы тщетно ищем в Риме первоклассную картину, первоклассную поэму, даже - за исключением Палестрины - первоклассного композитора.^[8] Роковое средство, которое мешает всем итальянцам, которые могут достичь с небольшим трудом того, чего добиваются менее одаренные народы, встречается в римлянинах ту любопытную неокончателность, ту странную универсальную стерильность, которая начинается с самого характера. Тем не менее римлянин не преминул дать нам то, что входит в его функции, - он всегда был критиком высокого искусства; все великие вещи представляли перед ним, и во всем он был неподкупным судьей, редко обманывал, используя все имеющиеся в его распоряжении силы *изящества*, насмешки, сатиры и тонкого суждения, чтобы поднять или создать стандарт прекрасной работы. Если и есть искусство, о котором можно сказать, что оно не только является

даром Италии, но и осталось итальянским, так это пение; и здесь римлянин держится в первых рядах и как критик, и как исполнитель. Итальянец действительно *любит голос* - англичанин любит сентиментальную передачу темы; и критерий вокального звучания, которым обладает итальянец, он находит, возможно, в своем собственном горле. "Горло и грудь римлян, должно быть, каким-то особым образом устроены иначе, чем у других людей", - писал Уолтер Патер; и звонкие голоса итальянцев могут быть обусловлены отсутствием выступающего немецкого и английского подбородка, который захватывает и заглушает так много наших вокальных тонов.

У классического римлянина не было вкуса: сегодня мы удивляемся, что римлянин, ослепленный богатым мрамором, принял решение использовать в декоре расписные колонны; но он сделал то же самое в доме Германика на Палатине. То, что существует различие между вкусом и художественной чувствительностью, не подлежит сомнению, и столь же верно, что первое часто принимают за второе. Тема интересная, но здесь мы можем лишь зафиксировать два факта: то, что римлянин на протяжении веков был чувствителен к художественным впечатлениям и прекрасно разбирался в искусстве, и то, что он никогда не обладал даром определенной утонченности чувств и вкуса.

После всего, что было сказано о римлянах, с грустью приходится констатировать, что скоро будет трудно найти настоящие римские семьи. Старый "*римлянин из Рима*" - человек, чьи предки, как и он сам, родились *all' ombra del Cupolone*, под сенью большого купола, - исчезает, уступая место более успешным, более трудолюбивым и более симпатичным людям, сохраняющим до последнего момента своей жизни те привычки и обычаи, которые заставляют его и его дом напоминать современному итальянцу Ноя и его ковчег; но и усваивает до последнего часа своей жизни новые идеи, такие, какие, должно быть, волновали патриарха и его семью, когда воды отступили, оставив его и ковчег сухими на Арарате, и дочери человеческие начали плести свои сети вокруг сынов Божьих.

ПОРТА САН ПАОЛО

Ворота в Аврелиевой стене, перестроенной Белизарием. Это ворота Остийского пути, ведущие к

базилике Святого Павла - одной из семи великих паломнических церквей, покровителями которой были английские короли.

ГЛАВА VIII

РИМСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ СЕМЬИ

Быть патрицием Рима - значит обладать одним из самых гордых титулов, и от сенатора древнего города до князя наших дней аристократия Рима была одним из его самых жизненно важных и характерных институтов.

Хотя римский кардинал, как князь церкви, всегда допускался, независимо от его происхождения, в пределы королевства, римская аристократия, за редчайшими исключениями, никогда не пополняла свои ряды новичками, обязанными своим приливом приобретенному богатству или успешной общественной жизни, но, консервативная и исключительная, хранит традиции прошлого и образует общество, не похожее ни на одно другое в Европе.

Большинство княжеских семей, чьи имена знакомы каждому, кто побывал в Риме, связывают себя с городом с XV века и далее, когда папы перестали избираться из числа римлян и выросла новая аристократия, порожденная сменявшимися друг друга понтификами, которые, будучи сами царствующими, но не наследственными государями, желали возвести своих родственников в ранг, уступающий только их собственному.

Другие ведут свою родословную от какого-нибудь средневекового вождя или имеют феодальное происхождение, и только они являются коренными жителями города и его окрестностей, и их история неразрывно вплетена в летопись прошлого Рима. На протяжении многих мрачных веков, в варварский период кровопролития, преступлений и жестокости, история Рима была такой, какой ее делали великие вельможи; а они, в свою очередь, поднимались к славе и власти или погружались в забвение, не оставляя никаких следов или лишь самые скудные записи о своей судьбе. Великая средневековая семья Конти, графы Сегни, чей род подарил Риму четырех пап, среди которых был великий Иннокентий III, исчезла из истории, оставив в качестве великолепного памятника своему величию огромную башню, носящую их имя.

В двенадцатом веке сабиняне Савелли и евреи Пьерлеони были великими и выдающимися. Улицы и пьяццы, названные их именами, в районе возле многолюдной маленькой площади Монтанара свидетельствуют об их значимости. Савелли жили в замке на Виа ди Монсеррато. Впоследствии он был превращен в тюрьму, *Corte Savella*, и здесь некоторое время содержались несчастная Беатриче Ченчи и ее сообщники. Савелли и Пьерлеони последовательно занимали крепость, возведенную в древних стенах театра Марцелла, и стоявший против нее укрепленный дворец, ныне принадлежащий Орсини. Один из пап Савелли, Гонорий IV, построил себе замок на Авентине, а в какой-то период весь холм был укреплен, и древний храм *Либертас* на его вершине был превращен в цитадель. Эти огромные здания разрушились, и единственными памятниками, свидетельствующими о былом величии этой семьи, остались гробницы папы Гонория, его отца и матери, а также других Савеллиев в их часовне в церкви Ара Коэли на Капитолии.

Пьерлеони, богатый и плодовитый род, потомки ученого еврея, обращенного во времена папы Льва IX, занимали важные посты и заключали союзы с великими домами Рима, а в 1130 году член этой еврейской семьи был избран и несколько лет царствовал в Ватикане как антипапа Анаклет - событие, не имеющее аналогов в истории. После XIII века это имя также исчезает из исторических записей, и о нем больше ничего не слышно.

Древний консульский род Франджипани оставил Риму несколько прекрасных памятников в церкви Сан-Марчелло на Корсо, и это имя до сих пор носит маркиз в Удине, но их больше не причисляют к княжеским домам. Свое прозвище *хлебопашцев* они получили за то, что раздавали хлеб во время сильного голода, но в средние века их имя означало скорее ужас, чем благодеяние. Они были силой, с которой нелегко было считаться. Большие союзники папской партии, они не раз давали убежище беглым папам в своей мощной *башне Turris Cartularia*, руины которой до сих пор можно увидеть возле церкви Святого Григория. В XIII веке эта башня попала в руки империалистов и была полностью разрушена вместе со всеми архивами, которые хранились в ней для безопасности. Она была форпостом в цепи укреплений, которыми Франджипани и их союзники Корси обнесли большую часть города. Их главная крепость была построена среди руин Палатина, а фланговые башни возвышались над Колизеем и триумфальными арками Константина, Тита и Януса. С этой господствующей позиции они могли выходить на поле боя или бросаться на своих врагов в городе во главе сотен вооруженных сторонников. Другая средневековая семья, Ангильяры, слилась с Орсини, оставив одинокую башню в Трастевере в память о некогда великом и могущественном роде.

КОЛИЗЕЙ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Но из всех феодальных князей Рима никто не играл столь заметной роли, как Орсини и Колонна, и не только в истории собственного города, ведь их имена были известны во всей Европе на протяжении многих веков. Эти два великих семейства были наследственными врагами и принадлежали к соперничающим группировкам. Колонна были гибеллинами,

империалистами, Орсини - гвельфами, сторонниками папства, и когда они не сражались в поддержку своих политических партий, то занимались частной враждой на свой собственный счет. В то время как в других городах Италии феодальная тирания постепенно уступала место более просвещенному правительству независимых республик, Рим был слишком слаб, чтобы бороться со своими угнетателями. Опустошенный и игнорируемый в течение почти столетия своими законными государями - папами, в лучшем случае управляемый колеблющимся и беспорядочным правительством, город лежал на милости своих великих баронов, которые презирали все законы и власть, утверждали и поддерживали свою полную личную независимость острием меча, а ряды их прислужников пополнялись бандитами и головорезами, которым они давали убежище в обмен на военную службу. Великий и процветающий Рим превратился в маленький заброшенный городок на пустыре, окруженный древними стенами, слишком большими для города, который они защищали. Амфитеатры, мавзолеи римских императоров, храмы, театры были превращены в крепости. Те церкви, которые не были укреплены, разрушались, и повсюду возвышались башни с петлями, с которых вельможи могли бросать друг другу вызовы и с которых открывались входы на темные грязные и извилистые улицы. Через частые промежутки времени унылую апатию горожан грубо нарушал призыв к оружию, и под звуки хриплых боевых кличей, лязг оружия о стальные корсеты и шлемы и взмахи знамен с враждующими гибеллинами и гвельфами - орлом и ключом - в город прибывали отряды Орсини и Колонны. Отряды Орсини и Колонна с боем пронеслись по узким улицам и пустырям города, отступали и снова вступали в бой, пока с наступлением темноты не скрывались за решетчатыми воротами, оставляя на улицах своих мертвецов, как падаль.

Эти две семьи поделили между собой большую часть Рима. Орсини владели Марсовым полем и Ватиканским районом из своей крепости в руинах театра Помпея и замка на Монте Джордано. Сейчас это дворец Габриэлли, сохранивший порткуллис и многое из своего средневекового облика. Тор ди Нона и Тор Сангинья были фланговыми башнями крепости Орсини. Квиринальский холм занимали Колонна, их большой замок стоял почти на том же месте, что и их нынешнее палаццо, а в мавзолее Августа у реки у них имелась выносная крепость.

Время от времени между двумя семьями заключалось перемирие, чтобы они могли объединиться против общего врага, и на какое-то время они договорились, что два сенатора, по одному от каждой семьи, должны быть назначены управлять Римом в отсутствие папы. Но эти мирные периоды были недолгими. При малейшей провокации возводились баррикады, рылись новые укрепления, и гражданская война разгоралась с новой силой.

Снова и снова в конфликте с Церковью Колонна терпели поражение, их поместья конфисковывались, а сами они, корни и ветви, нищали и изгонялись; но в их роду была сила и жизнеспособность, которую не могли покорить никакие невзгоды. Папа Бонифаций VIII, чье недовольство они вызвали, некоторое время притеснял их. Шесть братьев Колонна были изгнаны, а их родовой город Палестрина был стерт с лица земли Каэтани, родственниками и приверженцами Бонифация, и по этому месту был провезен плуг в знак окончательного опустошения. Но несколько лет спустя безрассудный Сциарра Колонна ворвался в замок Папы в Ананьи и сделал его пленником, осыпая горькими насмешками и упреками. Позже Сциарра сыграл заметную роль в коронации Людовика Баварского, и в благодарность за его заслуги император разрешил увенчать одиночную колонну фамильного герба золотой короной.

Самым выдающимся среди шести братьев этого периода был Стефан, друг Петрарки, способный человек и хороший солдат, который встречал благополучие и невзгоды, нищету и

опасности, на протяжении долгой беспокойной жизни, с одинаковой спокойной решимостью и бесстрашным мужеством. Этот Стефан пережил последнего из своего рода - два его сына Стефан и Петр с двумя внуками были истреблены после неудачной стычки с Риенцо.

После смерти Бонифация Колонны снова вступили в свои права и получили сто тысяч золотых флоринов в качестве компенсации за свои потери, но Палестрину, которая впоследствии была отстроена, снова постигла та же участь, и она была снесена по приказу Евгения IV в течение ста пятидесяти лет.

В правление Сикста IV. Рим снова был охвачен междоусобными распрями. Папа, которому помогал всегда готовый к бою Орсини, преследовал Колонну с неутолимой ненавистью. Протонотарий Лоренцо Колонна через предательство попал в руки своего врага, а его друг Савелли был схвачен и убит на месте за то, что отказался радоваться вместе с похитителями. Лоренцо пытали и обезглавили, а Орсини разграбили и сожгли все имущество Колонна в городе.

Другими выдающимися представителями этой знатной семьи более поздней эпохи были Виттория Колонна, поэт-друг Михаэля Анджело, и Марк Антонио, командовавший папским флотом при Лепанто, которому после победы был устроен триумфальный въезд в Рим.

О происхождении этой знаменитой расы ничего не известно, хотя считается, что она происходит с берегов Рейна. Впервые она появляется в истории в 1600 1104 году, когда лорды Колонна и Загароло вызвали недовольство Папы Пасхалия II. Они также владели частью Тускулума и, вероятно, состояли в родстве с графами этого места. Позже Палестрина стала их главным оплотом, а также они владели Марино, Гротта-Феррата, Дженаццано и Пальяно в Сабинах, причем последнее дало им княжеский титул. Семья произвела на свет многих выдающихся церковных деятелей, но только одного папу, Мартина V. Многие дочери дома приняли постриг, а в 1318 году целых двенадцать поступили в монастырь Сан-Сильвестро-ин-Капите, который был основан кардинальскими членами семьи.

В 1490 году Колонна впервые был назначен коннетаблем Неаполитанского королевства, и в Риме было распространено мнение, что папа отлучил короля Неаполя от церкви в день святого Петра (28 июня) за то, что тот не принес дань, положенную ему при инвеституре. Формула гласила: "Проклинаю и благословляю тебя", и при произнесении этого проклятия дворец Колонна содрогался. Этот дворец стоит на склонах Квиринала; вход в него осуществляется с площади Пьяцца деи СС. Апостолов, но сады покрывают склоны холма вплоть до Виа дель Квиринале, а мосты, соединяющие дворец и сады, пересекают Виа делла Пилотта через частые промежутки. Он был построен Мартином V. для личного пользования и содержит прекрасную картинную галерею и великолепные парадные покои. После почти восьми веков жизни эта семья по-прежнему остается одной из самых великих и знатных в Риме. Один из принцев этой фамилии сейчас является синдиком города, другой делит мирный пост помощника принца при Папском престоле с потомком своих древних врагов Филиппо Орсини.

АРКА ТИТА ОТ АРКИ КОНСТАНТИНА

Арка, свидетельствующая о расцвете и арка, свидетельствующая об упадке римского могущества. См. [стр. 162](#), [интерлисты](#), стр. [38](#), [234](#), а также иллюстрации [12](#) и [66](#).

карьеру рода Орсини была не менее насыщенной событиями, но сейчас этот род угас во многих своих ветвях. В метрическом рассказе о коронации Бонифация VIII, написанном кардиналом Сент-Джорджем и процитированном Гиббоном, говорится, что Орсини происходят из Сполето. Другие авторы считают, что они были французского происхождения, но в ранние времена они стали связаны с историей Рима, а в XII и XIII веках два

представителя этой семьи стали папами: Челестин III в 1191 году и Николай III в 1277 году. Последним папой Орсини был монах-бенедиктинец Бенедикт XIII. (1724).

В XVI веке Орсини попали под недовольство папы, глава семьи был изгнан, а его поместья конфискованы. Этот человек, Джордано Орсини, герцог Браччано, влюбился в Витторию Аккорамбони, жену Франческо Перетти, племянника Сикста V. Виттория была красива, обворожительна и беспринципна, и Джордано, не менее беспринципный, без колебаний избавился от препятствий на пути к своим желаниям. Собственную жену он задушил в своем замке в Браччано, а Франческо по его приказу и при попустительстве Виттории и ее брата был настигнут и убит на улицах Рима. Орсини и Виттория поженились, но их союз был недолгим. Сикст V. был тем временем избран папой, и он не терял времени, чтобы опозорить и изгнать Джордано, чей конец в изгнании окутан тайной. Вскоре после этого Виттория была застигнута врасплох и жестоко убита родственниками мужа ради наследства Орсини.

Поместья Орсини находились в Браччано, Ангильяре и Галере, но владения в Браччано с прилагающимся к ним герцогским титулом теперь принадлежат Одескальки. В Риме Орсини до сих пор владеют и живут в своем большом дворце у портика Октавии. Он был построен по проекту Бальдассаре Перуцци на руинах театра Марцелла, а возвышенность, на которой он стоит, представляет собой лишь груды упавших обломков. К нему ведут ворота, окруженные каменными медведями - эмблемой рода Орсини.

Другая средневековая семья, Гаэтани или Каэтани, герцоги Сермонеты и князья Казерты и Теано, имеет неаполитанское происхождение. Один из ее членов стал папой Геласием II в 1118 году, а первый представитель этой фамилии был военным префектом при Манфреде, короле Сицилии, но тесный союз этой семьи с Римом датируется только правлением папы Гаэтани, Бонифация VIII. Именно в этот период гробница Цецилии Метеллы на Аппиевом пути была замаскирована башенками и крепостными стенами, чтобы служить Гаэтани в качестве внешнего оплота против их врагов.

Из всех княжеских фамилий, которые фигурируют в записях средневекового Рима, ни одна не может претендовать на более почтенную древность, чем Аннибальди, Массимо и Ченчи. Первые, принадлежавшие к роду великого Ганнибала, больше не сохранились. Массими, чье имя происходит от древнего рода Максимов, являются герцогами Риньяно, князьями Ровиано и наследниками многих других титулов; они по-прежнему входят в число величайших римлян. Нынешний князь живет в семейном дворце на Корсо Витторио Эмануэле, знакомом каждому туристу по его изогнутому фасаду и рядам колонн, и до сих пор сохраняет многое из княжеского состояния и церемоний прошлой эпохи. Ченчи вымерли по мужской линии, и их фамилию продолжает дальняя ветвь - Ченчи-Болоньетти.

Впервые об этой семье слышно от Марка Ченция, префекта Пизы в 457 году от Рождества Христова; в 914 году Иоганн Ченций был избран папой Иоанном X. В 1692 году Ченции стали князьями Виковаро, маленького горного городка в Сабинах, а в 1723 году они получили титул и поместья Болоньетти благодаря браку Виргиния с наследницей этого имени. Вместе с ней в семью перешел и приусадебный участок - изящный дворец Болонетти-Ченчи, до сих пор стоящий на площади Панталеоне. Дворец Болонетти на площади Венеции был продан принцу Торлони и только что разрушен, чтобы освободить место для колоссального памятника Виктору Эммануилу, который будет возвышаться над Римом с Капитолийского холма. Старый дворец Ченчи, еще несколько лет назад пустой и заброшенный, но теперь являющийся государственной собственностью, стоит в том месте, где когда-то находился еврейский квартал Рима, и представляет собой громаду, красноречиво свидетельствующую о трагической истории своего владельца. Семейная часовня рядом с ним, Сан-Томмазо-а-

Ченчи, датируется 1113 годом и была построена Ченчи, который в то время был епископом Сабини.

По мере того как эти старые семьи, "чистые римляне Рима", вымирали, их место занимала аристократия папского происхождения, и хотя, как правило, они были выходцами из северных провинций, эти новые люди стали римлянами по своим симпатиям и унаследовали привилегии и традиции римского патриция. Каждый новый папа не только привозил в Рим своих родственников и даровал им титулы, но и собирал вокруг себя последователей из своей провинции, среди которых распределял великие папские должности. Иногда период дарованного таким образом величия был недолгим, в других случаях создавалась постоянная аристократия, и папские должности становились наследственными. Так, Русполи от отца к сыну являются магистрами Священной опочивальни; Колонна - помощниками принцев; Серлупи - маршалами папского коня; Сфорца имеют наследственное право назначать знаменосца римского народа; Чиги - маршалами конклава, сменив на этом посту Савелли, занимавших его почти пять веков.

Некоторые из этих семей были дворянами в своей собственной провинции. Бонкомпаньи были знатным родом из Болоньи. Прибыв в Рим вместе с Григорием XIII в 1572 году, они стали герцогами Соры, а затем князьями Пьомбино и Венозы.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДОМ В ТИВОЛИ

Людовизи были дворянами из Пизы, Боргезе - патрициями из Сиены. Эта великая семья прибыла в Рим вместе с Павлом V в начале семнадцатого века и получила княжеский титул Сульмоны. В середине XVIII века Марк Антонио Боргезе женился на наследнице Сальвиати и в этот период стал владельцем прекрасной виллы Боргезе с музеем и бесценной коллекцией статуй, большого дворца на Тибре, вилл Мондрагоне и Альдобрандини во Фраскати и тридцати шести поместий в Кампанье, построив и оформив в тот же период богатую капеллу Боргезе в Санта Мария Маджоре. Позднее Камилло Боргезе женился на Полине Бонапарт и

был назначен Наполеоном I губернатором Пьемонта. В последние годы эта семья была почти разорена безрассудными строительными спекуляциями, и большая часть ее великолепных владений была продана и отчуждена. Альдобрандини и Сальвиати являются ответвлениями этой семьи.

Барберини и Корсини - флорентийцы, приехали в Рим вместе с Урбаном VIII и Климентом XII. Вилла Барберини в Кастель-Гандольфо и дворец в Риме знакомы всем посетителям. Территория виллы Корсини на Яникуле недавно была превращена в общественный проезд; дворец Корсини в Трастевере на берегу реки знаменит своей библиотекой и картинными галереями. Напротив него находится дворец Фарнезина, построенный в XVI веке богатым банкиром Агостино Чиги. Именно здесь он давал знаменитый банкет и, желая продемонстрировать свое огромное богатство, велел своим лакеям по окончании каждого блюда бросать серебряные блюда в реку на глазах изумленных гостей, которые не догадывались, что для их поимки были хитроумно расставлены сети, в которые они тонули.

Родственники Климента XI Альбани приехали из Урбино, Роспильози из Пистойи вместе с Климентом IX, Одескальки из Комо вместе с Иннокентием XI, Дориа Памфили из Генуи.

Эта папская аристократия занимала уникальное положение. Родственники пап, которые в то же время были царствующими князьями, они принимали королевский сан и жили с великолепием и роскошью, непревзойденными в Европе. В дополнение к титулам римской знати, дарованным им щедрой рукой, многие из них стали грандами Испании, а их имена были занесены в "золотую книгу" Капитолия.

Они покупали загородные поместья и пригородные виллы и строили большие дворцы в городе. Эти величественные здания эпохи Возрождения, некоторые из которых превосходят по размерам многие королевские резиденции, сгруппированы у основания Капитолия и вдоль Корсо, самой важной и в какой-то период единственной большой улицы в Риме. Дворец Венеции, дом венецианца Павла II, дворцы Альтиери, Грациоли и Бонапарта, последний из которых первоначально принадлежал Ринуччини, стоят величественной группой на площади Венеции и Виа дель Плебисцито. Серия продолжается вдоль площади Пьяцца деи СС. Апостолов с дворцами Колонна, Балестра, Одескальки и Руффо.

На Корсо находится дворец Дориа Памфили. Здесь также находятся дворцы Русполи, Фьяно, Чиги, Сциарра, Сальвиати, Феррайоли, Теодоли, а до его сноса для расширения площади Колонна - Пьомбино. Костагути на площади Тартаруга, дворцы Античи-Маттеи, Лонги и Гаэтани, последний на *Via delle Botteghe Oscure*, "улице темных магазинов", сгруппированы у подножия дальнейшего склона Капитолия. Еще западнее стоят огромный дворец Фарнезе, в котором сейчас находится французское посольство, и Канцеллерия, построенная кардиналом Риарио, племянником Сикста IV, и до сих пор являющаяся папской собственностью. Дворцы Симонетти и Фальконьери построены на берегу Тибра неподалеку и выходят на Виа Джулия.

Последними из всех великих папских семейств в Риме поселились Браски, родственники Пия VI. Они построили дворец на площади Навона. Неподалеку находятся дворцы Патрици и Джустиниани возле французской церкви Сан-Луиджи на одноименной улице. Джустиниани - графы Ньюбургские в шотландском пэрстве благодаря браку в 1757 году наследницы титула и владений с принцем Джустиниани.

Велика была пышность и великолепие римских князей. Когда они выезжали в город, их сопровождали конные женихи с шестами, а бегущие лакеи расчищали перед ними дорогу. Армия слуг обслуживала их потребности, конюшни были заполнены лошадьми, а кареты

представляли собой великолепные экипажи с позолотой и росписью, стоившие тысячи франков. Сзади на подножках стояли напудренные фланки в шелковых чулках: три - в карете принца, два - кардинала. Один из них нес зонтик и подушку. Если во время поездки принц встречал Его Святейшество Папу или религиозную процессию, в которой несли Святыню, он немедленно останавливал карету и, выйдя из нее, опускался на колени, подушку слуги клали ему под колени, а зонтик держали над обнаженной головой, чтобы защитить ее от солнца.

Многие римские вельможи имели в своих домах частные театры; они были большими коллекционерами книг, бронзы, гобеленов и мозаик, а римские частные галереи картин и статуй не имеют себе равных. Только Боргезе владели четырьмя Рафаэлями, а также своей знаменитой коллекцией статуй. В то же время они были щедры по отношению к городу своего усыновления. Они открыли для жителей свои прекрасные парки и виллы, пускали публику в свои галереи-музеи и библиотеки, содержали больницы, приюты и сиротские приюты. Римские дамы всегда покровительствовали и поощряли благотворительность. Однако более поздний обычай, сохранившийся до наших дней, лично посещать бедняков и больницы зародился благодаря Гвендолине Талбот, дочери последнего католического графа Шрусбери, которая, будучи женой принца Боргезе, первой из римских дам стала в одиночку ходить в любое время суток, выполняя поручения милосердия. Об остроумии, с которым она подарила золотую монету мужчине, преследовавшему ее в один прекрасный день, говорил весь город. Ее имя до сих пор на слуху у римлян, а ее трагическая смерть в возрасте всего двадцати четырех лет, когда она оставила четырех маленьких детей, один из которых, нынешняя принцесса Пьембино, выжил после инфекции, убившей их мать, перевернула все население.

ИЛЕКСОВЫЙ АВЕНЮ И ФОНТАН (Fontana scura), ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Многие римские дворцы по размерам напоминают казармы. Палаццо Памфили-Дориа вмещает тысячу человек, но это было не слишком много для патриархального стиля жизни, который в измененном виде сохранился до наших дней. Много места занимали большие

библиотеки, музеи, картинные галереи, залы для приемов и государственных банкетов. В стенах размещалась небольшая армия чиновников - стюарды, бейлифы, мажордомы, секретари, бухгалтеры, все подчиненные, необходимые для управления большими и отдаленными владениями. Для принца-кардинала, кадета дома, было отведено отдельное крыло; домашнему капеллану требовались отдельные комнаты; он совершал ежедневную мессу в частной часовне дворца, но не обедал с семьей. Сыновьям дома требовались воспитатели, дочерям - гувернантки и компаньонки.

Большие двойные ворота каждого римского дворца, которые надежно запираются и закрываются на ночь, ведут в центральный двор. Вокруг него расположены открытые колоннады, иногда двухэтажные, а в центре среди папоротников и пальм плещется фонтан. У дворцовых ворот дежурит привратник, великолепный в бриджах с козырьком и длинном плаще, отороченном цветной тесьмой, на которой вытканы геральдические знаки семьи. Его служебный жезл - длинный посох, перевитый шнуром и увенчанный огромным серебряным набалдашником. Этот человек - потомок дворника, который в Древнем Риме днем и ночью следил за дверью дома и верность которого при необходимости обеспечивали, приковывая его к посту.

На второй этаж ведет парадная лестница, и это *piano nobile*, которое в римских домах занимал и продолжает занимать глава семьи, чье правление было более или менее абсолютным и тираническим. Второй этаж после женитьбы отдается старшему сыну в личное пользование, второй - выше, а под крышей размещается огромная свита слуг и прислуги. По-прежнему принято, чтобы вся семья, включая женатых сыновей и их семьи, обедала вместе, и ведется тщательный учет пособий, выданных каждому сыну, доли, вносимой каждым в общие расходы, приданого каждой невестки, а также того, получает ли она положенное количество мясных блюд и лошадей и карет, предусмотренных брачным договором. В случае с женой-англичанкой в число обязательных условий входил ковер.

Хотя государственные кареты, бегущие лакеи, большая часть пышности и церемоний исчезли, остались некоторые любопытные реликвии быстро уходящего в прошлое порядка вещей. Каждый римский принц имеет право, если он того пожелает, быть принятым у подножия большой лестницы любого дома, который он почитает своим присутствием, двумя лакеями с зажженными факелами; они должны проводить его до порога приемной хозяйки. Эта церемония до сих пор соблюдается в отношении кардиналов в торжественных случаях.

И снова каждый принц имеет право на тронный зал и трон в своем дворце, и фактически до сих пор имеет. Это не для его собственного пользования, а для Папы, если он решит нанести ему визит. В зале римского дворца на стене можно увидеть щит с фамильным гербом. В доме принца над ним будет возвышаться балдахин, рядом с которым должны стоять исторический зонтик и подушка. Четыре маркиза, а это только маркизы Патрици, Теодоли, Костагути и Кавальери, пользуются княжеским правом на балдахин над своим щитом и поэтому называются *marchesi di baldacchino*.

В голове иностранца возникает естественная путаница относительно различных рангов и распределения титулов в итальянском пэрстве. На самом деле они не подчиняются общему правилу, а зависят в каждом случае от патента на создание. Княжеские титулы, пожалованные Священной Римской империей, в равной степени затрагивают каждого члена семьи; титулы, пожалованные Папой Римским, как правило, распространяются только на главу семьи. Так, в семье Колонна каждый член является принцем или принцессой; среди Русполи, папского творения, только глава старшей ветви по закону является принцем. Однако в этих последних случаях принято давать старшему сыну один из других семейных

титулов после его женитьбы, и то же самое со вторым сыном. Такой поступок остается на усмотрение отца, но он обязан уведомить о принятии титула гражданские власти. Точно так же ему предоставляется определенная свобода действий в отношении титула, который он использует сам или предоставляет своим сыновьям. Например, принц Гаэтани предпочитает, чтобы его знали под старшим титулом в его семье, герцогом Сермонета, а старшему сыну дарует титул принца ди Казерта. Титулы *Don* и *Donna* подходят только для сыновей и дочерей принцев и четырех *marchesi di baldacchino*, хотя их часто используют для всех детей маркизов.

Распределение других титулов маркиза, графа или барона между различными членами семьи зависит от условий первоначального патента. В некоторых случаях титул носят все члены семьи, в других - только глава семейства. Коллатерали дома часто называют себя *Джованни деи Принсипи N--* , или *деи Конти N--* в зависимости от обстоятельств; "Джон из князей таких-то и таких-то" или "из графов таких-то и таких-то".

Различие между патрицием и дворянином опять-таки непонятно иностранцу. Патриций по праву предка принадлежит к правящему классу своей провинции. Имена патрициев ежегодно выставляются на голосование, и один из них выбирается настоятелем или губернатором провинции. Фактически и исторически он имеет сенаторский ранг. Среди районов Италии некоторые имеют, а некоторые не имеют патриция. В Сполето он есть, а в соседнем с ним Тоди его никогда не было.

В Риме патрицианские семьи называются "*Coscritti*" в знак уважения к *Patres conscripti* или сенаторам города. Их число было ограничено и определено конституцией Бенедикта XIV, но последующие папы добавляли новые имена. В настоящее время насчитывается шестьдесят патрицианских семей.

"ДОМ КОЛА ДИ РИЕНЦО" ПОНТЕ РОТТО

Архитектура этого предполагаемого жилища последнего из римских трибунов представляет собой *причудливую* смесь стилей и эпох. Было высказано предположение, что ряд начальных букв, дополняющих догматическую надпись, относится к многочисленным титулам, которые Риенцо присваивал себе. Народ знает этот дом как "дом Понтия Пилата".

С другой стороны, дворяне часто были обязаны своими титулами не только Папе, но и соответствующим коммуна , которые, пока единственным источником чести не был

определен государь, часто даровали титулы своим гражданам. Такой привилегией пользовались аббаты Монте-Кассино в XIII веке. Папы всегда присваивали дворянские титулы, как и Священная Римская империя, чьим наследником в этом вопросе претендует Папа. В настоящее время в Риме заседает Геральдическая комиссия, призванная упорядочить использование титулов, многие из которых присваивались поколениями без всяких на то оснований. Отныне каждый должен будет доказать свое право на титул, который он носит, и коммуны будут считать незаконным описывать любого, кто не сделал этого, "рукояткой к своему имени". Иностранные титулы, в том числе и папские, во всех случаях должны будут утверждаться и разрешаться государем Италии.

ГЛАВА IX

РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ

Когда мы думаем о Риме как о колыбели более чем одной цивилизации, мы также должны вспомнить, что в Риме созрели две великие религии: религия Древнего Рима и религия западного христианства. Не то чтобы мы могли считать римлян религиозным народом в том смысле, в каком всегда были и остаются религиозными азиаты, в каком был религиозен иврит или египтянин. У римлянина никогда не было ни образной философии, породившей религию Греции, ни метафизического мистицизма, ставшего основой индуистских верований. У него, в сущности, как и у еврея, на которого он был так совершенно не похож, полностью отсутствовал метафизический темперамент, мистицизм, аскетизм; и, как и еврей, он не применял богатство воображения к религии. Что у него было, так это гений привлечения другого мира в поддержку этого, и то, что он создал, было концепцией религии как *благочестия перед государством*; и именно в этой форме она сохранилась в симпатиях и чувствах римского народа. В языческом мире это государство было светским, в христианском мире - католической церковью; но в обоих случаях духовное пришло на помощь мирскому - древний Рим обожествил государство, сделав его предметом римского благочестия; христианский Рим превратил религию в гражданство, а церковь - в *civitas*. *Civis romanus sum*, "Я - римский гражданин", никогда не переставала быть всеобъемлющей формулой римской ортодоксии.

Изначально римская теогония была этрусской. За завесой скрывались три великих бога, окутанные пеленой, которые отвечали Джове, Юноне и Минерве (*Менерве*) более поздних времен. Вокруг них располагался их "сенат", двенадцать богов и богинь, известных римлянам как *Dii Consentes*; и повсюду царил великий латинский культ Весты, культ очага. Но когда Рим был построен, его первый царь сделал из этих элементов римскую религию: Нума, по сути, был римским Моисеем и привел свой народ не к поклонению единому племенному богу, который был выше всех богов, Богом и Господом, уникальной божественной реализацией еврейского народа, ставшей корнем монотеизма западного мира, а к поклонению единице, которая сделала из государства семью, а из содружества - семейный очаг. Возможно, именно его гений заставил божество очага главенствовать над маленьким государством и навсегда запутать и отождествить домашние устои с гражданскими. Именно эти два элемента - теологическая единица Иудеи и политическая единица Лациума - встретившись в Риме в эпоху Клавдия, создали религию Запада. Не раз, а дважды римляне приходили и вырывали скипетр у Иудеи: при Тите и снова в римской организации христианства *venerunt Romani et tulerunt eorum locum et gentem*.

Мы видим, что римская религия никогда не была великим творением воображения, но всегда была великим государственным устройством, и что римская религия стала римским государственным устройством, когда Нума отождествил привязанности и благочестие очага с привязанностями и благочестием *res publica*, и сделал государство социальной единицей. Однако первоначальные компоненты римской религии не имели ничего общего с государственным устройством; это были компоненты поклонения природе, принесенные пастушеским народом. У истоков стояло благоговение перед естественными вещами; и старое латинское язычество обладало покоем, который принадлежит пастушеской жизни, и религией, основанной на тщательном соблюдении мощных обрядов, еще не потревоженных никакими спекулятивными вопросами. Но оно не было свободно от мрака поклонения природе - оборотной стороны природы-культы - страха, подозрительности, отягощенности судьбой, как, например, религия Этрурии.

САН КЛИМЕНТЕ, ХОР И ТРИБУНА ВЕРХНЕЙ ЦЕРКВИ

Нынешнее здание двенадцатого века было возведено над гораздо более древней церковью, и это место, вероятно, было одним из самых ранних мест собраний христиан и, возможно, принадлежало дому Климента (четвертого папы), как утверждает традиция. Под нижней церковью был обнаружен храм и алтарь Митры. Древний хор очень хорошо сохранился, а его экран, снятый с нижней церкви, относится к шестому веку, с частями даже четвертого. См. стр. [35-36](#), [183](#), [186-7](#).

Уже гораздо позже Рим был очарован греческой религией и перенес на своих грубых безличных богов блестящие божественные олицетворения воображаемого народа.

Латиняне никогда не были знакомы с его богами, возможно, потому, что они всегда оставались безличными абстракциями, богами, которые не пользовались человеческой речью, но языком которых были молнии Юпитера и плещущаяся на волнах триада Нептуна. В то, что действительно всегда было безличным, греки внесли теплую человеческую жизнь, заставив богов говорить на человеческом языке и пригласив людей говорить с ними на их собственном языке. Греческая религия была более тонкой, более индивидуальной, более свободной и радостной, чем латинская. Благочестивые обычаи, составлявшие раннюю латинскую религию, порождали в богомольце чувство долга, но это была совесть как реакция на внешний стимул; и мир, который она приносила, был формальным миром, *ex opere operato*, а не миром, принесенным в индивидуальную совесть лицом к лицу с Божественным. Именно потому, что совесть подразумевает больше индивидуализма, чем когда-либо входило в римскую религию, римская религия всегда оставалась без нее. Только в изнурительный период поздней империи римляне полностью отказались от простых, естественных, масштабных элементов религии своей земли и перешли к фантастическим, эмоциональным и сложным культам Исида и Митры. Простая религия поля и очага, естественного права, порядка и благопристойности, благочестия, вызывающего и поддерживающего чувство *долга* перед богами, мертвыми, государством, воплощающим религию богов, отпала накануне христианства перед иноземными новинками Греции и Египта, более подходящими для роскоши ума и растущего самоанализа народа, испытавшего влияние греческой мысли как чего-то действительно всегда чуждого его природе, но необходимого для его места в мире.

Когда преемники Петра основали иудейскую секту на руинах этого язычества, им оставалось только последовать гению религии Нумы в создании католической церкви - *civitas Dei*. Здесь, как мы можем почувствовать, существенный элемент новой религии - идея Царства Божьего - естественным образом вытеснила старую государственную религию; а концепция нации как семьи была очень близка к братским принципам, которые группировались вокруг идеи *эkkлeсии*. Но старый Рим, как он не останавливался на мелочах, так и не проникал во внутренние вещи, и Царство Божие, переведенное на язык Рима, потеряло в процессе все свои внутренние черты. В римскую религию никогда не проникало то, что было тонким и деликатным, но и то, что было мелочным, экстравагантным или непристойным, тоже. Религия была не тонким ароматом, а конкретным долгом; не индивидуальным выбором, не индивидуальной необходимостью, не индивидуальным влечением, а общественным обрядом, общественным благочестием, общественным приличием: и эти характеристики, как мы увидим, сохранились в римской религии и по сей день.

Именно в литургии ум, или, если можно так выразиться, темперамент Римской церкви нашел широкое и достойное выражение; и именно в том, чего в ней не хватало, а также в том, что она выдвигала, гений римского обряда полностью отличается от того, который руководил совершением мессы в любой другой части христианства. Образность и благодатные детали, привнесенные из Галлии, мистицизм Востока, философия Греции, внутренняя и интимная близость Севера - ничто не способствовало этому. Как и сама римская религия, она не была творением воображения или интеллекта, не была результатом набожных чувств; она была творением христианского государства, облачившего свои религиозные данные, свои религиозные удостоверения в становящиеся одежды, придав им форму, выражение, общественную характеристику. Если не было излияний, то был размах; вместо нежности была отстраненная от формального величественного публичного акта совершенная свобода духа. На протяжении всего времени сам публичный акт оправдывал и освящал, был санкцией реальности, критерием пригодности поклонения. Кроме того, *sacramenta* не были простыми знаками или *symbola* - фигурами, они были величественными проводниками

универсальных реальностей, всегда и везде адекватных, достойных, координирующих, действенных. Римский ритуал был совершенно лишен тех вещей, которые в Англии и Франции считаются ритуальными; его единственный ритуал состоял в так называемых "ручных действиях", то есть в том, что нужно было делать; тех самых вещей, которые Восточная Церковь убрала из поля зрения прихожан, создав "ритуал" как излишнюю символику, чтобы привлечь внимание людей. Но римлянин имел дело с реальными вещами, а не с образами; он обнажал свою *святыню* в сухом свете реализма, в котором не было сдержанности, но была и большая сдержанность эмоций. Таков был темперамент всей римской религии, языческой и христианской, - упорное неприятие всего, что можно назвать нескромным, представление поклонения как великого общественного благочестия, которое оправдывает себя. В отличие от грека, чей бог должен быть за занавесом, римлянин требовал признания божественного всегда и везде, в *res publica*, в действии, которое имело общественную санкцию, общественное значение, общественную пользу. Диаконы подходили к священному столу со скатертью; один стоял на одном конце и передавал рулон диакону на другом конце; перед собранием совершались манипуляции с приношениями народа; вино, собранное в маленькие пиалы, наливалось в большой потир, переливалось в чашу; Понтифик собирает хлеб для обряда, то же самое делают священники, а пономари стоят по бокам, держа полотнища для его принятия; и те же самые вещи, не обряды, а привычные обычаи, повторяются во время причастия, когда епископ и диаконы снова наливают, смешивают, распределяют, омывают и убирают святыне вещи и священные сосуды в присутствии и при содействии народа Божьего. Здесь не было ничего "обычного или нечистого"; это была мудрость римского ритуала, оправданная ее детьми.

САНТА МАРИЯ ИН КОСМЕДИН

Очень ранняя христианская базилика, расположенная в исторической части Рима у Понте Ротто и круглого храма Геркулеса, а также на месте храма Цереры и Прозерпины. В шестом

веке она причисляется к диаконским церквям. Она принадлежала греческой колонии в этом квартале, а ее название происходит от слова *kosmos*. Мостовая, амвон, хор и балдахин относятся к двенадцатому веку. Недавно он был восстановлен в форме древней базилики, а его многочисленные закрытые окна были вновь открыты. См. стр. [28](#), [31](#), [35-36](#), [186](#).

Сразу видно, как сильно отличалась такая концепция поклонения от той, что была разработана на Востоке или которой мы обязаны смутному благоговению, страшному ощущению тайны, присущему среднему веку. Если мы сравним римскую базилику с греческой или готической церковью, то сразу же почувствуем разницу. Первая не имеет ничего общего с таинственностью, с неясностью. Празднующий стоял лицом к народу, как он и сейчас стоит перед ним во всех настоящих базиликах; он не поворачивался к нему спиной. Ни одно из ранних зданий, конечно, не было залито светом, пока остекление находилось в зачаточном состоянии, а ветер и непогоду приходилось держать на расстоянии; но христианская базилика не была темнее других зданий, в ней не было религиозного полумрака. И как мы видим это сегодня, в *Санта-Сабина*, *Санта-Мария-ин-Космедин*, *Санта-Мария-ин-Домника*, *SS. Nereo e Achilleo*, *Santa Maria Maggiore* или в разрушенных базиликах *Santa Domitilla* и *San Stefano*, так было и много веков назад - тайны были залиты светом, потому что это была церковь народа, которому были безразличны тайны, не способные вынести свет. Тем не менее, простой реализм римского ритуала ни в коем случае не означал для тех, кто мог видеть, отсутствия мистики. Скорее, он напоминал о той наводящей на размышления и здоровой мистике, которая присутствует во всех обычных вещах, во всех привычных способах их использования. Видел ли грубоватый римлянин, с его невниманием к мелочам и неочевидному, мистика раннехристианской службы и раннехристианской базилики, можно сомневаться; но хотя можно быть уверенным, что он не ставил перед собой задачу создать эту мистику, столь же очевидно, что он не мог изгнать ее из своих церквей.

Итальянская религия - это не то же самое, что римская. Рим был "самым религиозным городом в мире" не потому, что чувствовал религию сильнее, чем те народы и провинции, чей религиозный характер так глубоко отличался от его собственного, а потому, что он смог ввести ее в масштабах, столь же универсальных, как и его собственный империализм. В неаполитанце есть суеверие и поэзия, эмоциональный импрессионизм подлинного Юга; но такой отталкивающей сцены, как крестьянин, поддерживаемый своими друзьями, лижущий путь к алтарю по грязному церковному полу, в Риме быть не может. Трудно представить себе римлянина, желающего пройти обряд экзорцизма после того, как он сунул голову в английскую или американскую церковь, чтобы посмотреть на витражи. Римлянин" оставляет подобные вещи, а также глотание пилюль с благочестивым текстом на откуп безудержному пылу некоторых наших английских католиков. В римлянине меньше религиозной страсти и гораздо меньше привязанности к внешнему, чем в южанине или даже англичанине. С шестого века в Риме не было великих святых - за одним выдающимся исключением; его евангелизировали святые гости из Швеции, Тосканы, Сиены, как первобытную Церковь наставляли странствующие посетители Евангелия, которых называли "пророками". Из Ломбардии, Венеции и Умбрии, из Пармы, Анконы, Флоренции, Пизы, Неаполя и Абруцци святые, провидцы, миссионеры, мистики, реформаторы принесли ей свою весть: но страшная пословица *Roma veduta fede perduta* отражает впечатление, которое она часто производила на менее избранных посетителей, чем эти. Не Рим, а Венеция считается "благочестивым городом" Италии, и известная история о еврее, который стал христианином на том основании, что ни одна религия не могла бы пережить римскую коррупцию, если бы не была божественной, была рассказана мне в Риме одним прелатом как ободряющий эпизод.

Мэтью Арнольд говорил, что латиняне никогда не заботились о христианстве настолько, чтобы реформировать его; они никогда не считали нужным, правда, порвать с церковью, чтобы обрести христианство. Кроме того, у итальянца не было ничего из того, что делало его пуританином, - ни его яростного догматизма, ни иудейского оттенка его благочестия, ни его страха перед внешним, ни его довольства доктринальными формулами. К несомненной привязанности к католицизму - магия которого вдохновляла на творчество даже тех, кто в него не верил, - итальянец обладал слишком острым чутьем на реальные религиозные проблемы (как мы понимаем их сегодня), чтобы променять церковную традицию на библейский догматизм. Христианство было для него в гораздо большей степени самооправдательной религиозной традицией и в гораздо меньшей - догматизмом, чем для протестанта. Христианство, которое нравилось итальянцу, было христианством Св. Франциска, знакомым, кротким, терпимым, подлинным ученичеством; и его не раздражало добавление к нему форм католицизма. Как и реформаторы, итальянец XVI века плохо знал историю Церкви, но его инстинкт был на стороне реинтеграции, а не дезинтеграции религиозных сил, воплощающих христианское откровение. Ранние итальянские религиозные движения, подобно серафическому *братству*, были почти полностью на стороне придания историческому христианству нового духа Христа. Великий ужас перед путями Рима, никогда не повторенный римлянами, все же проник в религиозную Италию, и мало кто понимает, что именно среди францисканцев, а не среди реформаторов папский Рим был впервые заклеен как "багряница", нечистый Вавилон из Апокалипсиса.

Есть ли у протестантизма евангельские признаки, которые итальянец, сознательно или бессознательно, приписывает христианству, и какие шансы у него были бы в Италии? Стоит повторить, что пуританское определение христианства никогда бы не нашло признания у итальянца; он никогда не смог бы позаботиться о реформе в доктрине и дисциплине, которая не обязательно, не в первую очередь, включала бы в себя настоящую евангельскую реформу. Если вспомнить, как мало протестантизм с самого начала стоял на стороне догматической свободы и ставил богословскую формулу выше всех остальных вопросов права, то можно признать, что итальянец, хотя и не реформировался, все же любил истинное христианство. Далее, интенсивный индивидуализм протестантского культа неприятен итальянцу, который, как мы уже поняли, не просит и не требует того подчинения общества индивидууму, которое подразумевают религиозные подразделения, и его всегда отталкивали бы явления возрождения. Для нас поучительно осознавать, что подобные вещи клеймятся как "шутовство" итальянцами, чей собственный тщательно разработанный ритуал часто кажется протестанту подходящим под это описание. В-третьих, ему не нравится *реклама* протестантизма, его самореклама, распространение трактатов у дверей церквей и на улицах. По его мнению, ни одна достойная религия не может нуждаться в такой поддержке. Сестра милосердия и *брат*, правда, появляются среди них в своем странном одеянии, не как они, но как часть их самих, напоминая людям о великих идеалах их религии, распространяя трактаты от своего лица, но не делая *никакой рекламы*.

КАПЕЛЬКА САН-ЗЕНО (называемая Орто дель Парадизо) В С. PRASSEDE

Эта мозаичная часовня была возведена Пасхалием I в 822 году. Благодаря своей красоте она получила название "Райский сад". Церковь находится рядом с домом Пуденса и посвящена его дочери Пракседис. См. страницы [45](#), [46](#), [240](#).

Действительно, отношение итальянца ко всем внешним проявлениям радикально отличается от того, как они представляются англосаксу и тевтону. Вагнер заявил, что как только от немца требуют артистизма, он превращается в шута. Мы, англичане, тоже не знаем, как выразить себя с помощью внешних символов; но итальянец не испытывает таких

трудностей. Мы не чувствуем себя с ними как дома, а он чувствует. Если мы используем их, то преувеличиваем, а он придает им истинную пропорцию и место. Его всегда можно научить с помощью чувств, и он не заблуждается, как мы. Мы, в общем, не знаем, что делать с внешним, а он знает. Его чувство юмора активно как раз там, где у англичанина оно затихает; он не способен, к примеру, обходиться тем или иным церемониалом. Поэтому евангелизм итальянца, которого, как можно надеяться, он когда-нибудь достигнет, будет не похож на англосаксонское христианство - как катакомбы не похожи на "маленький Вефиль" - он всегда будет требовать благодатного окружения, он всегда будет просить искусства помочь его воображению, и предпочтет прекрасную музыку и даже аромат ладана заявкам проповедника о его душе. Такова его сдержанность, и поскольку она отличается от англосаксонской, последний ее не понимает. Итальянец всегда лучше всего откликнется на службу, задуманную в духе мессы, с ее мистическим обновлением, происходящим на его глазах, одновременно внешним и внутренним, публичным и интимным; но без индивидуалистической ноты, без зависимости от личного элемента.

МОНАСТЫРИ СВЯТОГО ПАВЛА БЕЗ СТЕН

Возведены между 1193 и 1208 годами. Самые красивые монастыри в Риме. См. [интерлисты](#), [стр. 158](#) и [стр. 36](#).

Посетитель Рима должен быть поражен тем фактом, что итальянцы - более религиозный народ, чем мы. Они больше заботятся об этом. Каждое утро, день за днем, в десятках церквей люди входят и выходят из тяжелых кожаных дверей, поднимаются и спускаются по ступеням фасадов; такого зрелища, как посещение усыпальниц в Страстной четверг, в Англии нельзя было наблюдать из года в год. На углах улиц, на лестницах, в лавках и домиках носильщиков перед образами и святынями горят масляные лампы, а самое глубокое проклятие в итальянском лексиконе - это сказать *La mala Pasqua* - "плохой вам Пасхи". "Во всем я вижу, что вы несколько суеверны", - сказал С. Павел, взяв в качестве предлога для своего обращения к афинянам беспокойство и заботу, которые, как он видел, повсюду уделялись невидимому миру и требованиям поклонения: и он мог бы обратиться с таким же призывом к римлянам сегодня, имея, возможно, больше шансов обратить их в свою веру,

чем миссионер из Америки. Ведь в итальянской религии нет "провинциальности"; воскресные радости обсуждения гимна, проповеди, проповедника, деталей службы и прихожан, полумистическая, полусентиментальная радость от пережевывания святынь, свойственная северянам, не привлекают человека Юга. На Юге у него бесконечное время, но нет длинных сумерек. В религии, как и во всем остальном, римлянин не питает иллюзий. Вещи - мелкие или драгоценные, - которые возможны для людей, способных сохранять иллюзии и не обладающих неудобной быстротой ума, от него не ждут. Чад в Риме не будет иметь ни успеха, ни дури; и ваши трансцендентные эмоциональные чувства к Папе, возможно, так же мало понятны, как и ваше неприятие его. Римлянин боится смерти, а масло для помазания он называет "*quella cosa più peggio del viatico*" - "та вещь, которая еще хуже виатикума". Он живет в привычной для него религии и в какой-то детской простоте; но он скептик, а мы нет, у него нет таланта к медитативной преданности, а у нас есть.

Опять же, "респектабельность" английской церковной религии была бы так же мало терпима, как и *реклама* чистого протестантизма. В итальянском темпераменте нет абсолютно ничего, что отвечало бы той гордости и удовольствию от респектабельности церкви и часовни, которые так сильны в Англии. Секты, которые прозелитизируют в Риме, - это американские методисты, баптисты и уэслианцы; многие из более образованных людей предпочитают всем этим сектам родную вальденскую церковь. Одна из главных привлекательностей того, что я назвал "чистым протестантизмом", заключается в его знакомости по сравнению с чопорной и страшной "респектабельностью" английской церкви. Но именно в этом итальянский католицизм никогда не терпел поражения, и католик в Италии уже привык к знакомым и простым отношениям со священником-монахом и монахом - к полной демократии чувств. Недавно меня пригласил занять свободное место достойный французский священник, который раздавал обычные объявления с алтаря после Евангелия мессы; латинский священник жестом оповещает прихожан, когда собирается проповедовать, и они могут сесть; даже известный мне английский католический священник обращается к народу перед началом рождественской полуночной мессы, чтобы пожелать им и их близким счастливого и благословенного праздника. В нонконформистских часовнях нет недостатка в таких братских приветствиях, но в английской церкви они наверняка считались бы неуместными и не совсем приличными. Латинская простота и человеческий интерес, братство классов противостоят здесь английскому самосознанию, английской непреклонности, пуританскому чувству приличия; и никто не мог бы жить в Италии, не видя множасьихся во всех рядах духовенства примеров той фамильярности без потери достоинства, к которой у нас нет ключа. Еще одна вещь, которую мало понимают в Англии, заключается в том, что итальянец не "одержим священником"; он не зависит от священника и не бегаёт за ним, и то отношение, которое священник в Ирландии и министр в Шотландии смогли занять по отношению к людям, никогда не было бы возможным в Италии. Римлянин, в особенности, никогда не переставал сатирически высмеивать пап и кардиналов и умел делать это, не пренебрегая догмой и дисциплиной. *Биготта* не является итальянским типом; при встрече он вызывает неприязнь и недоверие у представителей обоих полов. Римский крестьянин, бредущий в город воскресным утром, останавливается у большой церкви Святого Павла на Виа Национале, входит в нее и поднимается на самый верх. Вергер сразу же указывает ему на его место в доме Божьем - ведь это американская епископальная церковь - и он возвращается к двери: он не был уверен в церкви, но теперь он совершенно уверен, что это не латинское христианство. Но если итальянец приезжает в Лондон, его ждет еще один сюрприз: он идет в католическую церковь и обнаруживает, что должен взять билет, чтобы встать на ноги, и, зачастую, больше не идет, у него не хватает трех пенсов и шести пенсов; он не против быть бедным, но не считает нужным с самого начала вешать на вас ярлык католика за три пенса или католика за шесть пенсов.

Все это показывает, что некоторые качества итальянского католицизма - его фамильярность, его независимость (ибо итальянец обладает большей свободой духа, а англосакс - большей свободой совести) - являются результатом латинского духа и могут быть востребованы только там, где он господствует. Наибольшее влияние он имеет в Италии и наименьшее - в Германии. Например, в городе, унаследовавшем кислый гонительский дух Вестфалии, католицизм совсем не такой, как в стране его зарождения. Там верующие - это полк, человеческий автомат, встающий и падающий на колени с однообразием часового механизма; каждый входящий вызывает подозрение, каждый, кто стоит у дверей, создает скандал, священники - квесторы, а их вергеры - ликторы. Такие вещи, конечно, имеют свои компенсации для тевтонского и даже англосаксонского ума, но как они отличаются от терпимой свободы *domus Dei* в Италии, которая, по тому же названию, является домом народа, со всей той близостью духа, которую любил Святой Франциск, с той полной свободой от самоправедности! Дважды за двенадцать лет, насколько мне известно, посетители Кельнского собора, в обоих случаях женщины и католики, подвергались нападению со стороны старосты и с применением физической силы выводились из здания, поскольку их невинное желание состояло в том, чтобы войти в часовню, где, по их предположениям, должно было находиться зарезервированное Таинство. Англичанин не хулиган, и ему нелегко почувствовать то желание напасть, которое владеет тевтонским чиновником; более того, если он что-то и понимает, так это политическую свободу, но я могу рискнуть предположить, что зрители некоторых наших соборов - не исключая и собора Павла - имеют возможность нанести удар по своим соборам. Павла не исключение - в их душах живет образ кельнского священника.

Вопрос о расовых религиозных особенностях, очевидно, сводится к вопросу о компенсациях. Для тех, кто считает, что католицизм, украшенный нотками пуританства, кислыми тевтонскими или унылыми испанскими аккомпанеентами к религии, или цветистым сентиментализмом галлов, теряет свое право на рождение, итальянский католицизм всегда будет сохранять свое первенство: Но в Италии придется распрощаться с воспоминаниями о религиозных воспоминаниях и мистике, с красотой и умиротворенностью, возможными среди людей, живущих внутри страны и не одержимых чувствами; красоту святости придется изображать сквозь туман грязи, невежественных суеверий и неряшливости, но не сквозь дымку фанатизма, ханжества и самовосхваления.

КЛУАТР В САНТА СХОЛАСТИКА, СУБЬЯКО

Один из трех клуатров этого бенедиктинского монастыря; он был построен аббатом Ландо в 1235 году и украшен на своде мозаикой работы Космати. См. стр. 36 и [интерлисты](#), стр. 82.

Римский скелет религии облакался другими расами, которые заполняли, расширяли и добавляли то, что делало христианство более сложным и интроспективным или более благочестивым; но в самом вечном городе, от катакомб до торжественной мессы в соборе Святого Петра, религия Лациума и религия императорского Рима наложили свою неизгладимую печать на христианство. Знакомая по фрескам катакомб пастушеская фигура Христа с коромыслом, несущего ведро с молоком Евхаристии, имеет своим первобытным аналогом пастушеского бога Луперка, "отгоняющего волков", поклонение которому в *Roma Quadrata* совершали первопоселенцы, одетые в козьи шкуры, принося ему молоко в качестве возлияния. Но тот, кто сказал "*Ego sum pastor bonus*", собирает овец (и козлов), а не отгоняет волков, и он дает им пищу, которая есть он сам, а не ищет ее у них. Личность Христа привнесла столько интимного и личного, сколько римская религия была способна усвоить; но моральные последствия этой личности - после первой блестящей эпохи насаждения веры, с ее сознанием Личности Христа и осознанием морального использования Евхаристии - так и не были по-настоящему усвоены Римом. Опять же, церемониймейстер на папской мессе подсказывает понтифику на каждом этапе, как это делали его предшественники Антонин Пий или Марк Аврелий, когда они тоже исполняли обязанности *pontifex maximus*. Сами кафедры епископов в Риме (где ни один епископ, кроме папы или кардинала в его титулярной церкви, не восседает на троне) - это *курульные* кресла римских магистратов. Еще более загадочны корни священных вещей в латинской почве, ибо римские понтифики должны были перенять этрусскую понтификальную систему, в которой гражданские и церковные функции возлагались *на лукомонов*. Хотя греческая теология дважды обогащала латинскую религию, языческую и христианскую, нигде религия не была менее греческой и более римской, чем в Риме. Можно сказать, что отличительной чертой христианства

является то, что это проповедническая религия; во Франции и в Англии она более проповедническая, чем в Италии, но менее всего она проповедническая в Риме; и так было всегда. В римской базилике нет кафедры. В вечном городе, как и в других местах, христианство изначально было иудейской сектой, оно возникло там, как и в других местах, среди "евреев рассеяния", и некоторые еврейские вещи, лекции, песнопения и изложение Писания, сразу же заняли свое место в его публичном поклонении. Но и здесь Рим сохранил меньше иудейских черт благочестия, чем любая другая христианская церковь. Римляне вычеркнули древнееврейский элемент.

На стыке римской и древнееврейской истории мы наталкиваемся на одну загадочную связь - история каждого народа начинается с братоубийства. Как Каин убивает Авеля, так и Рем убит Ромулом, но на этом сходство заканчивается; в римской истории нет упрека - "голос крови брата твоего" проносится через весь ход древнееврейской истории.

Поступок Ромула основал то, что было самым ценным для римлянина, его Царство Божие на земле - римское государство, римскую политику: поступок Каина пробудил то, что лежало в основе иудейской теократии, - убеждение в грехе и праведности, Царство, основанное на совести. Ни один из них никогда не мог свободно проникнуть в чувства другого. Ромул - герой, Каин - отверженное человечество; но храм Ромула до сих пор вызывает в Риме больший отклик, чем моральные соображения, связанные с Авелем.

САНТА МАРИЯ СОПРА МИНЕРВА

Доминиканская церковь рядом с Пантеоном, называемая "Святая Мария над Минервой", потому что она была возведена на месте храма богини Помпея, была построена флорентийцами в XIV веке и является единственным примером остроконечной архитектуры в Риме. Его непохожесть на римскую базилику очевидна.

Это *рaх romana*, мир Римской империи, который на самом деле был установлен как "мир Церкви". Мир, юридический или религиозный, мира, который признал власть Рима. В

стороне были варвары и еретики, внутри - *римская цивилизация*. Это был мир, соответствующий всем войнам, кроме междоусобной, и Рим, будь то политический или религиозный, породил в завоеванном им мире стремление жить и умереть в единстве с величайшей из земных сущностей - жить и умереть, как катакомбные эпитафии православным чужестранцам, умирающим в Риме, записывают в *темле*. Римское гражданство становится католическим благодаря посредничеству апостола, который мог сказать: "Но я родом римлянин", - и в то же время имперским путем направить палестинскую секту в языческий мир. Чужой римский гражданин, умирающий в Риме за Христа, соединяет своей кровью два мира, посвящает новый *imperium*, где Рим может утверждать, что вся дань воздается *et mihi et Petro*, смешивает две вещи, которые разделил мастер Евангелия "Царства": вещи Кесаря и вещи Бога.

ГЛАВА X

РИМСКИЙ КАРДИНАЛ

Что такое кардинал? В первые дни существования Церкви в Риме пресвитеры и диаконы города, совет и администраторы его епископа, были значительными персонами - ведь скамья пресвитеров всегда имела большое значение в управлении Церковью в Риме, как и в других местах, как свидетельствует Иероним, А семь диаконов были еще более заметны, возможно, как предполагает Иероним, потому что их было мало, а пресвитеров много, а частично потому, что диаконство появляется очень рано в анналах Римской церкви и, возможно, является реликтом евангелизации вечного города Петром, при котором "семь" были впервые учреждены (Деян. vi. 3). К пресвитерам и диаконам следует добавить сельских епископов римского округа, которые вовремя приезжали, чтобы помогать папе на великих церковных торжествах, и являются примером тех приходских владений, не больше приходов, над которыми мы находим "епископов", возглавлявших их в то время, когда - за исключением великих столичных сеймов - епископы были не более чем сельскими деканами.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ПЕТРА

По мере роста Церкви эти пресвитеры первоначальных "титулов" или приходских церквей Рима, вместе с региональными диаконами города и пригородными епископами, становились кардиналом или главным римским духовенством, и со временем привилегия быть частью, даже только в титулярном смысле, этого корпуса пресвитеров и диаконов великого Римского престола, стали жаждать не только римляне, и Папа создавал митрополита иностранного престола или какого-нибудь выдающегося иностранного церковного деятеля кардиналом-священником или кардиналом-диаконом Святой Римской Церкви. К одиннадцатому веку кардиналы Римской церкви становятся признанным органом, Сенатом Папы, выборы которого постепенно ограничиваются только их руками. В следующем веке народное

голосование - голосование духовенства и народа Рима - полностью упраздняется, и отныне выборы папы принадлежат исключительно коллегии кардиналов, чьи привилегии и достоинство были еще более расширены в конце XIII века Бонифацием VIII.

Поэтому кардиналы являются почетными приходскими священниками Рима, номинально занимая место пресвитеров римских *титул* и дьяконов римских областей; и хотя иностранный кардинал, конечно, не может быть также местным приходским священником в Риме, он обязан назначить "викария", чтобы представлять его. Шесть пригородных престолов всегда занимают шесть старших кардиналов *di curia*, то есть кардиналов, проживающих в Риме, среди которых всегда есть кардинал-викарий Папы, и они называются кардиналами-епископами. Кардиналы-священники обычно находятся в епископских орденах, а кардиналы-дьяконы - в священнических орденах. Каждый кардинал-священник или дьякон берет свой титул из одной из римских церквей и называется *Иоанн-кардинал-священник* (или дьякон) *из титула святых Иоанна и Павла на Келии*. Самые древние пресвитерские титулы можно найти в отдаленных районах - Св. Андреа и Грегорио, титул архиепископа Мэннинга, С. Клементе, С. Приска, С. Бонифация и Алесслио или Св. Эусебио на Авентине и Эсквiline, а также в старых церковных фондах в Трастевере. Диаконские титулы, напротив, можно найти в центре, в соответствии с древними районами - С. Мария ин Аквиро за площадью Колонна, Святой Адриано на Форуме или Святой Георгий - титул Джона Генри Ньюмана - в старинном квартале Велабрум.

В течение восьмисот лет Папу выбирали из числа дьяконов Рима, и при избрании его посвящали в епископы; позднее Папу стали выбирать из епископов, но если, как бывало, избирали мирянина, он сразу же принимал три главных ордена. Человек, находящийся в диаконском сане или мирянин, также может быть удостоен сана, но в этом случае он может оставаться в диаконском сане или, если он мирянин, принимать простые малые саны. Последний диакон в Коллегии кардиналов был создан Пием IX. Он был членом Высшего совета в "сороковых годах" и в этом качестве входил в состав депутации, посланной римлянами после бегства в Гаэту, чтобы умолять Пия IX вернуться в Рим. Депутация не была даже принята. Антонелли, государственный секретарь этого папы, был еще одним кардиналом, который никогда не был в сане священника.

Кардинал называется *креатурой* папы; к моменту смерти Льва XIII единственным оставшимся в живых кардиналом из креатуры Пия IX был кардинал-камергер Орелья ди Санто-Стефано, так что Лев вполне мог заявить словами одного из своих предшественников, со ссылкой на S. John xv. 16: "Не вы избрали меня, а я избрал вас".

Полное число римских кардиналов составляет семьдесят человек. Около двадцати пяти из них постоянно проживают в Риме и образуют папскую *куру*, или административный совет Церкви, имеющий постоянный вход в Ватикан. Они являются главными членами Римских конгрегаций, Конгрегации обрядов, Инквизиции, Индекса, Епископов и Регуляров и т. д., через которые осуществляется управление всеми церковными делами. Кардиналы *di curia* получают сумму в двадцать четыре тысячи франков в год, или менее тысячи фунтов. К этому добавляется специальная стипендия за работу в качестве членов различных конгрегаций.

Однако до 1870 года их положение было совсем иным. Тогда они получали большие доходы, а их приходы и уходы сопровождалась определенной царственностью; а в предыдущие века, когда капитул, как и любое другое светское отличие, часто присваивался простым молодым людям и мирянам, их богатство, роскошь и великолепие их образа жизни были непревзойденными в Риме, а власть и положение какого-нибудь кардинальского племянника или родственника Папы уступали только его собственным.

Кардиналы создаются - и этот процесс длителен и тщательно разработан - на специальном собрании Папы и его Совета кардиналов, известном как Консистория. На предварительном и тайном собрании Папа предлагает имена тех, кого он хотел бы удостоить чести, собравшимся советникам, и, как пережиток древнего обычая спрашивать согласия народа на избрание епископа или дьякона, задает вопрос: "quid quis videtur?" задается при оглашении каждого имени. Однако кардиналам не предоставляется возможности выразить несогласие, от них ожидается лишь, что они встанут, снимут свои *берреты* или строгие шапочки и поклонятся в знак согласия. Папа может, и часто делает это, держать "в груди", *in petto*, имя какого-либо кандидата, если считает это целесообразным. Но этот кандидат все равно предстает перед консисторией для последующих формальностей.

На другой тайной консистории Папа сначала закрывает рты новоиспеченным кардиналам, а затем объявляет их открытыми со словами: "Я открываю ваши уста, чтобы в консистории, в конгрегациях и в других церковных функциях вы были услышаны во имя Отца, Сына и Святого Духа".

Самая важная из всех этих церемоний - публичная консистория, проводимая в одном из больших залов Ватикана, и до 1870 года это был "праздник" первой величины. Новые *порпораты*, носители пурпура, с триумфом проезжали по улицам на нарядно украшенных лошадях, в своих алых одеждах и шапках; их сопровождали группы церковников, пешие и конюхи, папские гвардейцы и сопровождающие; стреляли пушки и звонили церковные колокола, и римский народ никогда не был так счастлив, как при движении процессии, толпившейся на улицах. Достигнув Ватикана, избранные кардиналы приносят клятву в Сикстинской капелле, а затем в сопровождении двух кардиналов-дьяконов в качестве спонсоров, идущих по одному с каждой стороны, их вводят в присутствие Папы.

ИНТЕРЬЕР СОБОРА СВЯТОГО ПЕТРА, БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ СВЯТОГО ПЕТРА

Статуя, происхождение которой неясно, находится рядом со святилищем апостола, и крестьяне и семинаристы целуют протянутую ногу, а затем касаются ее лбом. См. страницу [11](#).

Папа восседает на троне в полном штате, окруженный своим двором, все кардиналы в большом полукруге вокруг него, кардиналы-епископы и священники справа от него, кардиналы-дьяконы слева - носильщики поезда сидят на подставках у их ног. Преклонив колени на ступенях трона, новые кардиналы целуют ногу, руку и щеку понтифика; затем они

поднимаются и обнимают всю коллегия в порядке старшинства, и в качестве заключительной церемонии они снова преклоняют колени перед Папой, капюшоны их плащей накидывают на их головы два церемониймейстера, а кардинальскую шляпу держат над ними, пока Папа обращается к каждому из них с несколькими словами. Новые кардиналы занимают свои места в соответствии с только что присвоенным им рангом, а завершается церемония благодарственной речью Папе, произнесенной по его возвращении в свои апартаменты, и песней *Te Deum* в Сикстинской капелле. Во второй половине того же дня по улицам Рима спешат курьеры и посыльные. Новую красную шапочку счастливому получателю несет "монсеньор папского гардероба", ракет и алую *беретту* - менее важные функционеры, и всех и каждого надо поблагодарить, развлечь и по возможности вознаградить. Государственный секретарь, все кардиналы и папские чиновники, а также личные друзья и частные лица спешат нанести поздравительные визиты (*visite di calore*) новым кардиналам; и по королевской моде на государственные звонки нужно немедленно отвечать. Если кардинал - иностранец и находится вне Рима, шляпу ему подносит специально назначенный папский посланник, а в католических государствах ее с большой церемонией вручает государь.

Шляпа кардинала, которая в свое время была предметом облачения, теперь является лишь символом. Она из красного сукна, с широким околышем и неглубокой короной, а по обеим сторонам висят пятнадцать красных кисточек, число которых обозначает церковный ранг владельца. Со дня вручения шляпа хранится до смерти владельца, когда ее снова выносят, чтобы повесить в какой-нибудь боковой часовне его титулярной церкви, где она остается до тех пор, пока не рассыплется от старости.

Одна из первых обязанностей нового кардинала - вступить во владение своей титулярной церковью, и в былые времена это было еще одним поводом для помпезности и показухи, а гвардейцы Папы присутствовали в полном парадном облачении. Теперь кардинал спокойно едет в своей мрачной закрытой карете. У дверей церкви он избавляется от матерчатого плаща и шляпы и в струящемся алом шелке проходит по нефу, одаривая всех благословениями. Он садится на свой трон в алтаре, викарий прихода зачитывает ему обращение на латыни, на которое он отвечает, затем его приветствуют все священнослужители прихода в порядке старшинства, заканчивая аколитами, и "вступление во владение" заканчивается. Однако он должен подарить церкви свой портрет, написанный маслом, который висит в нефе вместе с портретом правящего папы; а также большой эскулап своего геральдического герба, украшенный цветной эмблемой и увенчанный красной шапкой с кистями, который помещается над главным входом в здание и который вместе с папским гербом является внешним и видимым знаком титулярной церкви. Как князья Церкви, кардиналы пользуются княжеским отличием, выставляя свои гербы в залах своих домов, прикрепленные к стене и укрытые под шелковым балдахином. Кроме того, они должны иметь трон и тронный зал, но в отличие от светских князей Рима, которые имеют право на ту же привилегию, их троны повернуты к стене и переворачиваются только во время вакансий Святого престола, когда они могут быть использованы их владельцами, которые на время становятся государями и правителями Церкви.

Ни одна большая церковная церемония не обходится без кардинала, который своим присутствием делает ее торжественной, но за исключением таких случаев, как этот, римских кардиналов мало кто видит из случайных посетителей города. Их тяжелые кареты, выкрашенные в черный цвет, запряженные черными лошадьми, упряжь которых не украшена латунью или пластинами, проезжают по улицам незамеченными. Лишь изредка на Яникуле или за городскими воротами в прекрасный полдень можно увидеть кардинала на

прогулке, его слугу на незаметном расстоянии позади него, а его карета следует за ним на расстоянии пешего шага. До 1870 года улицы Рима оживлялись блестящими экипажами кардиналов. Кардинал владел двумя или тремя каретами, которые использовались в зависимости от требуемой степени состояния. По торжественным случаям он ездил в Ватикан на всех трех, чтобы перевозить себя и свою свиту, а его парадная карета, запряженная шестеркой лошадей с постильонами и стоящими лакеями, была блестящего алого цвета и так великолепно позолочена и расписана, что стоила более тысячи скуди.

КАРДИНАЛ НА ВИЛЛЕ Д'ЭСТЕ

Вилла д'Эсте в Тиволи была резиденцией покойного принца-кардинала Гогенлоэ. См. [вклейку, стр. 106](#).

В период своего наибольшего великолепия кардинал нередко имел хозяйство из нескольких сотен человек, и хотя впоследствии это число значительно сократилось, значительная свита слуг, секретарей, домашних капелланов и разного рода прислуги всегда считалась необходимой для его княжеского состояния. Главным среди них был его *джентилуомо*. Этот джентльмен действительно был его постоянным "проводником, философом и другом"; он ездил с ним, наносил за него визиты, развлекал его друзей, а в прекрасном елизаветинском платье из черного бархата, с шелковыми чулками, кружевными оборками и рапирой, он был рядом с ним на всех государственных и церковных церемониях. *Джентилуомо* кардинала Виземана до сих пор живет в Риме, где он принимал гостей нового кардинала во дворце Консульства напротив Квиринала, который в то время занимал Пий IX, и помнит, как кардинал взял с собой в Англию официальный костюм для своего английского заместителя. В наши дни, когда мирская роль кардиналов утратила свое значение, ничто лучше не иллюстрирует недостойное подчинение гражданской карьеры церковной, чем положение кардинальского *джентильомо*. Одетый в брюки до колен, со шпагой наготове, этот служитель, который принадлежит к хорошей *буржуазии* и может быть архитектором или инженером, можно увидеть на каждой кардинальской мессе, ожидая вместе со служителями и представляясь в одном или двух случаях во время церемонии с фужером и тазиком, которые он предлагает, стоя на одном колене, пока кардинал оmyвает кончики его пальцев.

Туристы, которые, как правило, готовы пройти любое расстояние и протиснуться сквозь любую толпу, чтобы увидеть алые одежды, охотно верят, что кардинал обычно живет в мантии из красного шелка, с белой меховой опушкой вокруг плеч. На самом деле его красные одежды предназначены только для государственных случаев - либо для присутствия при папском дворе, либо для больших церковных церемоний. В обычной жизни он носит простую черную рясу с красным кушаком, красными пуговицами и шелковыми оборками, и поэтому его нелегко отличить от других прелатов, чья шелковая отделка имеет все оттенки от малинового до пурпурного. Государственные одеяния алого цвета действительно очень великолепны. Сутана из светло-алой ткани имеет шлейф; поверх нее надевается белый рокет, отделанный глубоким кружевом, а поверх него - *сарра magna*, объемный круглый плащ из красного полинялого шелка, с одним отверстием для головы. Спереди она собрана до локтей, а сзади ниспадает широким шлейфом, который несут пажи или аколиты. Чулки, перчатки, шапочка-черепа и *берретта* - алого цвета. *Каппа magna* имеет капюшон, заостренный сзади и образующий спереди нечто вроде накидки на плечи, которую в зимние месяцы покрывают белым горностаем. Каноники римских базилик носят *сарра magna* из пурпурной ткани, но им не разрешается расстилать ее, она должна быть туго свернута в длинную веревку и продета через петлю сбоку.

На светских приемах кардинал надевает свою черную сутану с красным поясом, а поверх нее - струящийся с плеч плащ из алого шелка. Если повод важный, у ворот дворца его встречают двое слуг с зажженными факелами, которые сопровождают его по лестнице до дверей *салона* и там ждут его отъезда, после чего снова провожают до кареты. Когда кардинал облачается в этот парадный наряд, он надевает в качестве верхней одежды великолепный суконный плащ с многочисленными накидками пурпурного и темно-красного цвета, а также красную священническую шапочку, вокруг которой обвивается красно-золотой шнур, отделанный мельчайшими кисточками в количестве необходимых пятнадцати штук.

Самая ответственная и трудная обязанность Коллегии кардиналов - конклав, когда от их единого голоса зависит избрание будущего главы Церкви. Со смертью папы их положение мгновенно меняется с подвластного на владыку, и на время судьбы Церкви оказываются в их руках. Они принимают депутации и государственные визиты, сидя на своих тронах, ездят в своих каретах одни на главном сиденье, ни один из их спутников не имеет достаточно высокого ранга, чтобы сидеть рядом с ними, а первый из них, кардинал-камергер, сопровождается отрядом швейцарской гвардии и прикладывает свою печать к папским документам.

ВИЛЛА Д'ЭСТЕ - ТРОПА СТА ФОНТАНОВ

Вряд ли соответствуют этому царственному состоянию действующие до сих пор правила проведения конклава, которые, мягко говоря, устарели. Заключение, которому обязаны подчиняться кардиналы, является самым строгим, а для его поддержания привлекается светская власть в лице маршала конклава, римского дворянина, который со своими офицерами и подчиненными осуществляет полный контроль за пределами здания.

Привыкшие к просторным помещениям и многочисленной прислуге, кардиналы теперь вынуждены ютиться в крохотной квартирке из двух комнат в ограниченном участке Ватиканского дворца - правила предписывают одну келью, - им положены один камердинер и один секретарь, а два цирюльника и один духовник считаются достаточными для бритья и бритья всей коллегии. От роскошной жизни они перешли к питанию, приносимому в их кельи слугами, и правила допускают постепенное сокращение *меню* до окончательной диеты из хлеба и воды, как средство давления на избирателей и, таким образом, ускорения их согласия. Этот жесткий метод уже не раз опробовали в прошлом с различными результатами.

Когда кардиналы собираются в Сикстинской капелле, им предоставляется трон, перед которым стоит небольшой столик с чернилами и бумагой. Над тронем находится балдахин или *балдахино* - эмблема суверенитета. Они хитроумно снабжены шарнирами, и когда объявляется избрание нового папы, все балдахины складываются, кроме одного, оставляя избранного члена коллегии одного, сидящего на троне под своим *балдахин*ом, государя среди своих подданных.

ГЛАВА XI

РИМ ДО 1870 ГОДА

Незнакомец, оказавшийся в Риме за неделю до 20 сентября 1870 года, заметил бы странное ожидание, а также странную апатию римлян. "Итальянцы" осаждали их город, и когда им вздумается войти, они войдут. Папа не стал им сопротивляться, и никто в его городе не считал своим делом умереть мучеником за такое дело. Несколько рабочих, получивших приказ возвести баррикаду, с большим трудом и не без жалоб принялись за дело, заявляя, готовя инструменты и топая по раскаленной под сентябрьским солнцем дороге: "*ci vuole molto vino per queste cose, molto vino*". В пять часов утра 20-го числа началась бомбардировка, а в десять в Риме был поднят белый флаг. После этого в городе воцарилась тишина, все не выходило за двери, а улицы патрулировал папский разбойничий корпус. Так бесславно закончилась "вотчина Петра", историческая власть пап.

ТЕАТР МАРЦЕЛЛА

Начатый Юлием Цезарем и завершенный Августом, который посвятил его сыну своей сестры. См. стр. [30](#), [160](#), [168](#), [228](#).

Приветствовали или осуждали римляне приход "италийцев"? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны помнить о политических событиях, предшествовавших 1870 году, и о различных элементах, представленных в городе. В сентябре 1870 года, когда итальянцы вошли в город, Рим был уже завоеван для Италии, Папа не мог оказать никакого эффективного сопротивления итальянскому оружию, итальянское единство было уже признанным фактом; оставалось только овладеть Римом как центром и столицей этого политического единства,

поскольку Виктор Эммануил, из уважения к Понтифику, установил свою столицу сначала в Турине, а затем во Флоренции. И события, которые привели к этому результату, не были ни гармонией между Папой и его подданными, ни годами мира в папских государствах. Когда в 1846 году Пий вззошел на трон, люди уже устали от старомодных методов Григория XVI, и не успел Джованни Мастаи-Ферретти быть избранным, как римляне потребовали от него конституцию, парламент, замену мирян на клерков в различных департаментах исполнительной власти. Пий IX дал конституцию и парламент из мирян. Он сделал больше. Против голосов своих кардиналов он объявил всеобщую амнистию политическим преступникам, и, как гласит история, когда он увидел ряды запрещающих черных шаров, которые бросили кардиналы, он поднял свою маленькую белую шапочку и, накрыв ею шары, сказал: "Я сделаю их всех белыми", и так амнистия была объявлена.

Часто говорят, что либеральные порывы Пия IX и его готовность откликнуться на народные крики были оплачены возмутительной неблагодарностью, и что римляне заставили его бежать из Рима с риском для жизни, чтобы в уединении в Гаэте поразмышлять о тщетности либеральных притязаний пап. Но римляне были не просто неблагодарны, они хотели большего, они считали, что имеют право на большее, и то, чего они хотели, было больше, чем мог уступить любой папа. Они требовали современной цивилизации, а папство представляло древнюю цивилизацию. Первоначальные требования не были требованиями принца, который имеет власть давать и не давать то, что его просят. Они были частью политической кампании, целью которой должно было стать уничтожение мирской власти. Приказы Мадзини "Молодой Италии" устраивать одну демонстрацию за другой под окнами Квиринала, после предоставления одной свободы возвращаться на следующий день и требовать другой, пока положение папы не станет невыносимым и невозможным, - не самое приятное чтение; в их пользу можно сказать лишь то, что революционные летописи ни одного другого народа не дают ничего лучшего.

Пришло время, когда люди, жившие в контакте с Италией за стенами Рима, в контакте с идеями, которые были завоеванием девятнадцатого века, не могли признать, что у управляемых есть только обязанности, а у правителя - только права, или примирить с современным идеалом гражданской жизни представление о князе-епископе, управляющем подвластным народом в силу теократической идеи, абстрактной идеи, что определенные временные права выпадают - к счастью для всех, - на долю наместника Иеговы на земле. Придет время, когда существование такой претензии, существование такого правительства через мгновение после того, как оно откликнулось на всеобщее настроение, будет казаться самой странной басней. Будут ли это лучшие или худшие времена? Одно лишь будущее знает, что оно готовит, но мы можем лишь сказать, что эти времена не могут быть хуже некоторых из тех, что папство создало для римлян. Этого соображения в любое время было бы достаточно, чтобы сделать пребывание римских епископов у власти шатким, но оно ни в коем случае не было одиночным. К этому следует добавить подъем итальянского патриотизма, страстный призыв к объединению Италии, к тому, чтобы страна раз и навсегда освободилась от тирании, безнравственности, от пагубной мелочности, которая цеплялась за княжеские и герцогские правительства, и заняла свое место среди народов.

Таким образом, в сентябре 1870 года чувства в Риме были очень смешанными. Значительная часть населения помогала готовить *развязку*, зная, что ее наступление - лишь вопрос времени; другие, члены верных римских домов, использовали голос и влияние, чтобы склонить папу к проведению необходимых реформ, и впали в уныние, когда Пий по возвращении из Гаэты издал свое *non possumus* и погрузился в угрюмый непримиримый реакционизм. Оставалась многочисленная армия священников, папские чиновники и

служащие, кардиналы и их многочисленный персонал, религиозные ордена и конгрегации обоих полов и сотни и сотни зависимых от них людей, папская полиция и солдаты с семьями. Были и великие семьи, обязанные своими титулами и состоянием папе, те, кого общая благодарность или честь держала рядом с ним. И, наконец, были *popolino*, невежественные бедняки, не тронутые современными стремлениями, социалистическими теориями, живущие изо дня в день, из рук в рот в самом строгом смысле, без амбиций, без "стандарта комфорта" или человеческого достоинства - готовые упасть на колени в любой час дня, когда проходил Папа "*Dio in terra*", агапэ при виде последнего королевского гостя во дворце их понтифика, довольные тем, что встречают несправедливость хитроумным мошенничеством, подслащивают жесткие буфеты жизни *изяществом*, необходимым для какой-нибудь мелкой махинации, какой-нибудь подлой мести. Те человеческие страсти, которые лежали за пределами удовлетворения голода и жадности к зрелищам, удовлетворялись периодическими восстаниями и дикой нелояльностью, привычными для беспокойного римского народа. И то, что относилось к населению, в какой-то мере относилось и к мелкой *буржуазии*. Всегда есть те, кому легче и приятнее держаться в рамках маленьких радостей и маленьких страданий, маленьких достижений и маленьких рисков. Были тысячи таких людей, которые хорошо относились к папству и могли проиграть только в соперничестве с чужаком, к которому они, по своей подготовке и таланту, были не готовы.

ОСТРОВ НА ТИБРЕ - ISOLA SACRA

Справа - Фабрицианский мост, слева - мост Цестия (*pons Cestius*), соединяющий остров с Трастевере. См. стр. 7, 229, 240.

Они были "для Папы". Не потому, что у него было божественное право находиться в Риме, а потому, что они по отдельности и все вместе процветали под его властью. Они процветали, потому что там не было голода, потому что, хотя там были антисанитарные лачуги, там не было притонов голодающих людей, которые не могли получить ни хлеба, ни работы - если кто-то нуждался в хлебе, они бросали *прошение* в карету Папы, и он отправлял его им, когда

возвращался домой. Они процветали, потому что "там, где невежество - блаженство, глупо быть мудрым", и ни одна волна беспорядков, ни один из видов невежества и ни одно из видов благородства более напряженной жизни не обошли их стороной. Папское правительство по сравнению с современным европейским было как мушкетон в современном арсенале, но хотя оно было совершенно неэффективным, хотя люди под его опекой просто доживали свой век, имея достаточно еды, и поколение сменяло поколение не лучше и не хуже тех, кто был до них, - это было честное правительство в финансовом смысле. Народ не облагался налогами, цены действительно держались на низком уровне, чтобы его не обижать, а подданные Папы не эксплуатировались для пополнения его кассы. В странной мешанине римских идей казалось, что для достижения этой цели лучше использовать методы юбилейного года, которые эксплуатируют душу иностранца. Папское правительство не занималось казнокрадством, но ненавистные *sbirri* - папская полиция - часто были ответственны за пропажу тюка ткани или кражу со взломом, и ребенок, которому тетя оставила состояние, только повзрослев, узнавал, что *куратор* Пантеона, который был сделан *erede fiduciario* (доверенным лицом) и исполнителем завещания, не был тем самым единственным бенефициаром. Управление во всех департаментах было проще, чем сейчас, и пороки нынешней бюрократии не были известны, но это было правительство привилегий и покровительства; "при котором джентльмен мог жить", сказал один ирландец, но непривилегированный человек мог оказаться в тюрьме за то, что не преклонил колени, когда проходил Папа. Один английский скульптор, помнивший времена Григория XVI, сказал мне, что Рим был раем для художников, которые в своих бархатных куртках и фетровых шляпах делали то, что казалось хорошим в их собственных глазах, и никто им не мешал. Любопытные путешественники с семьей и состоянием - это было еще до появления туристов Кука - пользовались всеми свободами под гостеприимным папским правительством, кроме свободы говорить или писать о политике и религии, и не страдали ни от чего, кроме случайной потери газеты или книги, которые папское правительство останавливало на границе как способные нарушить душевное спокойствие римлян. Они жили в живописном мире, который на каждом шагу напоминал о средневековье, куда не проникал прозаический мертвый уровень, до которого справедливость и цивилизация низвели остальную Европу, и восхищались в Риме и для римлян тем, что в своей собственной стране они осудили бы в парламенте или "*Таймс*" как нетерпимые злоупотребления. С 1848 года в Риме стали применяться политические меры, недостойные Святого престола, хотя до 1870 года они были смягчены. Несколько студентов-художников, подготовивших бенгальский фейерверк для празднования годовщины победы над французами при Порто-Сан-Панкрацио, были приговорены к двадцати годам тюремного заключения. Аналогичный приговор был вынесен "некурящему" (отказ от курения был протестом против папства за счет его табачной торговли), который вступил в перепалку с "курящим", и этот варварский приговор был с энтузиазмом поддержан таким журналом, как *Civiltà Cattolica*. Commendatore Silvagni, который приводит эти и подобные случаи в своей книге "*Corte e Società romana*", пишет действительно как человек, слишком уязвленный тем, что он видел, и слишком близкий к тому, что он описывает, чтобы представить это в перспективе, и он кажется настоящему писателю предвзятым гидом по Риму до 1870 года. Смута и заговоры встречали скудные церемонии в руках каждого народа и каждого князя по очереди, и то, как Пий IX обращался с "патриотами", не отличается от того, о чем можно прочитать в истории любой другой страны.

Что было характерно для папских государств, так это смешение духовного и мирского; особый скандал происходил от объединения этих двух властей в одну, причем мирское использовалось для принуждения к "духовному", а духовное - для помощи мирскому. Зрелище священников, ваших "отцов в Боге", ваших духовных наставников, отдающих приказы о публичных порках, а то и публичных пытках мужчин и женщин, вряд ли могло

назидать или цивилизовать; Григорий XVI отменил эти публичные кастрации, которые раньше проводились на *Кампо-де-Фьори* (под аркой, которую еще можно увидеть), но Антонелли попытался возродить их на *Пьяцца-дель-Пополо* в 1856 году. Другие средневековые варварства прекратились в тот день, когда итальянцы вошли в Рим, среди них - *гетто*.

СТУПЕНИ АРА КОЭЛИ

Церковь, занимающая место сабинского аркса. См. стр. 6, 86, 230-31.

Народ, как мы видим, не облагали налогом, но и не учили. На некоторые предметы было наложено полное табу, в том числе и на современную историю. Мракобесие царило повсюду. Девочек учили читать, чтобы они могли читать свои молитвы, но не учили писать, чтобы они не писали любовные письма. Это было типично для папской системы. Вы лишали ребенка света, чтобы он случайно не обжегся, и проводили ту же политику в отношении взрослых. Никакого обучения, никакой информации, никакого воспитания интеллектуального или нравственного человека. Девочки часто с рождения предназначались для женского монастыря, а постриг был неизменным средством против брака, неприятного для родителей или даже братьев, дедушек, бабушек или дядей жертвы. Никто не отрицает, что это обязательное ограждение было широко распространено в Риме. "Вам не стыдно читать, идите и вяжите чулки", - крикнул иезуит бедной даме, которая сидела за чтением в своей карете на Корсо, когда достойный отец, читавший отступление для женщин, переходил улицу. Многие из бедных дам в монастырях становились имбецилами, настолько пустым был их разум, настолько бессодержательной была их жизнь, и в наши дни римская община из тридцати монахинь нуждалась в услугах не менее чем тридцати одного исповедника. Образование, которое получали мальчики из хороших семей, отправляло их домой с манерами и жестами многих маленьких *аббатов*. Детские игры были замазаны той же кистью, той же всеобщей глупостью. Маленькие мальчики наряжались священниками и совершали мнимые мессы или передвигали куски белого картона, изображающие хозяина, объясняя своим маленьким сестрам, что такие торжественные забавы не для "злых девочек".

Иногда природный талант, природное остроумие и нравственное мужество девушки могли обеспечить ей роль и позволить доминировать, а не быть спортом обстоятельств. Но юноши, как правило, становились жертвами той слабости, которая делает их жертвой страха перед насмешками в школьные годы, усиленного обучением, которое делало невозможным самостоятельность и саморазвитие. Так, один из Дориа, семьи, давшей своей стране героев, младший брат того Дориа, чье имя английской жены *Мари* вырезано на живой изгороди на вилле Памфили, разбил сердце благородной Виттории Саворелли, потому что его дядя, от которого он был независим, возражал против их помолвки. Один римский *марчезе*, получив удар по лицу от другого римлянина посреди Корсо в полдень, поспешил посоветоваться со своим духовником, какие меры ему следует предпринять, и мы не удивлены, узнав, что он смог последовать предложенному совету и "терпеливо перенести это". Есть история о *брате*, который мог бы научить его по-другому. Когда он переходил через мост, один человек ударил его по щеке; добрый *брат* тут же повернул другую, затем поднял своего человека и бросил его в реку, потому что, как он объяснил, Евангелие предписывает подставить другую щеку обидчику, но не говорит ему, что он должен делать после этого.

Яростный свет гласности изменил жизнь римского духовенства и религиозных деятелей с 1870 года. Те римские священники, которые сами живут без упрека, признаются, что "революция" принесла им это значительное благо. *Академия церковных дворян*, которая принимала обедневших дворян, рукополагала их, и отправляла в *двадцать пять лет* править папскими провинциями в качестве префектов, была благодатной почвой для развращенного прелата. Гордое и благосклонное отношение, с которым римляне, несмотря на многие промахи, относились к папам, не распространялось на крупных папских чиновников, которые, начиная с *губернатора Рима* и ниже, не переставали подавать народу скандальный пример вплоть до того момента, когда "итальянцы" вошли в город.

Скажете: этих людей хотя бы учили религии? Их учили религии так же, как и всему остальному, то есть никак не учили. Они знали, что нужно слушаться папу и повиноваться священнику, что ты будешь проклят, если не пойдешь на исповедь и не отслужишь мессу. Но они считали, что одна Мадонна услышит их прошения лучше, чем другая ("*Non andate da quella, non vale niente*" - "Не ходите к этой, она нехороша") и что экзорцизм - более надежное средство от клопов, чем чистота. Они никогда не слышали ни одного стиха Евангелия, и молодые люди из высшей *буржуазии* узнали свою религию, если узнали ее вообще, после 1870 года, когда они выросли и стали думать и читать самостоятельно. Такие люди, многие из которых принадлежат к *Circolo San Pietro*, и сегодня являются главной опорой разумной и верной религии в городе. До 1870 года в Риме царило настоящее невежество в отношении доктрин, красот и обязанностей христианства. Единственным моментом, выбранным для большого религиозного впечатления, было, конечно, первое причастие. Мальчиков и девочек тогда заключали в тюрьму и восемь дней проводили в благочестивых упражнениях и наставлениях. Сыновья бедняков отправлялись в *Капеллетту Сан-Луиджи* в Понте-Ротто, благополучные - в то же заведение возле Санта-Мария-Маджоре. По другую сторону базилики девочки из благополучных семей готовились в *Bambin Gesù*, а бедняки - в *San Pasquale*. Меня заверили, что в Понте-Ротто эффект от этих восьми дней, проведенных в религиозном доме, часто менял жизнь мальчиков с порочными наклонностями. В других классах обращение к нереальным эмоциям не всегда было столь успешным, и девочки в Бамбине Джезу, одетые в строгие непривычные привычки религиозных, часто общались с одним страхом, наполнявшим их разум, что они могут случайно совершить "грех" - прикоснуться зубами к хозяину. Не менее ошибочным был обычай "шести воскресений", когда и девочки, и мальчики в течение шести недель причащались "в честь целомудрия святого Льюиса Гонзага". А затем, как говорят итальянцы, *buon viaggio*; вероятно, они больше

никогда не причащались, разве что в качестве "пасхальных агнцев" на Пасху. Конечно, они общались и тогда. У перил, в тот момент, когда они принимали хозяина, им вручался билет с названием прихода и каким-нибудь благочестивым латинским стихом. К этому билету причащающийся прикладывал свое имя и адрес, и никакая помощь, никакая "grazia" не оказывалась, кроме тех, кто получал этот билет. Имена тех, кто не причащался, вывешивались на дверях церкви. Таким образом, не только все, кто мог по совести, причащались один раз в году, но и те, кто не мог и не хотел, прибегали к услугам женщины, которая занималась причащением каждый день или несколько раз в день во время Пасхи, продавая полученные таким образом билеты по франку или по два франка за штуку.

СТУПЕНИ ЦЕРКВИ СВВ. ДОМЕНИКО И СИСТО

Над ступенями *Маньянаполи*, которые ведут с Форума Траяна на Квиринальский холм. Их архитектором был Бернини. См. стр. 231.

Это была одна из неизбежных деградаций теократии. Другая - люди, которых заставляли за работой в своей мастерской, в задней лавке, в частной комнате, на *праздниках*, арестовывались и заключались в тюрьму иногда на несколько дней. Респектабельные граждане, которые оказывались вынужденными закончить работу за закрытыми дверями таким образом, подвергались позорному и бесполезному наказанию, которое, конечно, не было направлено на воспитание их собственного религиозного чувства или чувства их семей и детей. Шпионов при таком правительстве всегда было легко найти, а этот и подобные ему законы давали широкие возможности для частной мести. Нельзя было демонстративно воздерживаться от посещения мессы, а если вы были бедны, то и вовсе не могли воздерживаться, ведь римские приходские священники - это столько же гражданских магистратов с определенными полномочиями, и если ответы на их многочисленные вопросы не удовлетворяли, то это было еще хуже для домохозяина и его перспектив. Одним из способов узнать о личных делах людей были слуги, которые выступали в роли шпионов, докладывая обо всем в *парокко*. Пинелли, знаменитый дизайнер и гравер, чей бюст сегодня украшает Пинчио, никогда не был набожным или даже респектабельным, оплатил старухе, сообщившей о его привычном отсутствии на мессе, тем, что каждое утро между половиной четвертого и пятью звонил по соседству и в ответ на обычное "*Chi è?*" кричал "*è Pinelli che va a messa*"; он не переставал звонить в дверь своего врага, пока она не вставала с постели, чтобы услышать его сообщение. У карабинеров теократии тоже была смешанная служба. Для капризных людей, требующих мяса в пятницу или постный день, отводилась отдельная комната, и карабинеры входили в рестораны и закусочные, конфискуя блюдо, которое дымилось перед клиентом, если это правило не соблюдалось. Более того, во главе каждого департамента стоял кардинал; римская жена политического изгнанника однажды рассказала мне, каким испытанием для молодой женщины было пройти *через все* эти канцелярские департаменты, если ей нужно было попросить о какой-то услуге для изгнанного мужа.

Но если они были неграмотными и суеверными, были ли люди в те времена лучше, чем сейчас? Сравнения, которые мы иногда слышим, не совсем справедливы по двум причинам. В наши дни в Риме среди низших и полуобразованных слоев населения наблюдается то отсутствие морального равновесия, которое несет с собой революция идей. Нравственную Италию еще предстоит создать, как и нравственное единство Италии тоже пока только формируется. До 1870 года, с другой стороны, те, кто был верен стандарту, поставленному перед ними тогда, были верны тому, что никогда не было лучше, чем бедный и низкий идеал поведения, чувств и религиозного долга. Папский стандарт не требовал ни утонченности чувств, ни воспитания совести: Никого не смущало, что в магазине висит варварское объявление "*Qui si castrono per la cappella papale*", или что в народе ходила история о том, что когда Гвидо Рени писал свою картину Распятия перед живой моделью, прикрепленной к кресту, он убил ее в последний момент в своем безумии увидеть и схватить смертный бой и бежал из города; но святой отец отпустил его, потому что, как вы можете видеть, это *saro d'opera*. А беднягу убили, чтобы сделать прекрасное изображение Того, Кто претерпел смерть, чтобы научить нас жалости друг к другу? *Ebbene, poveretto....* Папа подобен Немезиде, подобен слепым силам природы, подобен лавине, падающей горе или землетрясению - не моральная сила, а вес власти. Как вы можете убедиться сами, зайдя в Сан-Лоренцо-ин-Лучина, работа - это *saro d'opera*, и Папа знает об этом лучше вас. Моральные суждения молчат перед весом авторитета.

Мой рассказчик, желавший лишь возвеличить великую картину, а не поднимать моральную проблему, всегда носил с собой бумагу, благословленную папой и обладавшую необычайной эффективностью, то есть она была испанской и испещрена письменами, в каждом углу было что-то благочестивое, и никто из тех, кто носил ее, не мог умереть нераскаянным. Доказательства были изложены в самой благословенной бумаге, ибо один человек *действительно* умер нераскаянным, ему отрубили голову; но голову не били в лоб, она просто отправилась в ближайший город - а в таких случаях, как сказала Гиббону остроумная маркиза дю Деффан, *Ce n'est que le premier pas qui coûte* - и нашла священника (какой священник в таких обстоятельствах покажет себя наименее *бездарным*?), который сразу же исповедал голову, и на этом дело закончилось.

Рим до 1870 года даже внешне не был таким, каким мы видим его сейчас. Старинный город высоких дворцов с решетками на окнах, монастырей и церковей, руин невообразимой красоты, фонтанов с водой, капустных огородов и *орти*, апельсиновых и лимонных садов, которые на каждом шагу удивляли и радовали глаз. Главные улицы прямые, как римские дороги, пьяццы, в отличие от них, полны солнца, нестерпимого в полдень, начиная с мая. Город теснится на узких убогих улочках, где домашний быт ведется без упрека и без разбору - в бедных кварталах каждый третий дом, похоже, был прачечной, белье развешивалось поперек дороги на веревках, протянутых от окна к окну. И повсюду за неприметной дверью, за открытыми воротами открывается маленькая картинка, прохладный сад и фонтан, апельсиновые и лимонные деревья, изгиб реки, вид на Яникул или Авентин. Римский запах, пронизывающий все вокруг и достаточно характерный, чтобы, если вы вдруг окажетесь в любой части города, вы были уверены, что находитесь в Риме: а по ночам - другой запах, запах веков, нездоровый, проникающий, поднимающийся от почвы или свежее выпавшей земли и заставляющий поспешно закрывать окна в самый прекрасный из лунных вечеров. Обилие уличных криков, меняющихся в зависимости от времени года, и ночные серенады дополняют ту атмосферу шума ради шума и движения, которые необходимы итальянцу, шум дряхлых двуконных повозок, скрежещущих по мощеным улицам и управляемых плохими римскими водителями с непрерывным треском кнута и постоянным применением скрипящей ручки, винные повозки, лениво петляющие по улицам вечного города с ощущением бесконечного времени и пространства, рожденного долгими беседами с солнцем днем и луной ночью на пустынной *кампанье*, десяток маленьких медных колокольчиков, возможно, звенящих и звенящих у уха водителя - постоянный шум днем и ночью жизнелюбивого, болтливое, жалующегося, жестикулирующего, мятежного и остро наблюдательного народа. Город священников и иждивенцев, здесь нет промышленности, каждый день приводятся в движение огромные машины, не открываются фабрики, чтобы дать работу сотням квалифицированных рабочих. Все, кто не является священником, работают на священников или на монастыри. Маленькие мастерские можно увидеть в Борго собора Святого Петра, на Кампо Марцо, в арках театра Марцелла - в каждом маленьком дверном проеме сидит сапожник, на *пьяцце*, ведущих к большим церквям, в *праздники* толпятся продавцы религиозных картин и четок. Женские монастыри сами шьют себе одежду, а тысячи священников, семинаристов, каноников, монсеньоров, кардиналов и их помощников, а также ватиканских чиновников снабжаются рясами, мантиями, униформами, шляпами, беретами, колодками и насосами. В центре этой жизни, церковной даже для мирянина, кажется правильным, что, заметив движение и обернувшись к остальным, мы должны увидеть папский *кортеж* и Папу, вокруг которого вращается вся эта жизнь; центр этого города церковей и ряс, потому что он - центр гораздо большего мира. Ведь Рим таков, каков он есть, потому что его суверенный епископ является центром внимания того христианства, которое насчитывает наибольшее число приверженцев на земном шаре, а его Мекка - это его город, Рим.

САНТА-МАРИЯ-МАДЖОРЕ

Большой фасад базилики Либерики, первой церкви в городе, посвященной Мадонне. Справа находится военный госпиталь Сант-Антонио. До 1870 года в этом доме жили монахини-камальдолки, здесь же принимали Св. Франциска Ассизского, когда он впервые прибыл в Рим. Предполагается, что на этом месте находился храм Дианы. Колонна, обращенная к базилике, является одной из восьми коринфских колонн, которые поддерживали свод базилики Константина. См. страницы [34](#), [60](#), [145](#), [231](#) и [интерлисты](#), [страница 252](#).

Давайте проследим за пешеходом, который в один яркий апрельский день отправляется на послеобеденную прогулку из квартала Санта-Мария-делль-Орто на другом берегу Тибра, и посмотрим на Рим до 1870 года его глазами. Как и все хорошие итальянцы, он любопытен и переходит улицу, когда видит человека с большим продолговатым ящиком, покрытым черным водонепроницаемым материалом, который звонит в дверь монастыря - самая захудалая дверь в Риме может открыть доступ к месту самой оживленной монашеской жизни. Дверь открывает монастырская привратница, и, сняв крышку, наш друг видит *остии* - хозяйские вещи для монастыря, которые каждую неделю или две недели развозят по монастырям и церквям, сто здесь, двадцать там, в зависимости от необходимости. Проезжая мимо монастыря Санта-Мария-ин-Капелла, он бросает взгляд на прекрасный прохладный монастырский сад с лимонными деревьями и видит *корнету* "Дочери Франции", чье прошение о разрешении остаться и работать на французской земле было немедленно удовлетворено в то время, когда многие компании священников-монахов и монахов подавали тщетные прошения. Переходя реку по острову Тибра, он встречает процессию из церкви, расположенной неподалеку, с монахами-францисканцами, которые идут следом за братством квартала в своих знаменитых красных "мешках" или мантиях; священник в коротком сюртуке и посохе следует за людьми, несущими груз, все несут зажженные факелы и распевают *Miserere* или *Gradual* псалмы. Оставив Гетто далеко слева, он сворачивает на улицу, которая проходит мимо знаменитого римского дома облатов Тор де Спекки, и пересекает ее перед Капитолием и ступенями Ара Коэли. Он встречает множество священников, монахов и монашек, но многочисленные *suore*, которые можно увидеть в современном городе, бросаются в глаза своим отсутствием. Монахини, конечно, никогда не встречаются, облаты иногда ездят в больших закрытых ландаусах, подобных тем, в которых сегодня разъезжают кардиналы; но новым женским общинам трудно получить разрешение, а постоянный надзор, который уже не представляется возможным, сдерживает грибной рост "активных" конгрегаций. Чуть дальше он слышит звон колокола и догадывается, что из соседней приходской церкви Сан-Марко несут виатикум для какого-то больного или умирающего прихожанина. Через мгновение он видит знакомую процессию, аколитов с ладаном и колокольчиком, священника, несущего под *омбреллино* завесу, окутанную пеленой, женщины и мужчины, которые в это время находились в церкви или рядом с ней, следуют за ним с зажженными свечами и останавливаются под окнами больного, пока Господь посещает его - если бы было сыро, маленький темный узел людей под зонтиками ждал бы, и точно так же сопровождал бы хозяина со свечой и зонтиком. Не для этого ли больного, задается он вопросом, проезжает мимо него парадная карета дуки Торлонии, везущая *Бамбина Джезу*, маленькую деревянную раскрашенную куклу с сайта Ара Коэли. Если человек, которого она посещает, будет жить, *Бамбино* покраснеет, если умрет - побледнеет. Наш пешеход пересекает Форум Траяна и, поднимаясь по ступеням, сталкивается с человеком из народа, который, запыхавшись, сообщает ему, что идет за монсеньором Б., одним из епископальных каноников Санта-Мария-Маджоре, чтобы *причастить* его умирающего трехнедельного ребенка. Они с матерью очень хотят, чтобы их малыш попал в рай со всей славой дополнительного таинства. Слова "конфирмовать" трехнедельного младенца прозвучат странно для английских ушей. Поэтому следует помнить, что обряд конфирмации в английской церкви - это новый обряд, не похожий на те, что использовались в древних христианских общинах. В Римской Церкви обряд крещения - это древний сакраментальный обряд, дополняющий крещение, который всегда включал наложение епископом крестного знамения на лоб новокрещенного, "в знак духовного крещения". Как таковая, эта церемония не является отдельной от водного крещения. Наш друг поворачивает налево и, выйдя на площадь перед Квиринальским дворцом, видит приближающийся папский *кортеж*. Папа (это Пий IX) едет - не в своей государственной карете с золочеными

ангелами, которую мы еще можем увидеть у папских конюшен по дороге в Ватиканский музей скульптуры или в папский сад, а в карете, которой он пользуется каждый день. Все преклоняют колени, а мать, подносящая ребенка к апостольскому благословению, тайком "делает рожки" свободной рукой, поскольку Пий IX, по преданию, обладал дурным глазом и бросал *джеттатуру*.

Но дело близится к *Ave Maria*, часу заката, и даже слуге монсеньора довольно свободно и легко находиться за границей после этого позднего часа. Поэтому мы оставим нашего пешехода на Виа дель Квиринале, предварительно заметив вместе с ним группу семинаристов, направляющихся с вечерним визитом в церковь *Сантиссими Апостолов*; они приподнимают шляпы, проходя мимо дверей *сакраментата*, напротив дворца, где постоянно выставляют хозяина, а затем спешат дальше, чтобы увидеть Папу и получить его отеческое благословение. Мы же свернем у Четырех фонтанов и последуем за священником, который поднимается по узкой лестнице в апартаменты, занимаемые каноником базилики *Санта-Мария-ин-Трастевере* в старом зернохранилище дворца Барберини, превращенном в жилище для верных слугителей княжеского дома. Здесь есть все, что необходимо для его нужд: часовня, где он ежедневно совершает мессу, кухонные помещения и несколько комнат, где готовится пища и где он ест в компании с двумя сиротами, которые по его приглашению пришли к нему зимним вечером много лет назад рука об руку, две маленькие девочки десяти и пятнадцати лет, приехавшие одни из северного города.

Они причащаются на его ежедневной мессе, но их великодушный опекун, заботящийся об их нравственном воспитании, тщательно прячет свой экземпляр Писания как опасный труд для двух юных душ. Сестры пользуются невероятным отличием среди своих *commari* и *compari* - соседей и сплетников, потому что в капелле каноника есть *corpo di santo sano*. Кроме капеллы, у него есть спальня и гостиная, сообщающиеся между собой: они украшены Магдалинами во весь рост, хватающими черепа в знак явного осуждения их недостатка в одежде, распятиями, написанными на холсте, и живописными композициями, состоящими из распятия, обвешанного четками, по бокам от пары полыхающих церковных свечей и оживленных книгой, головой смерти или часовыми стеклами. Это его собственная работа, и никакое знакомство с произведениями искусства в Вечном городе не просветит его относительно их достоинств. Священник сначала входит в гостиную и видит там шесть или семь человек, все священники, стоящие на коленях в разных углах комнаты. Вскоре открывается дверь, входит священник и опускается на колени у свободного кресла. Другой поднимается, входит в спальню и тщательно закрывает за собой дверь. Наш каноник - любимый исповедник среди своих братьев по духовенству, и по общему обычаю священники исповедуются в домах религиозных или светских священников, которых они выбирают в качестве исповедников; правило об использовании публичных исповедален в церквях особенно применимо к исповеди женщин. Мужчины, стоящие на коленях в первой комнате, готовятся к еженедельной исповеди или совершают благодарственный молебен после нее.

Когда умер бедный каноник, оставив своих сирот-родственников без средств к существованию, то *тело святого*, которое могло бы принести хоть какую-то прибыль, сразу же забрали, потому что хранить его было запрещено церковными правилами, а картины, которые ничего не могли принести, продолжали смотреть на борьбу маленьких сестер, напоминая им о бедном канонике, а также о непостоянстве вкуса публики к *предметам добродетели* - ведь еще при его жизни эти картины получили свою долю уважительного восхищения.

Когда наш пешеход входит в дверь своего дома, которая покрыта *изображениями* и текстами, служащими талисманами, среди которых S. Anna the mother of the Madonna is not absent as a house-patron, and the faded rose brought from the festa of the *Divin Amore* figures conspicuously he may indeed have a vague sense that *annus Domini* will soon be too strong for the life he just was witnessed, but he don't be disturbed any speculation as the elements that have conspired to form the atmosphere around the first Bishop of Christendom in this his capital once the capital of the world. Он не будет думать об апофеозе императора в древнем Риме, об ориентализме, проникшем в западное христианство через Византию, навязывая то, что особенно здесь, в Риме, было чуждо его религиозному гению; он едва ли вспомнит, что временный суверенитет Папы добавил диадему к его тиаре, ибо он никогда не отличал временную руку от духовной и не различал той роли, которую первая играла в определении проявлений второй.

АРКА КОНСТАНТИНА

Воздвигнута сенатом в его честь в 312 году. Восемнадцать лет спустя он удалился в Византию, оставив римских епископов в фактическом владении вечным городом. См. страницы [32](#), [42](#), [237](#).

ГЛАВА XII

РИМСКИЙ ВОПРОС

I. До 1870 года

Римский вопрос" представляет собой единственный "религиозный" вопрос в Италии. Проблемы, волнующие другие страны, оставляют итальянца незатронутым и незаинтересованным. У него нет гения реформирования , нет гения создания сект, он так же

терпим к злоупотреблениям, как и к разнообразию. Вот и получается, что единственный "религиозный" вопрос в Италии - это вопрос политический: права и несправедливости ситуации, сложившейся для папства, когда оно лишилось своих временных владений.

Конечно, не все помнят, что идеалы великого будущего для Италии не ограничивались в "сороковые" годы только людьми итальянского *унитария*. Пий IX читал "*Speranze d'Italia*" Чезаре Бальбо и понимал, что Италии желательно освободиться от чужеземцев. Но больше всего его тронула работа Джоберти "*Первобытная мораль и гражданственность итальянцев*", в которой "величие христианства и судьбы Италии" излагались как взаимозависимые, причем Италия получила свое превосходство от христианского примата, который вырос в ее среде и был ее почвой. Там же он прочитал, что "Италия - столица Европы, потому что Рим - религиозная метрополия мира", и там же он получил свое представление об итальянской федерации под гражданским руководством папы. В том, что эта идея оказалась неосуществимой, не было вины Пия IX. Это была вина эпохи, в которой он жил. По темпераменту он не был обскурантом, и вначале он был в некотором роде политическим идеалистом. Воспитанный в благочестии и аккуратности, он не обладал политическим искусством и удивлялся, что папское правительство противостоит реформам, которых требовал современный прогресс. Однако его собственная папская карьера закончилась политическим обскурантизмом и абсурдом "*Силлабуса*". Однако даже если бы бегство в Гаэту не помешало охладить политический идеализм папы, все не могло бы закончиться иначе; ведь если, с одной стороны, ни одна европейская нация не согласилась бы поставить себя, даже номинально, под власть теократического сюзерена, то, с другой стороны, папство не было в "сороковых" годах и не было в течение столетий в состоянии принять гражданскую власть над великим европейским государством. Сам Джоберти сказал достаточно, чтобы показать, что его золотое видение католицизма зависело от полного восстановления Церкви, которое не было предпринято тогда и не было предпринято с тех пор.

Теперь, когда Рим потерян для пап, стало модным представлять временную власть как божественный инструмент для защиты и свободного развития Царства Божьего на земле - самосогласованного, идентичного, непрерывного. Такая концепция не соответствует фактам. Мы все знаем, что "дарение" Рима папам в четвертом веке первым христианским императором Константином - всего лишь благочестивый миф, но даже Карл Великий в восьмом сохранил свои императорские права на Рим и на личность понтифика. Только в эпоху возрождения и возвышения великих европейских государств с поглощением мелких княжеств и герцогств временная власть пап стала восприниматься ими в современном смысле, и именно тогда они завершили территориальные агрессии, в результате которых выделили для себя итальянское государство, простиравшееся на север и восток до Тосканы и Венеции и на юг до Неаполя. С тех пор история папства - это не история войны между силами мира и силами сатаны, не история усилий князей поработить и усилий пап утвердить христианскую свободу, а история усилий гражданской власти и гражданского князя обуздать папские посягательства на свои права - усилий, которые в течение семнадцатого и восемнадцатого веков достигли масштабов настоящей Магна Чартас гражданских свобод. Современная концепция временной власти усугубила "главенствующее положение", на которое претендовали папы в мирских делах; концепция гражданских свобод, тлевшая в Средние века, вспыхнула в современном мире, и между окончательным уничтожением всякого "домашнего правления" в папских государствах и потерей временной власти прошло менее века.

Когда мы говорим о рабстве папы во владениях короля Италии, мы забываем, что католические князья всегда были вынуждены сдерживать папскую руку и время от времени издавать законы, защищающие мелкое духовенство от крупного, прелатов от притязаний папства, народ от публикации нежелательных булл, а общественный мир - от тщательной проверки переписки между папой и епископами. Так дисциплинарные каноны Трентского собора не были опубликованы и никогда не были приняты во многих католических государствах. Каноническое право было постоянным противником гражданского законодательства, которое один за другим лишало церковников иммунитетов и упраздняло существование церковных судов для рассмотрения дел церковных преступников. Абстрактный вопрос об отношении пап к гражданским правам и мирской власти не может рассматриваться в отрыве от трезвого учения истории.

ЗАМОК И ПОНТЕ САНТ'АНДЖЕЛО

Замок Сант-Анджело, укрепленный во времена пап, был построен Адрианом как его мавзолей. Мост - древний *pons Aelius*, парапет которого современный, а статуи Св. Петра и Павла и ангелов, несущих орудия Страстей, были добавлены Клементом VII и IX. Он был построен Адрианом, чтобы добраться до своего мавзолея. В средние века он был обнесен двойным рядом будок, а во время юбилея 1450 года здесь были задавлены насмерть двести человек. См. стр. [32](#), [239](#), [242](#).

Уже в правление Пия VI римляне переняли от французов некоторые доктрины Революции, в том числе доктрину народного суверенитета. С тех пор папская власть никогда не могла быть поддержана иначе, как иностранным оружием; и дух, в котором великий Наполеон предложил свои услуги, должен быть достаточным доказательством того, что задача сохранения наследия Петра не была взята на себя теми, кого мы должны считать лучше итальянцев понимающими то, что принадлежит католическому миру. Каждый признает, что папские государства не были по-настоящему независимыми во время этих иностранных оккупаций: менее ясно то, что папа-король не обязательно более свободен в исполнении своих высоких обязанностей, чем папа, который не правит или даже может быть подданным другого правительства. Существует крытый путь из Ватикана в замок Сант-Анджело, который

сам по себе является притчей об истории римских пап. Он был построен как средство скрытного и безопасного бегства из Ватикана, когда беспокойные римляне или иностранные захватчики делали жизнь папы небезопасной и отдавали его город на милость вандалов. О "собственном городе папы Римского" никогда не следует думать без мысленного представления о крытом переходе от епископского дворца к укрепленному замку, по которому, молясь или проклиная, спешили папы молодые и старые, плохие и хорошие. Давайте посмотрим на некоторых из этих беглых пап и поймем по их дрожащим шагам, бессильным уговорам, затравленному взгляду, сколько достоинства и свободы обеспечило им владение Римом в осуществлении их божественной миссии. Есть тип католика, чья любимая тема - Каносса, как любимая тема его противника - система Коперника. Император, стоящий у замка Папы в рубашке кающегося, сквозь изнурительные дни и ледяные ночи умоляющий его отозвать указ об отлучении, поражает воображение, исключая продолжение истории. Через четыре года после событий в Каноссе "раскаявшийся" император в сопровождении своего антипапы привел в Рим армию и заставил Григория бежать в Капель Сант-Анджело. Народ отказался от дела великого Гильдебранда, предал Рим врагу у его ворот и низложил своего законного папу. Но месть императора за унижение, предпринятое в угоду суевериям вульгарных людей, на этом не закончилась. Генрих V потребовал от Пасхалия II нового наказания, и пока Европа безучастно взирала на происходящее, папу и его кардиналов сделали пленниками, а нескольких священников протащили по грязи за хвосты лошадей, когда имперские войска ускакали. Геласий II был схвачен во время конклава, избравшего его, растоптан ногами и закован в цепи в башне, принадлежащей Франджипани. Спасенный римлянами Трастевере и острова, он скрывается в *Борго* от императора, который преследует его в бегстве в Гаэту, аннулирует его избрание и провозглашает антипапой. По возвращении папы в Рим он был схвачен во время мессы в Сан-Прасседе, но, сбежав на луга у собора Святого Павла, где его нашли плачущим вместе с женщинами окрестностей, он умер изгнанником в клюнийском монастыре во Франции.

БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ МАРКА АВРЕЛИЯ НА КАПИТОЛИИ

Поставлена здесь Михаэлем Анджело в 1538 году, который перенес ее с Латеранской площади. Своей сохранностью статуя обязана убеждению, что она олицетворяет Константина. Справа и слева находятся музеи Капитолия. Сзади находится Дворец сенаторов с видом на Форум. См. стр. [13-15](#), [57](#), [58](#), [241](#).

В 1144 году римляне решили восстановить свободный сенат и потребовали, под влиянием Арнольда Брешианского, отмены временной власти. Луций II штурмовал Капитолий и погиб, защищая свои права, но его преемник был вынужден бежать из вечного города. Один наш английский папа, носивший прекрасное староанглийское имя Николас Брейкспир, заявил на смертном одре, что римский папа должен найти средства для удовлетворения гнусной души римского народа или покинуть свой трон и свой город беглецом. Действительно, нет ничего более заметного, чем строгая беспристрастность, с которой римляне применяли насилие к хорошим и плохим папам; и ровно за столетие до того, как они свергли великого Гильдебранда, их можно было видеть издевающимися над телом печально известного Бонифация VII, прозванного "Франконе", чей истекающий кровью труп пинали и катили по улицам Рима к подножию статуи доброго Марка Аврелия. В том же веке, когда в Риме правил англичанин Адриан IV, два немецких архиепископа повели войска против папы. Римляне, как обычно, потребовали от побежденного папы отречься от престола и приняли Барбароссу в качестве своего правителя, который дал им антипапу. Об одном императоре в это время можно было правдиво сказать, что у него на жаловании была "вся коллегия кардиналов", что дает некоторое представление о духовном достоинстве конклавов, а взлеты и падения, которым подвергались папские правители Рима, иллюстрирует случай папы Александра, который в том же двенадцатом веке после десятилетнего изгнания был принят с распростертыми объятиями непостоянным народом, который, однако, должным образом закидал его гроб камнями, когда он умер. Климент III, сам римлянин, был вынужден вновь санкционировать полномочия римского сената и передать народу часть пошлин. Иннокентий IV бежал в Геную, на этот раз из страха перед императором, который впоследствии держал его в плену в своем собственном Латеранском дворце. Даже Бонифаций VIII едва спасся от похищения французским королем и умер в Ватикане самым несчастным образом. Бенедикт XI, святейший венецианский папа, попытался наказать виновных в этом бесчинстве, но был вынужден отозвать свои буллы и удалиться в Перуджу. После избрания его преемником папы-француза Климента V последовало изгнание пап в Авиньон, и с момента возвращения в Рим в 1377 году папы не изменяли своему характеру, попеременно вдохновляясь и спасаясь от насилия внешнего и междоусобного.

Эта немая, но красноречивая притча в камне - настоящий синтез истории папства: епископский дворец у гробницы апостола, в первой христианской церкви, с одной стороны, и крепость, которая когда-то была мавзолеем языческого императора, с ее подземельями и историей, тайной и открытой, преступлений и кровопролития; А между ними - крытый путь, по которому папы переходят из одного в другой, символ не разделения, а рокового соединения духовного и мирского, которое преследует их историю.

Действительно, было бы странно, если бы века варварства могли обеспечить первому христианскому епископу честь и безопасность, которые теперь могут быть гарантированы ему той цивилизацией и терпимостью, которые мы заменили "веками веры"; и Объединенная Италия должна иметь впереди долгое будущее, прежде чем она сможет причинить папам хоть одну сотую часть тех унижений и страданий, которые они претерпели, будучи номинальными хозяевами Рима. Но такие современные условия преобладали не всегда, и те, кто во все века вел войну против теории временной власти, - святые и философы - должны

были признать, что в один период европейской истории территориальное владычество, феодальный ранг и власть были необходимостью. Церковь не создавала и не выбирала феодальную систему, которая действительно в принципе противоречила духу и учению Христова Евангелия, и давно прошли те времена, когда "светское величие гарантировало Церкви ее религиозную целостность" - тем не менее, эти дни когда-то существовали, И тогда Католическая Церковь была подобна крепкому мужчине, вооруженному *шапкой-пирожком* и сражающемуся за жизнь, оставляя на долю отдельного человека - святого епископа, святого клерка или мирянина - задачу смягчить суровость и сгладить шероховатости христианской системы, которая к тому же находилась в состоянии войны с самой собой. Хотя верно, что ни одна форма временной власти пап ни разу не обеспечила папству тех преимуществ, которые утверждаются ультрамонтанскими писателями с 1870 года, и, наоборот, верно, что события 1870 года не лишили папу этих преимуществ, но также совершенно верно, что папство было, на протяжении веков сохраняло для Италии ее древний характер мировой державы, а для Рима, оставленного Константином и его преемниками на произвол судьбы маленького провинциального городка, ютившегося в собственных развалинах и грязи, - престиж и значение города, правившего миром. Именно преемники Петра увековечили значение его названия "Вечный город" и в хорошую и плохую погоду несут бессмертие Августа. Это, безусловно, является главной претензией папства на внимание к Италии.

Кроме того, между Италией и папой существует любопытная и тонкая, но совершенно понятная связь, которую выразил священник-философ Джоберти в своей уже цитированной книге "Примат". Итальянец, который никогда не ходит в церковь, или итальянец, который не верит ни в какую церковь - а в Италии это совсем не обязательно один и тот же человек - с удовольствием и гордостью воспринимает папское первенство и с одобрением относится к тому явлению, которое заставляет всю остальную Европу целовать ногу итальянца. С одной стороны, он прекрасно понимает, что христианский примат - а это итальянский примат - придает блеск и космополитическую атмосферу городу и земле, которые были колыбелью современной цивилизации; и каким-то неопределенным, но, как мне кажется, определенным образом он видит в этом компенсацию за славу, ушедшую из его страны славы, осязаемый залог и подтверждение того мирового господства, скипетр которого теперь вырван из его рук.

S. ПЕТРА ИЗ ПИНЦИАНСКИХ САДОВ

См. стр. [16](#), [100](#), [135](#).

Современный ультрамонтан приучил современных простых верующих к исторической картине, которая, как мы видим, не имела никакого существования в действительности: Ватикан стоит торжественно и благопристойно, у его Бронзовых ворот стоит швейцарская гвардия; папский суверенитет и папские войска - распущенные злыми людьми в 1870 году - гарантируют папе и кардиналу свободу их священного служения как внутри, так и за пределами папских пределов. Только с 1870 года можно увидеть такую картину, в миниатюре, в стенах Ватикана, под почтительной опекой объединенной Италии, которая теперь окружает торжественный и благопристойный дворец, , конечно, не самый беспокойный центр Европы до 1870 года.

II. После 1870 года

Притязания пап на владение "двумя мечами" всегда были плодотворной причиной трений в Европе; но в Риме огромные духовные притязания папства, соединенные с утверждением, что папа является *de jure* божественным монархом монархов и может повелевать мечом князей, выполняя свои церковные повеления, приобрели уникальный аспект, поскольку здесь папа фактически владел мирским мечом и управлял как телами, так и душами людей. Гражданское верховенство государства - это, действительно, постоянное завоевание эпохи, в которой мы живем, и последний европейский оплот противоположной теории находился в самом Риме.

Поэтому интересно отметить, что в последние годы перед 1870 годом римляне ратовали именно за внутреннюю гражданскую реформу. Вмешательство духовенства в муниципальное управление было нестерпимым недовольством, и в 1857 году папе все еще требовались муниципальные реформы. Агитаторов можно было найти в основном среди юристов и врачей, образованной *буржуазии* - всегда меньшинства в Риме - к которым присоединились несколько глав и отпрысков великих семей. Но еще в предыдущий понтификат в Риме были организованы "демонстрации" в пользу падающего папства. Подстрекаемые кардиналом,

люди выводили лошадей из кареты Григория XVI и тащили папу в процессии; но у продажных демонстрантов было свое личное прошение, и когда вскоре после этого один из главных демонстрантов убил свою жену и усугубил убийство, жестоко заперев ее в комнате, чтобы она умерла без помощи, нежная совесть его товарищей была возмущена тем, что Григорий без колебаний отправил его на виселицу. Наемные войска, набранные из отбросов всех народов, которые очевидец назвал "пьяным сбродом", также были занозой в боку римлян. Характер этих папских сторонников был в целом настолько позорным, что *soldato del papa* было пресловутым презрением: они защищали Рим в сентябре 1870 года под командованием немецкого швейцарского полковника, назначенного генералом по этому случаю, чей противник, Кадорна, офицер совсем другого положения, написал историю осады.

За тридцать четыре года, прошедших с тех пор, тысячелетие в Италии, конечно, не наступило, и все стало не лучше, чем было раньше. Но, по крайней мере, у всего есть шанс стать лучше. Кое-что из того, что просили уступить папы, особенно в том, что касается уголовного судопроизводства, не улучшилось и по сей день, ведь итальянские законы, хотя в некоторых областях они представляют собой идеальные схемы законодательства, на практике очень часто оказываются мертвой буквой, а некоторые преступления, которые наводили ужас на старый Рим, прекратились благодаря очень простому способу освещения улиц в ночное время.

Statuto, конституция объединенной Италии, начинается с заявления о том, что государственной религией является католическая религия. Отношение Папы к государству было определено "Законом о гарантиях" в 1871 году. Его статус не подданного, а суверена, хотя и суверена без территориальных владений. Однако он является сувереном в своих дворцах - Ватикане, Латеране и Канцеллерии, которые вместе с папской загородной резиденцией в Кастель-Гандольфо по-прежнему принадлежат ему. Внутри Ватикана он может содержать и содержит определенные роты солдат и гвардейцев, а *экстерриториальность* распространяется на территорию Ватикана: ни один итальянский чиновник не имеет права входить туда без приглашения. Иностранные государства могут аккредитовать послов и полномочных министров при дворе Папы, а он может содержать послов, или нунциев, при иностранных дворах. Арбазилики Святого Петра, Святого Иоанна Латеранского и Святой Марии Маджоре также принадлежат Папе, и их владение позволило Льву XIII отказать в любой из великих базилик для бракосочетания нынешнего короля Италии. Дворец Санта-Мария-Маджоре был подтвержден папе в качестве компенсации за потерю Квиринала, и эта территория, как и все остальные названные дворцы, церкви и виллы, является *папской*, а не итальянской территорией. Кроме того, закон о гарантиях предусматривает ежегодную выплату папе 130 000 фунтов стерлингов (три с четвертью миллиона франков) в качестве компенсации его доходов. Эта сумма так и не была принята. Закон был призван обеспечить полную независимость Папы от итальянской короны, за которой, как считалось, будут ревностно следить другие католические государства; он гарантирует его полную личную и административную независимость в управлении Церковью, а также в общении его и его агентов со странами за пределами Италии. То, что папы никогда не были удовлетворены этим, доказывают их постоянные протесты и призывы к свободе и достоинству временного суверенитета.

Отношения церкви и государства в Италии похожи на те, что существуют в других католических странах. Все доходы папских государств, разумеется, перешли в руки итальянского правительства, которое также забрало себе доходы таких учреждений, как *Propaganda Fide*. Был создан *Fondo Culto*, и государство продолжало управлять церковными

доходами страны для тех же целей, что и Папа. Он выплачивает жалование приходским священникам, и только что созрел проект по его увеличению в тех приходах, где оно составляет менее 1000 франков (40 фунтов стерлингов) в год. Только в мае прошлого года (1904) в *Камере* обсуждался вопрос об облегчении положения низшего и не получающего пособия духовенства, а также бедных провинциальных семинарий для подготовки священников. Епископы и каноники не могут стать обладателями своих "временных владений" без королевской *экзекватуры*, а все общественные религиозные ткани по всей стране принадлежат государству. В чем изменилось церковное лицо Италии, так это в подавлении и экспроприации монастырей и религиозных домов: исторические места (с их сокровищами) были объявлены национальными памятниками, постепенное подавление населявших их общин было предусмотрено законом, запрещающим принимать новых членов, а монастырские доходы были частично превращены в незначительные пенсии - от двух франков до пятидесяти сантимов в день - выплачиваемые каждому представителю подавленных общин. О том, что терпимое итальянское правительство не применяло закон с особой строгостью, свидетельствует тот факт, что до сих пор существуют общины, которые в течение тридцати восьми лет избегали окончательной конфискации, тихо пополняя свое число, чтобы оно никогда не опускалось ниже роковых шести, означающих расформирование. В конце века все еще насчитывалось 13 875 религиозных общин, которые по этому закону получали 176 000 фунтов стерлингов. Что касается самого Рима, то религиозные конгрегации доказали, что он не стал для них непосильным местом жительства. Исторические дома являются национальными памятниками, и древние общины набираются только *sub rosa*, но новые "Материнские дома" всех великих орденов занимают в Риме великолепные места, нелегальные "профессии" происходят каждый день, и число монахов, монахов и религиозных обоих полов значительно больше, чем было до 1870 года. Так верно, что ни один район, ни одна улица в Риме не обходится без монастыря, что остроумно было заявлено, что "мирская власть" фактически возвращается таким образом - и Рим снова становится церковной собственностью в *roods* и *acres*.

Трудно предположить, что мы близки к примирению между Папой и Италией, или что еще есть время для создания удовлетворительной коалиции между консервативными силами закона и порядка в стране и моральными силами католицизма против натиска подрывных сил социализма и политического радикализма. Многие из лучших людей с итальянской стороны действительно осудили бы любое примирение с Папой в настоящее время на том основании, что оно повлечет за собой сдерживание гражданского прогресса итальянского народа. Между тем итальянцы, конечно, не становятся более религиозными в условиях системы, которая предполагает, что если ты хороший гражданин, то не можешь быть "хорошим католиком", и именно папы должны определить, является ли иррелигиозность народа слишком тяжелой ценой за поддержание его протеста против событий 1870 года. Последовавшее за этим отчуждение некоторых лучших религиозных элементов в стране, по крайней мере, наносит серьезный вред, поскольку заставляет более умных людей сомневаться в том, что оставшиеся религиозные элементы достойны того, чтобы считаться в каком-либо смысле моральной силой, на которую можно было бы ссылаться для сотрудничества с лучшими современными светскими силами.

Между тем противоборствующие фракции находятся лицом к лицу уже тридцать четыре года. Как они вели себя и как изменились за это время? Официальное поведение Ватикана не менялось до тех пор, пока Пий X. не вззошел на кафедру Петра. Пий IX подал пример агрессивных публичных высказываний и позволил субсидируемым клерикальным газетам нападать на Виктора Эммануила как в частной, так и в общественной жизни. С другой стороны, он никогда не позволил бы в своем присутствии ни слова против короля, а его

собственные письма к нему были не только дружескими, но и ласковыми. Эта маленькая комедия оскорбила чувство приличия итальянца и, как политика, привела к отчуждению итальянских симпатий. Общая тенденция светской стороны была примирительной; итальянцы, действительно, начали с фарса на следующий день после своего въезда в Рим, фарса, должным образом запечатленного в названии улицы, проходящей мимо церкви *Джезу. Плебисцит* зафиксировал волю "белых", но не волю "черных", ни один из которых не голосовал; а сорок шесть голосов против нового *режима*, которые фигурировали в итоговых данных, были поданы самими "белыми". Тем не менее католики в Риме, которые не делают из своей религии *политику*, охотно признают, что пользуются большой свободой. Не так давно по просьбе приехавшего капеллана власти устроили так, что одного мужчину привезли в тюрьму, где отбывала наказание его жена, чтобы их гражданский брак был завершен религиозным обрядом. Уже несколько лет нынешний кардинал-викарий Рима совершает пасхальное причастие для заключенных тюрьмы *Regina Coeli* к радости тюремных служащих и взаимному утешению кардинала и черной овцы, которую он в этот день несет домой на плече, радуясь. Известно, что офицеры призывают солдат выполнять свои религиозные обязанности на Пасху и напоминают им об этом по мере наступления сезона. Каждый солдат может получить отпуск для исповеди и причастия, и существует правило, обязывающее всех уходящих в такой отпуск брать с собой билет на причастие, который выдается у рельсов каждому причащающемуся на Пасху. Многие солдаты предпочитают ходить в собор Святого Петра, и карабинеров в их трезвой черной форме всегда можно увидеть там во время Страстной недели.

Легко понять, что в таком положении дел, как существование государственной церкви рядом с враждебным папством, нередко встречаются как несоответствия, так и уступки. То король требует освятить полковое знамя, то папа хочет, чтобы дороги были в порядке, пока пятьдесят тысяч паломников стекаются к собору Святого Петра. В последние годы понтификата Льва XIII итальянская полиция была приглашена в базилику и возглавила процессию со всем приличием традиционных вергеров - *Сампьетрини*. Эти взаимные интересы требуют даже телефонной связи между Квириналом и Ватиканом. Теоретически Савойский дом, члены правительства и все лица, находящиеся на его содержании, вплоть до *хранителей* руин и музеев Рима с их семьями, отлучаются от церкви. На практике Папа предоставляет капеллана для королевского дворца, приходской священник в последние годы входит в Квиринал и проникает в королевские спальни для обычного благословения домов накануне Пасхи, итальянские чиновники и их семьи получают отпущение грехов, как и все остальные, и по иронии истории "отлученная" королева Маргарита Савойская была единственной княжеской персоной, выполнившей условия последнего Юбилейного года в Риме.

С ТЕРРАСЫ ДОМА ДОМИЦИАНА

Перед нами церковь, построенная на месте храма Венеры и Рима и посвященная святой Франческе Римской, величайшей из римских святых. Слева - огромные руины базилики первого христианского императора, справа - арка Тита, посвященная падению Иерусалима, и дорога с *крестным ходом*, ведущая к церкви Святого Бонавентуры, биографа Святого Франциска, построенной против стадиона Домициана.

Вид открывается с террасы, выходящей на внутреннюю базилику Флавиева дома, которая до сих пор сохранила больше форм христианской базилики, чем любое другое языческое здание. Здесь сошлись воедино старое и новое, христианское и языческое, папское и императорское - потрясения двух мировых империй. См. [вклейку, страницы 44, 50](#).

А "черные и белые"? В "восемидесятые" различия между теми, кто держался за старый режим, и теми, кто принял новый, были еще достаточно заметны, но в последнее десятилетие века "черные" стали "серыми", или, как они сами любили выражаться, *caffè-latte*, ни черными, ни белыми. Принятие приглашений в Квиринал до сих пор влекло за собой потерю тех официальных приглашений в Ватикан, которые предоставлялись римской аристократии на каждую великую папскую церемонию. Многие из ее старших членов по-прежнему не посещают все официальные "белые" приемы, а дочь на помолвке представляется не ко двору, а папе вместе с *женихом*. Но в частном обществе великие "черные" дамы теперь знают и встречаются с "белым" обществом, с которым многие римские семьи связаны брачными узами; и нередко случаи, когда одна ветвь старого римского дома держится за Папу, а другая - за короля. Но везде, даже там, где родители не вхожи в официальное "белое" общество, их дети теперь ходят к Квириналу. Таким образом, мы очень далеки от того времени, когда ни один представитель римской аристократии не встречался с королем или королевой, когда двор состоял исключительно из новых людей или пьемонтцев, которых король привозил с собой. Прошел тот день, когда даже в бальном зале "черные" заботились о том, чтобы обозначить себя, надев желтую (папскую) розу, и только священники и новообращенные англичане по-прежнему не приветствовать государя. Один римский принц, однако, продолжает живописно протестовать, и большая дверь дворца

принца Ланчеллотти никогда не открывалась с того дня, как король Италии вошел в столицу Папы. Даже когда совсем недавно из великого молчаливого дома стали раздавать приглашения на бал, все гости толпились у дверей.

Когда сейчас кто-нибудь из представителей старой школы спрашивает, хорошо или плохо работало прежнее правительство, лучшим и самым мудрым ответом будет: "Это были *altri tempi*, другие времена". И именно по этой причине невозможно, чтобы две партии продолжали существовать после нынешнего поколения. На самом деле раскол произошел из-за того, что партии Ватикана и Квиринала живут в двух разных эпохах; они живут в разных мирах и говорят на разных языках. Старомодные "черные" могут мыслить только в кругу идей и настроений, политических и моральных, в котором они родились, но который в настоящее время не имеет точки соприкосновения с реальностью, с живым миром вокруг них, с "вещами как они есть". Старое имеет свою красоту, а новое - свои уродства, как всегда; но они также часто меняют эти позиции. Пятнадцать лет назад один из самых выдающихся итальянских епархов написал брошюру под названием "*Roma e l'Italia, e la realtà delle cose, pensieri di un prelado italiano*" - "Рим, Италия, и вещи как они есть; мысли итальянского прелата". Как только его имя стало известно, ему велели отозвать памфлет, причем публично, с его собственной кафедры. Это не воодушевило других, кто думал так же, как он, в стране, где светское общественное мнение все еще имеет так мало значения, индивидуальная "смелость ваших мнений" - еще меньше, и где общественное мнение среди церковников просто не существует. Однако в начале девятнадцатого века кардинал-статс-секретарь обладал смелостью своих взглядов, о чем свидетельствуют следующие отрывки из его мемуаров. Он известен своей защитой иезуитов от янсенистов во время пребывания в Париже в качестве папского чрезвычайного посланника, а также названным в его честь законом Пакка, запрещающим частным владельцам вывозить из Италии великие произведения искусства. "Провидение, - пишет он, - отняло у Святого престола мирскую власть и подготовило те изменения в государствах и правительствах, которые вновь сделают возможным для папы, хотя и подданного, править и управлять всем телом верующих". "Папы, освобожденные от бремени временной власти, которая обязывала их посвящать значительную часть своего времени светским делам, могут теперь обратить все свое внимание и все свои заботы на духовное управление Церковью; и когда Римская Церковь лишится той пышности и великолепия, которые давал ей временный суверенитет, тогда среди ее духовенства будут числиться только те, кто *bonum opus desiderant*."

Этот жалкий борец за папские права в двенадцатом веке Геласий II, воскликнул своим кардиналам: "Мы должны покинуть Рим, где невозможно оставаться". Этот пронзительный крик, как мы полагаем, не должен иметь дальнейшего эха: эпоха, о которой Грегоровиус пишет, что папы "были вынуждены покинуть Рим, чтобы понять в чужих странах, что их все еще почитают как представителей Христа", завершилась, как мы надеемся, с вступлением итальянцев в Рим и последующим созданием - вместо неуловимого "*Roma intangibile*" - того, что Бисмарк счастливо назвал "нематериальным Ватиканом".

ССЫЛКИ:

[1] *Le Basiliche Cristiane*. Mons. Pietro Crostarosa. Rome.

[2] Gabelli, *Roma e i Romani*.

[3] Папы со времен Зефирина, предшественника Каллиста, до Мильтиада, жившего накануне "Мира", покоятся на этом большом кладбище.

[4] Gebhart, *L'Italie Mystique*.

[5] *Теппа* и *Каморра* - это учреждения, соответственно, севера и юга полуострова. Первая набирается исключительно из низших слоев населения и представляет собой не что иное, как лигу невоспитанных людей, готовых на любые злодеяния. Каморра, как и мафия, больше похожа на тайное общество и на те фракционные практики, которые в высшей степени характерны для Италии. В этом смысле *Каморра* - национальный институт, который заражает каждое итальянское предприятие и функционирует в каждом итальянском театре. *Мафия*, как и *Каморра*, широко распространена в Неаполе и на Сицилии и насчитывает в своих рядах людей всех сословий. Ни одна из этих организаций никогда не была римской; а "*тепписти*", которые сейчас страдают от Рима, являются импортом с севера.

[6] Зона, в которой совершается наибольшее количество преступлений, связанных с насилием, - Лацио (Лациум).

[7] Совсем иная роль у них в сельских районах, которые они полностью контролируют, причем смело и самоотверженно.

[8] *Клементи*, действительно, был римлянином, и римлянин похоронен в монастыре Вестминстерского аббатства.

КОНЕЦ

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.